

The background of the cover is a photograph of a vast, dark body of water under a heavy, overcast sky. The sky is filled with large, billowing clouds in shades of grey and white, with some light breaking through near the horizon. The water in the foreground is dark and calm, reflecting the somber tones of the sky. In the distance, a thin line of land is visible with some utility poles and sparse vegetation.

Сергей Виниченко

В лабиринтах
времени

Сергей Виниченко

В лабиринтах времени

Проза и публицистика

Костанай
2024

УДК 82-3
ББК 84 (5Каз=Рус)
В 48

Виниченко С. В лабиринтах времени [Электронный ресурс] : Проза и публицистика / С. Виниченко. – Костанай, 2024. – 205 с.

В книге известного североказахстанского историка и краеведа любознательный читатель найдёт для себя много интересного. Сквозь авторскую прозу он сможет взглянуть на последние годы советского периода истории. Краеведческие очерки дадут возможность побывать в далёком прошлом и погрузиться в увлекательный мир людей, чьи имена остались лишь на страницах архивных документов и мраморных плитах забытых погостов. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Фото на обложке: Татьяна Потапова «Гроза над Пресным озером»

УДК 82-3
ББК 84 (5Каз=Рус)
© Виниченко С.Н.

Непридуманные рассказы

Истинное мужество состоит в том,
чтобы любить жизнь,
зная о ней всю правду.
Сергей Довлатов

Русское поле

Заливистая трель будильника решительно проникла в сон и смахнула прочь обрывки сновидений. За окном рождался новый день. Лучи солнца пытались проникнуть в полутьму комнаты через плотную ткань портьеры. Полоска света на платяном шкафу металась по его полированной поверхности, ежесекундно меняя свое положение. Книги и бумаги на столе лежали там же, где застала их глубокая ночь.

Через три часа мне предстояло выйти на сцену российского Дома культуры для произнесения речи по поводу двадцатилетнего юбилея литературного объединения «Половинские родники». Я попал в его звёздный состав ещё в 2011 году по настойчивому предложению писателя и поэта Александра Ивановича Дедова. Наше знакомство состоялось 6 апреля 2010 года в Пресногорьковском школьном музее. Неоднократно я бывал на встречах и каждый раз они запоминались надолго. В августе 2015 года Александра Ивановича не стало, а ковид на целых два года запер меня в нашем глухом углу. Прекратились мои поездки за границу.

Я вышел из дома. На дворе пахло яблоками и утренней свежестью. Лето, щедрое на тепло и солнечные дни, ещё не потеряло свою силу. Отовсюду била кипучая энергия – яркими красками цветов и жужжанием пчелы, радостным шелестом листьев, криком чаек над озером, ласковым ветерком.

Я завёл «Ниву» и поехал к границе. Разбитое шоссе и скрип в правом колесе не портили мне настроения. Ехал медленно, по пути встречая, словно старого друга, каждый берёзовый колок и заглядывая в манящую уютную даль у горизонта. По этой дороге полвека назад мы колесили на велосипедах, открывая для себя всё новые земли за очередным леском или озером. Пространство становился всё шире, вселенная раздвигала свои границы и мы ощущали безмерную радость от ежедневных открытий. Результатом наших путешествий были начерченные карандашом карты и яркие описания местности.

После поворота на таможню у Белоглинки "Нива" заскочила на вспаханный дорожниками асфальт и запрыгала по кочкам, издавая дребезжание всеми своими тягами. На этом участке дороги пришлось однажды прокопать лопатой колею около ста метров, чтобы выскочить из снежного плена. Вот, наконец, поворот ввиду российской деревни Воскресенское и я оказываюсь у первого шлагбаума казахстанско - российской границы. Осмотр и паспортный контроль не вызывает

затруднений, я пролетаю нейтральную полосу и упираюсь в фуру с узбекскими номерами, перед которой стоит ряд легковых машин. Ничего не поделаешь, придется зависнуть здесь на неопределенное время. Солнце между тем начинает разогревать воздух. Сажу в машину, открыв двери, и смотрю на заросшее камышом озеро Шибаетово. На его зеркальной глади резвятся вырвавшиеся из-под материнского крыла утята, а взрослые уже формируют небольшие стайки и совершают полеты к разным берегам. «Вот же счастливые, – думается мне, – нет для них никаких границ и препятствий, летят куда хотят».

Не раз доводилось в былые годы ночевать именно в этом месте. В советское время, когда не было границ, совхоз-миллионер "Пресногорьковский" сдавал скот на Курганский мясокомбинат. Я был представителем совхоза и ездил вместе с шоферами на неповоротливых седельных тягачах кутаисского производства. В скотовоз входило пятнадцать голов крупного рогатого скота, он был очень плох в эксплуатации при преодолении снежных заносов. Пик сдачи приходился на морозные и метельные зимние месяцы, поэтому ночевать приходилось в чистом поле, в продуваемом холодном КАЗе, именуемом в народе "козой". Его задувало так, что иной раз невозможно было открыть дверь – её подпирали плотный снежный пласт. Нужно было поддерживать тепло и не глушить двигатель, для этого в Половинном заправляли под завязку все баки. Но если ветер дул в «спину» тягача, то была реальная опасность отравиться выхлопными газами. Такая ситуация была редкостью – ветра, как правило, дули южные, со стороны степи. Однажды в узком снежном туннеле скопилось несколько машин. Ночевали вторую ночь, поэтому у нас кончился бензин. На общем шоферском совете в просторной кабине КАЗа порешили отправиться с канистрой к ближайшей машине, чтобы слить с её бака бензин. Жребий заставил меня привязаться веревкой к ручке двери и отправиться в снежную мглу. Темнело, дуло так, что не было видно даже воскресеновских фонарей – от них отражённый свет уходил в небо. У соседнего газона пришлось руками откапывать бак, чтобы установить канистру ниже его. Не рассчитал, хлебнул бензина через тонкий шланг, но, к счастью, моя ёмкость стала наполняться бензином. Цепляясь за веревку, я побрёл к своей машине. Скотовоз представлял собой гору снега, выделяющуюся на открытой местности. Ветер создал причудливые очертания, напоминающие сказочные замки. Из снежной кутерьмы возникла сторбленная фигура человека. Это был директор Петропавловского совхоза Церр, обогнавший нас на «Ниве». Теперь он бросил машину в степи и пытался вернуться в Воскресенское, чтобы не замерзнуть до утра. Позже «Ниву» нашли по торчащей из сугроба антенне...

Телефонный звонок вернул меня в настоящее. Отвечать себе дороже – роуминг. Пишу СМС: «Задержался, буду через час»...Наконец запускают под навес и меня. Капот машины прилип от жары и не хочет открываться по требованию пограничника. Стою под навесом, жду, когда остынет железо. В моторном отсеке нет ничего интересного для зоркого ока «Карацупы» со смотровым зеркалом. И вот уже шуршит моя старенькая «Нива» по ровному асфальту зауральской дороги. Разметка, ни ямки, по сторонам деревеньки

блестят черепичными крышами в зелени тополей. Страхового полиса у меня нет – неправильно платить круглую сумму за несколько часов пребывания в России. Дорога одна, присматриваюсь к встречным автомобилям – не гаец ли?

Дом Культуры заметно преобразился с момента моего последнего посещения – и снаружи и внутри стал более современным и изящным.

Я приоткрыл двери в тёмный зал и шагнул через порог. С кресла первого ряда поднялась миловидная девушка и, чуть пригибаясь, подошла ко мне.

-Пойдёмте, пойдёмте, мы вас ждём, – понизив голос до шёпота, проговорила она из темноты. Отодвинув в сторону бархатистую на ощупь портьеру, я прошёл вслед за ней, ощущая на себе краткое внимание зала, впрочем, тут же переместившееся в центр ярко освещённой сцены. Я плюхнулся в кресло под хоровое пение самодеятельного вокального ансамбля...

...На сцене сменялись творческие коллективы, читали стихи Юрий Александрович Сафронов, Сергей Петрович Шохирев, Александр Васильевич Есин, с огромного экрана поздравляла присутствующих курганская поэтесса Марина Перова... Каждый выступающий вспоминал Александра Ивановича Дедова, который будто присутствовал в зале. Потом была тёплая, дружеская встреча в неформальной обстановке. Состояние «дежавю» не оставляло меня всё это время. Разве что люди не стали моложе, оставшись такими же красивыми, как и несколько лет назад. «В таких людях – вся соль земли», – пришла мне на ум библейская истина после расставания с Людмилой Михайловной Дедовой и Юрием Александровичем Сафроновым на крутом крыльце Дома культуры.

Прежде знакомства с писателем и поэтом Дедовым, я прочёл его книгу о судьбе русского крестьянства, в которой он с пронзительным трагизмом описал мытарства своих земляков деревеньки Филиппово в годы коллективизации. Книжка оказалась в моих руках благодаря редактору районной газеты Галины Михайловны Абрамовой. В тесной редакции, где мы говорили с ней о разных житейских мелочах, она вдруг порывисто встала, взяла с полки книгу и протянула её мне: «Наш писатель-краевед недавно издал небольшим тиражом, вам должна понравиться». После прочтения я подумал о том, что велика талантами русская земля – во всех её потаённых уголках можно отыскать алмаз, даже без огранки блистающий своими краями, словно настоящий бриллиант. Эта мысль позже не раз приходила мне на ум после встреч с участниками «Половинских родников» на презентациях книг и сборников стихов...

Миновав последнюю улочку Половинного, я повернул влево – на дорогу, ведущую в Трубецкое и далее – в Филиппово. Страхового полиса у меня нет, как нет и внятного объяснения по поводу моего проникновения в пограничную зону – от Филиппово до казахстанского озера Мыльного не более пяти вёрст. Но я должен побывать на месте последнего упокоения друга. У оградки услужливая память напомнила, как всё было несколько лет назад...

После того, как мои три горсти земли глухо ударились о крышку, я в горести стал бесцельно бродить между заросшими могильными холмиками,

отстранившись от скорбной толпы людей. Трава на тропинках под палящими лучами августовского солнца завяла, стала жесткой и колючей. Неужели вся эта огромная людская масса, лежащая здесь, со своими чувствами, эмоциями, со своей радостью и любовью, гневом и ненавистью, тайнами и желаниями, исчезла навсегда, растворилась в небытии?

«Половинские родники – 2023»

Невозможно, чтобы множество людей превратились в прах только для того, чтобы последующие поколения совершили подобный печальный круг и канули в вечность, забытые уже правнуками? Внутри меня что-то восставало против этой чудовищной несправедливости, и сердце стучало в такт: «Нет, нет, нет...». С каждым годом пространство вокруг меня теряло вначале друзей детства, потом родителей, далее наступил черёд друзей юности и зрелости. Постепенно остаешься в пространстве пустоты, в котором окружающие уже не понимают того, что было известно и понятно всем и каждому в твоё время. Тебя вежливо слушают, но твои решения и советы воспринимаются как анахронизм, давно покрывшийся пылью. Пространство общения вокруг тебя сужается и ты начинаешь дорожить каждым телефонным номером, но удалять их приходится все чаще. Однако, вероятно прав Эйнштейн, писавший в письме дочери, что основой мироздания является Любовь – лишь она одна способна созидать и творить, и оставлять шедевры. Бог есть Любовь, и вера делает человека неуязвимым или, по крайней мере, условно неуязвимым, пока тело не разлучено с душой. А дальше – всё происходящее с душой непостижимо... «Делай, что должно, и будь, что будет. А будет то, что Бог даст»...

Когда я подвернул к периметру таможни, солнце уже тронуло краешком раскаленные крыши воскресенских домов. Его прощальные блики играли на асфальте смотровой площадки. Лёгкий южный ветерок лениво качал верхушки молоденьких сосен, выросших вдоль пограничной ограды. Перед входом на паспортный контроль я полной грудью вдохнул пряный запах русского поля, запах несжатой золотой пшеницы и лесного разнотравья, принесенный ветром от уже синеющих вдали берёзовых рощ. Из динамика «Нивы» лилась песня Трофимова:

Это всё моё, родное, это где-то в глубине,
Это самое святое, что осталось во мне,
Это нас хранит и лечит, как Господня благодать,
Это то, что не купить и не отнять...

Моё свидание с прошлым подошло к концу.

Лекция

Зимой 1974-го года зал нового Дома Культуры, гордости Пресногорьковского совхоза, был полон народа. Все двести мягких кресел, с запахом новенькой обивки, были заняты сельчанами, а те, кому повезло меньше, беспорядочно толпились вдоль стен и огромных окон, закрытых тяжелыми шторами. В зале стоял глухой шум, невнятный говор и смех.

На широкой полукруглой сцене, за длинным столом, покрытым бархатной кумачовой скатертью, сидели в ряд несколько человек. Их лица были торжественно-серьёзные, а мелкое постукивание костяшками пальцев по столу свидетельствовало о нервном ожидании начала собрания.

Наконец, со стула встал председатель и сделал в зал жест рукой, растопырив пальцы, словно останавливая автомобиль. Шум постепенно утих и в зале воцарилась тишина.

-Уважаемые товарищи, мы собрались здесь, чтобы послушать лекцию о международном положении, – председатель негромко кашлянул, и продолжил, – из Кустаная к нам приехал лектор, товарищ Петров. Все вопросы к нему после выступления. Просьба – соблюдать тишину.

С этими словами председатель медленно опустился на стул, вынул из кармана пиджака расчёску и одним движением откинул назад седеющие волосы. В зале было слышно, как звякнули его ордена.

К трибуне медленно подошёл полный молодой человек в черных роговых очках. Со значимым видом он достал из кожаной папки несколько листов и начал лекцию. Целый час он рассказывал притихшим сельчанам о сложном международном положении, о происках империалистов, о трагической судьбе негров в далекой Америке...

Изредка лектор вытирал платком вспотевший высокий лоб и ненадолго прерывал лекцию, наливая в гранёный стакан воду из пузатого графина. Его эмоциональное напряжение передалось присутствующим. Атмосфера постепенно накалялась. Тишина стояла такая, что бульканье воды о дно стакана было слышно людям в дальних углах зала. Картины ядерного

апокалипсиса, который вот-вот должен был разразиться и поглотить всё живое, стали явственно чудиться слушателям и каждый невольно проникался ожиданием близкого конца.

Дом культуры в 1987 году

Наконец, товарищ из Кустаная закончил свою речь. Зал находился в полном ступоре от услышанного. Все молчали. Даже заядлые балагуры не проронили ни слова... Председатель, не вставая из-за стола, предложил задавать вопросы. По лицу его было заметно, что даже он проникся глубиной сказанного.

В центре зала осторожно поднялась единственная рука. Взоры станичников обратились к седому ветерану, всеми уважаемому Семёну Фёдоровичу Грозному.

-У меня есть вопрос, – хриловатым, низким голосом произнёс Семён Фёдорович.

-Пожалуйста, пожалуйста, – лектор, подавшись вперёд, весь превратился в слух.

-Хочу спросить, а когда сепараторы привезут?

Долю секунды длилась гробовая тишина...Всеобщий дружный хохот буквально порвал зал. Кто-то безудержно хохотал, переломившись пополам, кто-то колотил обеими ногами пол, так, что дрожали оконные портьеры.

Лектор стоял у трибуны и растерянно улыбался. Буйство зала продолжалось несколько минут.

Как-то мгновенно забылось тяжелое положение американских негров, и ядерный апокалипсис испарился из наших голов.

Всем сразу полегчало...

Кухонный наряд

До провисшего тента палатки с верхней «шконки» можно достать рукой. В зависимости от погоды брезент над головой меняет окраску – бывает тёплым и рыжеватым в солнечные дни, а чаще – тёмным и неприветливым, набухшим от влаги – в дождь. Струи воды, вырвавшись из глубин прохудившегося хабаровского неба, нещадно колотят по крыше, словно в натянутую кожу барабана. Изредка капли срываются и тяжело падают вниз, на спящих без задних ног военных строителей Минспецдальстроя. Сыростью пропитано всё – постельное бельё, грубые одеяла, одежда и обмотанные вокруг голенищ сапог портянки. Две маленькие самодельные печурки помогают мало. Они дико чадят, в них сохнет и трещит сырой хворост, собранный дневальными на склонах Ореховой сопки. Печка производит много едкого угарного дыма и совсем мало тепла. Крыша палатки напоминает дуршлаг – в прожжённые дыры ясной ночью в черном безлунном небе видны звезды, до которых также бесконечно далеко, как до дембеля. Неизбежность последнего здесь никто не отрицает, как и предстоящий крах капитализма. Но до него ещё надо прожить великое множество дней и ночей...

Место палаточного лагеря. Хабаровск. 2023 год

После обеда я оказался на верхнем ярусе вместо строительного котлована по причине предстоящего суточного дежурства на кухне. Этот наряд был самым сложным из тех, кого отправляли ровно в 16.00 с развода дневальить и дежурить по роте. На кухню попадали сплошь «косячники», за нарушение дисциплины и формы одежды. До развода «нарядчики» получали право на послеобеденный сон, подшивку подворотничков и чистку сапог. На всё про всё – три часа.

Закрываю глаза и вмиг, словно переместившись в машине времени, попадаю в иной мир – в уютные объятия ресторана, где знакомые официанты

разносят фирменное блюдо для гостей города – мясо по-кустанайски. На эстрадной площадке – ВИА «Зодчие» в блестящих пиджаках, с волосами до плеч, играют вариации из «Pink Floyd». Удивительно, но я ощущаю даже запахи – чудную смесь ароматов местной кухни, сигаретного дыма и дорогих духов. И вот у самой сцены мы с Наташей танцуем последнее танго, ушедшее в прошлое вместе с бурной весной 1983-го года:

-Снег кружится, летает, летает,

И позёмкою клубя,

Заметает зима, заметает,

Всё, что было до тебя...

Всё же хорошо быть свободным, пусть только в воспоминаниях и в ночных снах! Как же я ненавижу лейтенанта Таранюка вместе с его криком:

-На развоод, становись!

Мотаю портянки, запрыгиваю в стоящие у табурета сапоги и выскакиваю из палатки на залитый водой плац. Разводящий уже вышагивает, сцепив руки за спиной, перед строем солдат. В конце инструктажа на моей левой руке появляется красная повязка с надписью «дежурный по столовой». Наряды отправились к месту несения службы. Кухонный наряд, едва перебирая ногами, уныло поплелся за своим командиром. Девять военных строителей из разных подразделений в ближайшие сутки должны были стать единым коллективом.

Палаточный лагерь представлял собой замкнутый прямоугольный периметр у гряды сопок, обнесённый трёхметровым забором из неструганного горбыля, поверх которого кружевом вилась колючая проволока. Выход за забор приравнивался к самовольной отлучке. На территории построили двенадцать – по числу взводов – больших палаток, штаб и лазарет. Ночами лагерь освещался несколькими мощными прожекторами. За южной стеной виднелись крыши длинных одноэтажных кирпичных казарм 53-й части. В них кроме военных строителей располагалась рота охраны и сопровождения грузов. Солдаты роты носили на плечах черные погоны с автобатовскими эмблемами. Разместить охранников внутри стройбатовской части, львиную долю которой представляли бывшие уголовники, было смелым решением. Но начальству, как говорится, виднее...

Пищеблок представлял собой узкий длинный барак с небольшими оконцами, прислонившийся своим торцом к кухне. Вдоль горбатых стен расположились едва струганые столы и скамейки, вмещавшие по десять человек. Одновременно в бараке могли сесть за столы две роты – более двухсот строителей.

Кухонному наряду предстояло справиться с ужином, завтраком и обедом, то есть без эксцессов накормить около пятисот человек. После предыдущего обеда посуда была помыта и делать наряду особо ничего не пришлось. К семи часам вечера к дверям столовой подошли первые две роты. Процесс принятия пищи начиналось именно здесь. Подходила взводная «коробка». Следовала команда «На месте, бегооом, марш!». Воины вытягивались вперед и начинали изображать бег на месте, помогая согнутыми в локтях руками. «Слева по одному, в столовую, бегооом, марш!». Забегание в

столовую значительно ускорялось, если не было офицеров. В дверях стояли «черпаки» и помогали медлительным забегать с помощью ремня. В столовой никто не хотел оказаться вторым от края скамьи – это место предназначалось раздатчику пищи, который не успевал поест сам, пока накладывал другим. По этой причине бывали конфликты, впрочем, быстро стихавшие при появлении все тех же «черпаков» с их грозным оружием.

«Головные уборы – снять!», – орал дюжий сержант. По этой команде все двести человек в одно мгновение должны были сорвать свои пилотки с бритой башки и заправить их за ремень. Эта команда звучала несколько раз – ведь в большой массе всегда найдётся пара-тройка «тормозов», не успевавших ее выполнить

Лишь после того, как все до единого снимали головной убор, следовала команда «Садись!». Толпа должна была в прямом смысле упасть за стол и тоже синхронно. И опять сразу не получалось.

«Раздатчики пищи – встать! Раздать пищу!». В зависимости от того, сколько раз подавались предыдущие команды, собственно на еду отводилось определенное количество времени – обычно, от семи до пятнадцати минут.

После крика: «Сдать посуду!» было уже не важно, съел ли ты свою пайку или не успел. Со стола сметалась вся посуда, начиная с «девятки», кастрюли, из которой раздавалась пища, и ее немедленно тащили на раздаточный стол. Во время еды кому-то могло показаться, что раздатчик положил в его алюминиевую чашку мало каши, или что его товарищ выхватил из-под носа более жирный кусок селедки. Тогда прямо за столом начиналась потасовка с использованием подручных средств индивидуальной защиты – тарелок и кружек. Поначалу я не мог понять, почему они так причудливо изогнуты, но понимание пришло быстро. Главной ударной силой в этом противостоянии был черпак раздатчика. Выход из недр столовой проходил в обратном порядке. Разнообразие заключалось лишь в том, что после приема пищи роту строили в две шеренги и ротный проверял затянутость ремня на тонкой талии воина. Пряжка ремня не должна была провернуться. По количеству проворачиваний определялось число нарядов вне очереди. Дальше наступало время краткого послеобеденного отдыха. Бывало, проштрафившийся взвод вместо отдыха гнали ремнями на сопку и не раз. Пища в таком случае не участвовала в пищеварении и покидала организм значительно быстрее.

Ужин прошел спокойно, и я пошел доложить об этом капитану Гегелю. Впервые услышав эту часто поминаемую в институтских аудиториях фамилию, я ожидал увидеть человека одухотворенного, бывшего на одной ноге с первооткрывателем диалектики. Однако, знакомство с капитаном развеяло мои иллюзии. Одного взгляда на красное, не испорченное интеллектом, лицо Гегеля было достаточно, чтобы понять, что он так же бесконечно далек от немецкой классической философии, как я от родного дома. Речь капитана состояла исключительно из идиоматических выражений, обильно пересыпаемых словами из блатной «фени». Этот словарный запас сформировался у бывалого интенданта во время службы надзирателем на общем режиме и долгого пребывания в строительных батальонах. Впрочем,

свои привычки Гегель менять не собирался, а собирался отбыть в скором времени на заслуженный отдых после вредного для здоровья общения с уголовными элементами. К людям в очках капитан относился с некоторым подозрением, резонно полагая, что с такими нужно держать ухо востро. Он принял мой рапорт, пожевал обкуренный ус и с легким сердцем отправился в хлеборезку, чтобы забрать приготовленные рядовым Аракеляном съестные припасы – рыбные консервы, тушёнку и кусок сливочного масла. Должность у моего давнего знакомого хлебореза была самая что ни на есть блатная. По своему неофициальному статусу она приравнивалась к должностям писаря, почтальона и санинструктора. Были еще каптёрщики и работники складов, но они часто менялись и оказывались в бригадах «на лопате» из-за неосторожного разбазаривания воинского имущества. Аракелян крепко знал своё дело – «грел» всех офицеров, начиная от командира батальона и убрать его с тёплого места могло лишь событие вселенского масштаба.

-Послушай, братан, – начал я разговор с ним прямо с порога, – ну хоть сегодня положи сколь положено мяса в пайку. Пацаны пашут на лопате, как папа Карло, нормы им задрали до небес, а тут даже пожрать не могут нормально!

-Серый, со всем своим уважением к тебе, ничего подэлать нэ могу! Сам посчитай – погонам дай, – он стал загибать пухлые пальцы, поднеся их к носу, – «кускам» дай, блатным дай. И потом, у меня тут своя «семейка» – земляки. Нэт, нэ получится всем поделить. Нэ дэлится на всех.

-Хотя бы масло утреннее, пусть будет, как положено – двадцать граммов!

-Видал, Гэгэл, сразу два кило унес, откуда масло возьму? – гнул своё Аракелян, размахивая руками, будто отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи.

Покинув хлеборезку, я отправился на «дискотеку». До утра нужно было помыть посуду в количестве пятисот алюминиевых тарелок, кружек и ложек. В небольшой комнате, наполненной паром, по пояс голые трудились трое из моего наряда. Каждый мыл посуду в своей ванне – в горячей, прохладной и холодной воде. Из первой ванны тарелка летела во вторую, затем в третью, во все стороны разлетались тучи брызг. «Дискотека» была в самом разгаре, но я бы назвал это место «аквариумом».

Поварами в стройбате были не гражданские лица, а, как правило, призванные узбеки. На кухне, в огромных, вмурованных в печь котлах, они ловко орудовали лопатами и щётками, очищая их от остатков пищи. Здесь также нужен был контроль за чистотой и обработкой котлов. Узбеки попали добросовестные и делали свою работу качественно.

Ночью вздремнуть не удалось – во время чистки картошки вручную мой наряд чуть не перерезал друг друга из-за нанесенного оскорбления. Мне едва удалось развести разгоряченные головы и располовинить наряд, отправив зачинщиков на разные работы. Все же, все девять мешков картошки были к утру почищены. В четыре утра – новая напасть. Сменивший Гегеля другой капитан – Крюков, тоже из бывших охранников, вздумал проверить чистоту

помытой посуды. Он провел пальцем по случайной тарелке и обнаружил, что она жирная.

-Перемыть всю партию! Крюк, одним ударом сбивавший с ног строителя любой весовой категории, был непреклонен в своих решениях.

Пришлось вновь заводить «дискотеку» для еле стоящих на ногах парней...

Остаток дежурства прошел спокойно. В 16.00 часов нового дня я с облегчением снял повязку с надписью «Дежурный по столовой» и передал её очередному «счастливцу».

На фото указано стрелкой место палаточного лагеря у сопки Ореховая. На месте Хабаровского онкологического центра (внизу фото) была наша казарма, куда нас перевели из палаток в середине ноября 1983 года, в/ч 32978 (фото 2020 года).

Звёздное лето

Общага жила и дышала летней сессией. В деканате график экзаменов составили плотно – зачётные книжки изо дня в день пополнялись новыми подписями преподавателей, размашистыми и свободными, захватывающими соседние графы. Чувствовалось, что наши учителя мысленно уже покинули душные аудитории СХИ и устремились в желанные отпуска.

Окна в корпусах и общежитии были открыты настежь всем ветрам, комарам и надоедливому тополиному пуху. Вечерами, когда зной понемногу отпускал изнывающий город, мы брели по горячему асфальту к Тоболу – искупаться и набрать ледяной воды из бьющего родника. Крутой косогор у живительного источника был полон людей, одетых в минимум одежды, не всегда трезвых и оттого удивительно весёлых и жизнерадостных. Из каждого транзистора и раскрытого окна вдоль улиц неслось: «Лето звёздное, звонче пой!». Песня была особенно популярна в это олимпийское, чрезвычайно жаркое, лето. В мимолётные июньские ночи, усыпанный блёстками звёзд, небосвод ненадолго заглядывал в окна общаги, сыпал звездами, и тут же бледнел, отступая под напором первых солнечных лучей. Город оживал – по зелёным аллеям, словно по артериям, вместе с ускользящей прохладой начинал движение рабочий люд...

Лишь студенты продолжали валяться на панцирных кроватях, досматривая последние сны, из которых при пробуждении оставались лишь бессвязные обрывки. Впрочем, и они, после первой затяжки, растворялись в сизом сигаретном дыме и исчезали навсегда.

Начало лета сулило новоиспеченным третьекурсникам новые приключения. Им предстояло отправиться на далёкий юг и несколько недель заниматься не совсем обычным делом – стрижкой овец сулукольской породы.

К обеду небо затянуло тучами, стало прохладнее. Два огромных ЛАЗа пришвартовались к бордюру на проспекте Свердлова, напротив главного корпуса индустриально - инженерного техникума. Сделав групповое фото на память у крыльца общаги, беспечная толпа в куртках цвета хаки, с вещмешками за спиной, погрузилась в автобусы. Поездка началась.

Автобусы перебрались через Тобол по мосту КЖБИ и взяли курс на райцентр Семиозерное. Жара и выпитое накануне пиво повлияли усыпляюще на основную массу студентов и до самой Семиозёрки седой водитель мог без помех слушать песни про лето и городские цветы. После Новонежинки начался Аманкарагайский реликтовый бор. В раскалённый автобус через все открытые люки и окна с ветром властно ворвался запах сосновой хвои, явственно напомнивший пассажирам предновогодние хлопоты. На железнодорожном переезде – длинный затор из вереницы машин. Зато в Семиозерном – столовая и сытный обед. Здесь случилась стычка с местными жителями. Обычно на площадях у райцентровских автовокзалов располагались чебуречные, шашлычные, или, на худой конец, «стекляшки» - кафе. Здесь же ежедневно тусили типы неопределённого возраста, без определённых занятий. Их целью было «наехать» на одинокого пассажира и поживиться мелочью, которую терпила «добровольно» отдавал. Сегодняшний день выдался неудачным для любителей халявы. После обеда студенты освоили местный ларёк и, будучи навеселе, столкнулись с местными. У дверей кафе вспыхнула драка, заставившая вымогателей ретироваться. Ситуация имела продолжение после отъезда автобусов – из примыкающих к площади улиц и переулков с оглушительным ревом вырвались мотоциклы и понеслись вслед за нами. За околицей семиозёрцы резво приблизились к замыкавшему автобусу и со всей дури принялись швырять в окна бутылки. Это продолжалось до тех пор, пока из открытой автобусной форточки не раздался оглушительный выстрел. Оказалось, что один из наших городских товарищей взял с собой на всякий случай переделанное под обрез двуствольное ружье 12-го калибра.

Ещё через несколько часов автобусы привезли нас к северной границе Наурзумского заповедника, у которой располагался райцентр Докучаевка. Последняя сотня километров пролегла через выжженную, бурую от беспощадного солнца, степь. Казалось, все представители животного мира, обитавшие в этом безрадостном ландшафте, стремясь обезопасить себя от жары, забились глубоко под землю на многие метры. Растительность же смиренно предалась своей участи и, теряя последнюю влагу, постепенно увядала. Высоко в побелевшем небе, висел стервятник, высматривавший зорким оком добычу.

В райцентре, вполне благоустроенном для такой глуши, у водопроводной колонки выстроилась вереница студентов со стеклянными бутылками из-под пива и кефира – эра «полторашек», пятилитровок и полиэтиленовых пакетов была далеко впереди.

Председатель райисполкома, в футболке с надписью «Олимпиада-80» и пятью разноцветными кольцами, хмуро оглядел разбредавшихся по пыльным докучаевским улицам студентов и выдал инструкции нашему руководителю – немедленно во избежание нежелательных ситуаций отбыть в посёлок Киевку, расположенный в двух десятках верст севернее. Киевка оказалась аулом, состоящим из трёх широченных улиц без единого деревца. Расстояние между домами было достаточным, чтобы пасти на нем стадо лошадей средних размеров. Чувствовалось, что люди живут здесь свободно, не испытывая проблем с оформлением земельных участков.

Водители автобусов с видимым облегчением немедленно отбыли в обратный путь, оставив нас у порога низенького одноэтажного здания с четырьмя колоннами, вытесанными из четырехугольного бруса. Деревянные части здания имели чёрно-бурый цвет, что говорило о его почтенном возрасте. В одном крыле сельской школы поместились юноши, в другом – девушки. В классных комнатах стояли приготовленные кровати, накрытые одеялами мышиного цвета.

Необходимо было отметить новоселье. Мы обнаружили в трёх переулках от нашего нового жилья одиноко стоящее здание с покосившейся выцветшей вывеской с надписью «Магазин». Большой амбарный навесной замок, несмотря на послеобеденное время, надёжно охранял магазин от потенциальных покупателей. Надпись о часах работы заведения напрочь отсутствовала. Местная гражданка на вопрос, где можно найти продавца, махнула рукой и ответила, что магазин открывается лишь по просьбе граждан. Оказалось, что продавец наделён здесь исключительными привилегиями – он мог работать только тогда, когда у него появлялось желание. Это был удивительный признак наступающего коммунизма в отдельно взятом посёлке кустанайщины!

Продавщица со всей своей многочисленной семьёй восседала у дастархана, на котором на круглом блюде дымился бешбармак. Бойко подскочив с места, она быстро заговорила о проблемах с доставкой товаров и что продавать, собственно, нечего, потому сидит она без работы на одном окладе и нет ей от того никакого навару.

Замок со скрипом открылся и за дверь нашему взору предстало убогое зрелище – ряды трёхлитровых банок с томатным соком и череда бутылок водки «Пшеничная», стоимшей аж пять рублей двадцать копеек. В стоявшем в углу холодильнике давно «повесилась мышь», а закуской даже не пахло. Не было ни кильки в томате, ни любимых нами из-за своей дешевизны консервов «Завтрак туриста» (почему им было дано такое название, я не могу ответить даже сегодня – любой турист после употребления «Завтрака» вряд ли преодолел бы следующий километр).

Делать нечего, как говаривал отчисленный со второго курса Голова: «Милостей от природы ждать не стоит, надо брать то, что плохо лежит».

Таким образом, меню на ужин состояло из двух напитков – пришлось делать коктейль, подсмотренный из фильма про индейцев, в котором Гойко Митич смешивал огненную воду с томатным соком и называл смесь «Кровавой Мэри». Ночь прошла беспокойно – помидоры, по-всей видимости, были выращены еще до эпохи исторического материализма – даты изготовления на ветхих наклейках не просматривались. По этой причине многие участники вечернего новоселья встречали рассвет нового дня не в своих постелях, а на свежем воздухе, клеймя свои привычные ко всему студенческие желудки, а заодно все остальное.

Утром рано явился управляющий отделением. Он был немногословен, но с ходу радостно заявил, что по его сведениям за один вчерашний вечер мы дали местной кооперации месячную выручку, выпив полугодовой запас сока и водки.

-Надеюсь, что работать вы будете так же продуктивно, – выразил надежду управляющий, но в его голосе я уловил нотку сомнения.

Расслабиться нам больше не дали – покормив сухим пайком, повели на окраину аула, где рядами стояли несколько длинных, крытых крупным шифером, зданий. Девушек оставили на кухне – они должны были готовить еду на несколько десятков человек. На пропитание нам выделяли одного барашка в день, картошку, хлеб, чай, масло, сахар и другие продукты. В производственных помещениях было прохладно. Вдоль стен стояли деревянные столы, над ними висели стригальные машинки, работавшие от небольших электромоторов. В торце здания на больших столах разделяли шерсть по классу и паковали в огромные, по два центнера, тюки.

Никто из нас никогда не постриг ни одного барашка в своей жизни. Мало того, некоторые вообще были знакомы с овцами по картинкам в учебнике «Овцеводство» и по названиям мясных блюд в ресторане «Целинный» и кафе «Шолпан». Нас не собирались долго и упорно учить премудростям стрижки. На урок отвели всего три минуты. Ровно столько понадобилось дюжему местному молодцу, чтобы снять целое, без перестригов, руно и развернуть его перед нами. Вспомнился Ясон, Медея и аргонавты. Молодец схватил первую попавшуюся овцу, зажал бедняжку между ног, и начал махать стригальной машинкой, часто поворачивая постригаемую из стороны в сторону. Оказалось, что он занял призовое место в конкурсе стригалей, выступая в Австралии, опередив на зелёном континенте целую толпу мастеров стрижки со всего мира. Под впечатлением от

увиденного мы разбрелись по своим рабочим местам. С этого момента мы начали терзать несчастных животных, а они мучали нас.

Наша незатейливая работа состояла в следующем: в загоне стригаль ловил овечку, тащил её перед собой и клал на стол, затем крепко вязал вместе три ноги, поджимая их к животу.

Стригальная машинка свисала на приводе с длинной общей перекладки. Её основные элементы – гребёнка и нож – должны были быть идеально острыми, чтобы эффективно снимать плотный слой шерсти, содержащей жиропот. Ножи точили на станке, но здесь нужен был огромный опыт, чтобы соблюсти угол заточки. Первые остриженные барашки, имели много порезов от неумелых движений. Они становились в два раза меньше, но таким образом избегали теплового удара в сильную жару.

После стрижки овец гнали к длинной забетонированной траншее, наполненной вонючей жидкостью – креозотом, и животные, жалобно бляя, под крики погонщиков переплывали её. Эта процедура была необходима для дезинфекции порезов. Запах дёгтя, после возвращения стада в родную степь, ещё долго висел в неподвижном воздухе.

В первый день работы я с горем пополам постриг всего трёх овец. Успехи остальных были на том же уровне. Устали мы так сильно, что едва дотасовали свои тела к дверям нашего временного жилища. Жесткие кровати показались блаженным местом. Через несколько дней мы втянулись в работу и вскоре стригли по два десятка овец. Усталость прошла, лишь по утрам деревенела правая рука, пальцы застывали в том положении, в котором много часов держали машинку. Приходилось разгибать их левой рукой.

Учетчик взвешивал завернутую в мешковину шерсть и считал килограммы. Чтобы их стало больше, шли на различные ухищрения – мочили водой мешковину или кидали в шерсть железо – оно валялось по всему цеху – на столах слесарей и вдоль стен.

Иногда выходили на свежий воздух – покурить, и словно окунались из прохлады цеха в парное молоко. Садись вдоль стены в ряд, молчали и смотрели на Киевку, которую упразднят через сорок лет, в 2009 по причине наличия всего 16 жителей. Жители села были людьми бесхитростными и непосредственными. Они, по определению, были неспособны обидеть человека делом или словом, а вот помочь – всегда готовы.

Меня удивляло поведение женщин, медленно и чинно направлявшихся к аулу от ворот цеха после окончания работы. Пройдя половину расстояния, они вдруг как по команде стартера, сломя голову, бросались бежать к своим домам. Это повторялось несколько вечеров подряд, после чего я не выдержал и заинтересовался у курящего рядом управа, в чём причина такого спринта.

Тот, щелчком отбросив в сторону потухший «бычок», усмехнулся:

-Да у них в сапогах шерсти полно. Думают, что я об этом не знаю. Одним словом – бабы...

Такое железобетонное доказательство странного поведения женщин оспорить было невозможно.

К концу второй недели пребывания в Киевке закончились деньги. Стало совсем кисло. Даже томатный сок и не фильтрованная «Прима» были уже

недоступны. Кормили нас в счёт будущего заработка. Питание обильное, но однообразное – борщ с бараниной, жирный плов с бараниной, чай тоже с бараниной. Насущный финансовый вопрос вскоре был решён самым неожиданным образом.

Однажды, от стен цеха мы узрели у школы большую толпу, громко кричащую и гремящую ведрами и тазами. На крыльце бойко банковали двое наших дежурных, наполняя подставленные ёмкости живым крупным карасём. Взамен они прятали в карманы полтинники и мятые рубли.

-Откуда рыба в степи? – было первым нашим вопросом к дежурным.

-Пошёл на котлован искупаться, – не скрывая радости сообщил Кислов, – а там чуть ли не трусами карася поймал. Его там море!

-Вот, сшили невод из трёх мешков, да прошли вдоль берега бреденьком, – продолжал Валера объяснять неожиданную удачу.

Так у стригалей вновь появились деньги. Ловлю и продажу рыбы сделали ежедневной обязанностью дежурных, а выручка шла в общую кассу.

Вскоре начались потери личного состава. Мой друг Серёга получил травму, сломав кисть руки. В Докучаевке он помахал мне загипсованной рукой из окна рейсового автобуса и отбыл на родину.

Серёгин гипс имеет славную историю. Через два года, перед самой защитой диплома, мне пришлось ночевать в старой общежитии по проспекту Свердлова (ныне пр. Абая). Спал я на чужом месте и, проснувшись, по обыкновению потянулся под кровать – за очками. Вместо них моя рука вытащила на свет Божий... Серёгин гипс. Хозяева комнаты со смехом поведали мне, что гипс помог сдать экзамены нескольким студентам и даже одной студентке, и является чем-то вроде переходящего приза. Сдающий экзамен, прибинтовав к руке гипс, со страдальческим видом отправлялся в институт. Преподаватели, участливо поглядывая на бережно поддерживаемую руку, милостиво отпускали авантюриста с тройкой в зачётке. Гипс сдавали в аренду желающим со всех курсов и факультетов за символическую плату.

Жители Киевки привыкли к летним гостям из отрядов «Золотого руна». Они помогали нам, чем могли – снабжали питьевой водой, возили в райцентр. Как-то вместо порядком надоевшей баранины на нашу кухню попала конина, но я так и не смог отведать её вкус. Молодой несмышленный жеребёнок неудачно прыгнул через забор загона и поймал заостренный кол прямо под сердце. Я шёл от котлована с ведром рыбы и стал невольным свидетелем трагедии. Под шеей лежащего на боку стригунка выкопали ямку глубиной в два штыка и вскрыли артерию. А мне надолго запомнился его иссиня-лиловый косящий глаз, из которого горошинами стекали слезы. Мясо поделили на двенадцать частей и продали по жребию – в жару сохранить его одному хозяину было невозможно.

В воскресные дни нам готовили бешбармак и кумыс на берегу степной речки Данабике. Название её трактовалось по разному – «великая госпожа», «мудрая девушка», "насиженное место"***. Отмеченная на карте пунктирной линией, речка была вполне полноводной. Мы располагались в тени прибрежного тальника под боком «мудрой девушки», ели бешбармак, пили кумыс в неограниченном количестве, пели песни под гитару и купались в

прохладных водах реки. Иногда жарили шашлык. На поверхности качались белые лилии невероятной красоты. Они крепились прочными нитями к песчаному дну. Пловец вполне мог легко запутаться в переплетении нитей и не выплыть из обилия кувшинок. Нас сразу предупредили об этой опасности.

В будни вечерние часы коротали за игрой в покер или бились в волейбол с местными. Вечерами я любил смотреть на закат с крыши школы. Тёплый южный ветер доносил сюда запахи и звуки из потаённых мест Наурзумского заповедника. Степные дали на западе темнели и, после медленного ухода солнца за горизонт Тургайской степи, превращались в ночь. И вновь на небосводе Творец зажигал для людей звёзды. Как и миллионы лет назад...

Более месяца мы стригли овец. Но стричь производителей, стоивших до пятисот рублей, нам все же не доверили. Рога у этих огромных монстров были извиты, покрыты костными наростами и закручены в несколько колец. Разогнавшись, они бились лбами друг о друга так, что отлетали в разные стороны на несколько метров. Даже мощные колья загона трещали под их ударами. Местные умельцы постригли четыреста голов за несколько дней... Они зарабатывали неплохо, обрабатывая до восьмидесяти голов в день. В этих краях рассказывали, как преподаватель педвуза купил у чабана на дальних выпасах новенькую «шестёрку» за двести рублей – у автомобиля сел аккумулятор и чабан решил, что машину пора «сдать». Денег у него было столько, что он тут же купил 24-ю Волгу за баснословные для простого советского человека 16 тысяч рублей. Преподавателю пришлось лишь откопать машину из плотного овечьего помёта и купить резину на колеса взамен сгнившей старой.

В Киевке меня печалило отсутствие возможности посмотреть долгожданные Олимпийские игры в Москве. Но вскоре всё разрешилось само собой. Среди стригалей началась дизентерия, поразившая за несколько дней добрую половину студентов. Инфекционное отделение районной больницы в Докучаевке оказалось переполнено. В Киевку примчалась санэпидемстанция – взяли анализы, питьевую воду, проверили пищеблок. Невидимую глазом, но зловредную палочку нашли в питьевой воде. Нас тут же рассчитали и отправили в Кустанай. Мы поехали в город в одиноком автобусе с заработанной сотней рублей в карманах и опытом механизированной стрижки овец.

В Кустанае я отправился на улицу Алтынсарина, 116, провести бабушку. Баба Лена сидела на скамейке и плакала.

- Серёжа, хрипатый умер! – проговорила она и зашлась в беззвучном плаче.

Это означало, что не стало Владимира Семёновича Высоцкого. Она плакала, а я доподлинно знал, что певец не умер для граждан великой страны, а остался с нами живее всех живых, в песнях, балладах и фильмах:

Лёд надо мною, надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи,
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Всё помня, даже старые стихи!

По телевизору об этом не говорили. Высоцкий ушёл не вовремя. Шла трансляция Олимпиады-80 из столицы Советского Союза Города-Героя Москвы.

Прохладной ночью, пахнувшей цветами и яблоками, оборвалась с августовского небосклона ещё одна яркая звезда – Джо Дассен...

Лето для меня закончилось. Но осталось со мною в воспоминаниях на всю оставшуюся жизнь....

Вместе со словами хита Ильи Резника: «Лето звёздное, будь со мной!».

Фото 16 июня 1980 года у общежития КСХИ. На заднем плане – главный корпус КСХИ по адресу пр. Свердлова (пр. Абая), 119. Ныне – корпус Костанайского ГУ.

1 ряд (слева направо): Виниченко С, Баекенов Д, Ергалиев Б, Устьянцев Ю, Шаяхметов Б.

2 ряд: Рахимова Г, Говоров А, Пономарев П, Цент Р, Забиров Э (ум.2018), Кульжанов Т, Кунакбаев С, Боранов У.

3 ряд: Аманбаева Г, Карпенко В, - , Лисиенок Н.

4 ряд: -, Валя. Филипцова Т, Шуланов К (ум.2021), Шек А, Прошкина Н, Кымбат, Сарсенова У, Омельчак А,-,-.-, Беркольц И, Марченко В, Коротков О.

На фото нет Шеченина С., Замятина С., Кислова В.

Самый лучший день

В то морозное утро наш УАЗ пробирался сквозь снежные заносы, торя колею между Волной и Гренадеркой. Натужно скрипя всеми своими тягами, он выискивал светом фар остатки дороги и медленно переваливался через очередное препятствие. Красный диск солнца, застывший в морозном тумане, лишь чуть приподнялся над горизонтом, прогоняя ночную тьму.

В этот момент трубка рации, зажата между сиденьями, вдруг запищала и дребезжащий голос диспетчера радостно возвестил всему совхозу «Пресногорьковский», что у меня родилась дочь.

Мои спутники – коллеги по работе – были старше меня, и, после тёплых поздравлений и крепких похлопываний по моим плечам, наперебой принялись делиться советами по воспитанию дочери, дойдя до её совершеннолетия. Я находился в полной прострации от происходящего, переводил взгляд с одного советчика на другого, бессмысленно улыбался и согласно кивал. То, что событие должно было случиться с часу на час для меня было предсказуемо и все же сообщение прозвучало словно гром среди ясного неба. Наш водитель, главный ветврач Василий Николаевич, предложил положить руль машины на обратный курс и отметить столь знаковое событие. Никто не возражал. Управляющий Иван Семёнович с пониманием отнесся к такому решению, крепко пожал мне руку и пожелал здоровья новорожденной.

Дома было чем закусить. Несколько вечеров мы с женой лепили пельмени с расчетом, что мне хватит съесть запас примерно за три дня. Запас уместился на фанерных досках и занял значительную часть веранды.

Василий Николаевич спрятал автомобиль от лишних глаз на Береговой и присоединился к нашей компании, состоящей из двух зоотехников – Доскена Мурзаковича и Екатерины Ивановны, и счастливого отца. Вчетвером мы уместились на маленькой кухне. Пиршество продолжалось несколько часов – количество пельменей сократилось до нуля. Но это обстоятельство не напугало присутствующих, наоборот, количество тостов только увеличилось. Телефонный звонок прервал застолье. В конторе искали Василия Николаевича - приехало областное начальство и ожидало встречи с ним. Сам Василий Николаевич к этой встрече был не готов. Это стало ясно после того, как он попытался продемонстрировать нам возможности Уаза, намереваясь спуститься по круче к озеру и преодолеть расстояние до конторы по полуметровому озёрному снегу. Однако возможности лучшего советского вездехода оказались ограниченными. Он сел на оба моста уже на берегу. Пришлось вызванивать бульдозер с первого отделения...

Сидеть одному на кухне среди остатков пиршества тогда, когда моя дочь уже несколько часов улыбалась миру, было не вмоготу. Мне пришла в голову мысль проведать жену и дочь прямо сейчас, не откладывая поход в роддом до утра.

Глубоко вдохнув жёсткий воздух, я направился на край села, в районную больницу, где ночевали две дорогие моему сердцу души. Вечерние сумерки опустились на Пресногорьковку, мороз усиливался, над головой монотонно гудели провода. В чёрном небе ярко мерцали звёзды. Прямая, словно стрела, станичная улица была пуста. Пахло морозом вперемешку с хлебом. В сумке, которую я прихватил с собой, слегка позвякивало – мою радость должны были разделить окружающие.

Памятник Ленину у порога больницы был покрыт изморозью. Ильич смотрел серьёзно, будто тоже хотел дать мне совет по воспитанию дочери.

Родильное отделение располагалось на третьем этаже, вход в него надёжно преграждала запертая дверь с небольшим смотровым оконцем. Через стекло я видел лишь кусочек коридора с окном, разрисованным морозным узором.

Дежурная сестра, красивая и стройная, решительно отказала мне в намерении попасть внутрь. Даже её фамилия – Недоступ – говорила, что мне предстоял нелёгкий разговор. Тогда я пустил в ход свой главный козырь – пришлось заявить, что я являюсь зятем заведующего отделением. Это было сущей правдой.

-Наши инструкции, подписанные, кстати, вашим же тестем, определяют время посещения, – строго выговаривала мне Тамара, – к тому же, вы не совсем трезвы...

Но в её голосе уже не было прежнего металла.

Пока она ходила за дочерью, я бесцельно шатался по кабинету своего тестя. Зачем-то взял в руки книжку Брежнева «Целина» и углубился в чтение.

Медсестра принесла небольшой сопящий сверток – мою маленькую дочурку. Описать свои чувства в этот момент мне не под силу. Дежурная не позволила мне взять дочь на руки и тут же унесла. Она посчитала, что жену не очень обрадует мой нынешний внешний облик и отказала во встрече, обещав передать супруге большой привет.

Я поплелся вниз по лестнице и вдруг вспомнил, что в гастроэнтерологическом отделении лежит с обострением болезни желудка мой дядюшка. Его голос я услышал за дверью и, не долго думая, вошёл в палату. Кроме Саши в ней расположились на кроватях инженер Николай Михайлович и друг моего отца, первомайский управляющий Николай Иванович. Всякая диета и причина пребывания в больнице ими тут же были забыты. Вскоре соседи пожаловались главврачу на шум, гам и хохот, а также густой запах табака, распространившийся по коридору больницы.

После памятной встречи с главврачом статуя Ленина стала единственным молчаливым свидетелем моего бегства с территории больницы. Я был обвинен в нарушении режима и в обострении хронических заболеваний у пациентов, которые до моего посещения шли на поправку.

Утром нещадно болела голова, в доме было холодно и пусто...На дне сумки, которую я каким-то образом умудрился не потерять, в хлебных крошках одиноко лежала книга «Целина», невесть откуда взявшаяся в кабинете заведующего родильным отделением...

Через три года, в начале февраля, у меня должен был родиться сын. Ежедневно на утренней школьной планерке мне задавали один и тот же вопрос – не стал ли я отцом? Коллектив так привык к моему отрицательному ответу, что вопрос задавать перестали. Ближе к Дню Советской Армии, вновь став отцом, я пришел в школу и скромно стоял в углу учительской, потупив взор, слушая предложения по подготовке к празднику. На подоконнике сидела директор Лидия Петровна. Она внимательно посмотрела на меня и, будто что-то вспомнив, задала всё тот же полузабытый вопрос. В учительской на миг воцарилась тишина, а дальше я ощутил себя уже парящим над головами коллег...

В этот вечер я пел песни о Советской армии в хоре учителей на сцене деревянного Дома культуры. Мой отец наливал всем артистам, после чего они шли выступать. А земляки в зале, понимая ситуацию, прощали нам наше нестройное пение...

Действующие лица:

Обознов В.Н.- главный ветврач

Жук Е.И., Жанатаев Д.М. - зоотехники

Ковалева Л.П.-директор школы

Драгунов И.С.- управляющий отделением в с.Гренадерка

Жаркова Н.П. - диспетчер совхоза

Маханов Н.М.- главный инженер совхоза

Настюшкин Н.И.- управляющий отделения в с.Первомайка

Виниченко А.Д. - дядя автора

Галяс И.И. - зав.отделением

Недоступ Т.И. - медицинская сестра

Примечание автора: Мой дорогой товарищ Василий Николаевич Обознов (1955-1996) трагически погиб в автокатастрофе. В рассказе ему было всего тридцать лет...

Фото больницы с.Пресногорьковка (1986 год), с памятником В.И.Ленину у входа. Здание больницы снесено в конце 90-х годов. Памятник исчез неизвестно куда.

День рождения

Я стоял у длинного штабного стола, заваленного личными делами и ворохами пожелтевшей бумаги, и вполуха слушал речь комбата Иванова.

-Ты вот что, – глухим, прокуренным голосом бухтел в нос Артём Иванович, – ты поезжай-ка в Уссурийск, да привези из тамошнего госпиталя рядового Полушкина. Вчера звонил заведующим – просил забрать этого раздолбая.

Лёва Полушкин, военный строитель нашего военно-строительного отряда, загремел на госпитальную койку, будучи в командировке в составе роты, расположенной в приморском городе Артём. Лёва не справился с внезапно поразившей его диареей после посещения местного «чипка»(1). Зная неумеренный Лёвин аппетит и развитую способность «метать» всё без разбора, я ни разу не удивился поставленному диагнозу.

Полушкин, несмотря на субтильное телосложение, был постоянно голоден. Ладно, если это его состояние касалось «духанки»(2) – тогда голодными были все и всегда – но, даже достигнув возраста «черпака»(3), он всё время что-то жевал и жаловался на нехватку калорий.

-У меня растущий организм, – восклицал он и бил себя в грудь, отвечая таким образом на насмешки товарищей.

На самом деле, Лёвин организм перестал расти давно – во время пребывания в Читинском следственном изоляторе, где напрочь отсутствовал свежий воздух, а пайка было ничтожно мала.

Белёдые, чуть навывкате глаза комбата пронзительно оглядели мою фигуру в ушитом х/б.

- Да одень в дорогу «парадку». Не хватало ещё, чтобы тебя «расшили» приморские патрули. И не посмотрят, что ты дембель, враз упрячут на гауптвахту. Нехватало ещё проблем вызволять тебя с «кичи»(4).

Подполковник, всю свою службу имевший дело с определённым «контингентом», естественным образом перенял и его «феню»(5) – он часто использовал в разговоре жаргонизмы, и оттого его речь обретала большую убедительность, становясь сочной и весомой.

Нахмутив лоб и немного подумав, комбат погрозил указательным пальцем у моего носа и добавил:

- И шинель ему в каптёрке возьми. Холодно уже в одной гимнастёрке шарашиться.

Меня умилила забота Иванова о здоровье Полушкина. Не далее как вчера, нас возили на помывку в баню в открытых кузовах ГАЗ-66. На нас были лишь подбушлатники – зелёные фуфайки без воротника, не спасавшие от амурского ветра.

Покинув штаб, я пересёк сумрачный пустынный коридор со стоящим на посту полуспящим дневальным и, перепрыгивая через ступеньку, взбежал на четвёртый этаж, в расположение каптёрки четвёртой роты.

«Придётся таскаться по всему Приморью с шинелью подмышкой», - подумалось мне, пока старшина Радченко перебирал кипы сложенной амуниции.

-Возьми вот эту, – сунул мне в руки влажную, пахнущую сыростью, шинель напористый Дима, – правда, без погон и шеврона. Пойдёт Полушкину доехать.

-Димон, кончай горбатого лепить. Любой патруль, особенно краснопогонный, нас с Полушкиным за эту шинель заарестует, – вяло сопротивлялся я, перебирая шинели с пришитыми чёрными погонами и выдёргивая подходящую шинель.

-Вот отличный экземпляр!

-Ну, это же дембельская шинель Эдика Ринчино. Он с тобой вместе уходит.

Выбрав после нудной перепалки со старшиной нужную шинель, я вновь оказался в штабе, где Алмаз Баекенов заполнил на меня увольнительную до города Уссурийска. На маленьком квадратном листке были указаны сроки и красовалась большая фиолетовая печать с цифрами «в/ч 32978».

Такой документ давал его обладателю возможность перемещаться по всему Союзу, но лишь в пределы в нём обозначенные.

Алмаз пожелал мне счастливого пути и крепко пожал руку.

-Эх, Серёга, так бы хотелось двинуть с тобой, всё какое-то разнообразие. Ну, удачи тебе, дружище!

В его голосе чувствовались оттенки доброй зависти и радости за меня.

Алмаз был одним из тех кустанайцев, с которыми я уже второй год топтал кирзовыми сапогами берега Амура. За это время мы через многое прошли и понимали друг друга с полуслова.

Следующий шаг к Уссурийску – добыча сведений о нём. Информация лишней не бывает.

Предстояло найти среди вернувшихся из командировки в Артём тех, кто лежал в Уссурийском госпитале и постараться узнать всё возможное о местных нравах.

В казарме четвёртой роты стоял шум и гам – строители только что вернулись с работы и перед ужином занимались своими делами.

Юру Кубатко я высмотрел, сидящим на верхней «шконке»(б) – он подшивал чёрными нитками неуставной подворотничок. Особенно хорошо у него получалась корона – стройбатовский символ.

-Прыгай, зёма, ко мне, поговорим.

Устроившись рядом с Юрой, не обращая внимание на головы, то и дело цеплявшие наши кирзачи, мы повели неспешный разговор. Рядом, на верхнем ярусе, тихо брэнчал на гитаре Лобанёв:

У беды глаза зелёные,
Не простят, не пощадят,
С головой иду склонённою,
Виноват, и прячу взгляд...*

После обсуждения новостей из дома я поведал Юре о своей поездке в южные края, откуда он недавно вернулся.

-В Артёме нас сменила какая-то «борзая» часть, – медленно и спокойно, чуть повысив голос, проговорил земляк, – я бы не рискнул возвращаться из госпиталя туда. Мы постоянно с ними цапались. Лёва конечно не Эйнштейн, но не настолько глуп, чтобы схлопотать там по кумполу и вернуться повреждённым в госпиталь.

Юра окончил Кустанайский автодорожный техникум, был хорошо начитан и юмора ему было не занимать. Поговорив ещё с бывшим пациентом госпиталя, узнав про условия выписки, я отправился спать и сразу погрузился в сон, едва коснувшись щекой жёсткой ватной подушки.

На другой день после обеда Боря Раджапов, уроженец солнечного Узбекистана, подбросил меня на "таблетке" к железнодорожному вокзалу.

Маленький, сухощавый Боря являл собой настоящий сгусток энергии, бьющей через край, словно вода из городского фонтана. Стиль его вождения полностью соответствовал темпераменту водилы – не создали ещё такого автомобиля, который не хотел бы обогнать Боря. Киношная фраза – «Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!» – в разных вариациях вновь и вновь оживала у Раджапова. Не раз мы сами рисковали стать пациентами лечебного заведения после очередной гонки со включенной сиреной по хабаровским пробкам. Хлебный город Ташкент отдыхал от Бороного вождения, пока тот отдавал долг Родине на Дальнем Востоке.

Вот и вокзал, наш старый шумный знакомый. Здесь каменный Ерофей Хабаров на площади вечно рвётся в дальнюю даль со своего постамент. Он встречает гостей города в своей папахе, напоминая о славных первооткрывателях Амура-батюшки. В половине седьмого вечера я с полушкинской шинелью в руке, крепко схватив вагонные поручни, влез в общий вагон, до отказа набитый пассажирами. Народ принадлежал к разному сословию, но безусловно преобладали студенты, пенсионеры, и военные – пограничники и моряки Амурской флотилии.

Паровоз в Уссурийске. Фото 1977 года.

Там где молодежь, там и весёлый гомон, смех и песни. Под перестук колёс славно режется на выдавшем виды пассажирском столике домашняя колбаса, за милую душу идёт килька в томате и сало с варёной картошкой. Вот уже и девушка – проводник просит много не наливать...Но в недавно образовавшихся компаниях, ясное дело, наливают. А проплывающий за окном пейзаж накрывают лиловые сумерки. «Чудна Уссури при тихой погоде! – воскликнул бы классик, окажись он в нашем несущемся на юг поезде. Наша проводница то и дело объявляет названия остановок – Переяславка, Вяземский, Бикин, Иман...Мне подумалось, что в посёлках с такими названиями живут совсем необычные, непохожие на пассажиров спешащих мимо поездов, люди. Они лучше нас, чище и добрее, у них нет зависти и злости, они счастливы и в них никто никогда не умирает.

Когда голос проводницы возвестил: «Товарищи, следующая остановка – станция Лучегорск. Не забываем багаж...», я оторвал голову от шинели и стал напряженно всматриваться в густую, вязкую, словно кисель, темноту за вагонным окном. В тридцати верстах западнее, на реке Уссури, в кромешной тьме, жил своей жизнью остров Даманский, пятнадцать лет назад забравший жизни моих сверстников.

Я проспал и Дальнереченск, и Спасск-Дальний, и все места, где воевали пресногорьковские казаки в бригаде генерала Глебова, где был убит в октябре 1922 года кинжальным пулемётным огнём совсем молодой юнкер Коля Кубрин. Правда, тогда я этого не знал.

Ранним утром, ёжась от утренней прохлады, непрестанно зевая, я уже стоял на перроне станции Уссурийск, а спешащие пассажиры толками меня всеми своими сумками и рюкзаками. Солнце медленно выползло из недалёкого океана и щедро дарило свой ласковый свет улицам города. Быстро потеплело – теперь не только полушкинская шинель, но и своя собственная казалась мне лишней.

Впереди маячил длинный день находок и открытий. Уссурийск оказался небольшим уютным городком. Он состоял из множества старинных одноэтажных домов, сложенных из красного кирпича с резными ставнями и чудными воротами. В лабиринте хитро переплетённых улиц мог разобраться

только местный гражданин, а ещё лучше – местный таксист. Во времена исторического материализма и классиков марксизма не было никаких навигаторов, даже карту города в киоске было затруднительно приобрести. Когда я плёлся по тротуару, высматривая зеленоглазое такси, моё внимание привлёк невесть откуда взявшийся старинный локомотив, будто только прибывший из фильма про неуловимых мстителей. На покрашенной чёрной краской дверях стояла цифра «ЕЛ-629», а к тендеру была прикреплена дощечка, которая свидетельствовала, что в топке этого паровоза в мае 1920 года белые сожгли Сергея Лазо и двух его товарищей.

Моя попытка взглянуть на топку была прервана, едва начавшись.

Проходившая мимо девушка крикнула мне:

-Двери заварены. Ничего у тебя не выйдет. Не ты первый...

Разговорчивый таксист долго петлял по узким улочкам, пока не подвёз меня к центральному входу в госпиталь.

По аллеям уютного городка в синей униформе и коричневых халатах бродили выздоравливающие. Свежий осенний воздух, запах сосен, увядающие клёны, роняющие сверху медный лист – всё способствовало быстрейшему выздоровлению. Заведующий отделением, седой полковник с рядами орденских планок на груди, бесстрастно сообщил мне, что рядовой Полушкин Лев Николаевич не далее как вчера отбыл по месту прохождения службы.

-Надо ехать в Артём, – подумалось мне, – а если Лёва всё же отправился в часть, а я вернусь без него? Скандал. Хотя дальше ехать я не уполномочен. Эх была-не была, в крайнем случае посижу во Владике на губе».

Вошедший в «Икарус» мариманский патруль объявил пассажирам о проверке документов, предупредив, что Владивосток – закрытый город.

Моряки проверили лишь передние ряды, и по приказу начальника патруля, старшего мичмана, отправились в соседний автобус. До проверки моих документов дело не дошло. Автобус ехал по местам, где когда-то бродили Арсеньев и его проводник Дерсу Узала. Я смотрел на тайгу за окном и представлял их отряд, бредущий сквозь лесную чащу.

- А как чувствует себя здесь уссурийский тигр, – наклонившись к рядом сидящей бабуле, спросил я.

-Ничего он не чувствует. Давно их всех повывели, ироды. Из-за шкуры, – неласково откликнулась пассажирка, – единицы, говорят, остались. В Красной книге они.

Её ответ совпал с объявлением нашего шофёра, что мы въехали на территорию международного аэропорта имени Арсеньева. Здесь я сошёл, взял такси и отправился в часть. Огороженная частоколом, воинская часть показалась мне средневековым острогом. Но за воротами оказались похожие на наших персонажи стройбата.

Из открытой двери Ленинской комнаты были слышны звуки гитары:

И нельзя мне выше,

И нельзя мне ниже,

Можно только неба кусок,

Можно только сны...**

Песню Высоцкого исполнял на "блатных" аккордах сидящий под бюстом Ильича дюжий татуированный строитель в чёрнополосатой тельняшке. Я словно оказался в своей казарме.

Небритый, с запахом перегара, замполит заявил мне, что ни о каком Лёве Полушкине он не слышал, и вообще, по жизни знает только одного Льва – Толстого. Он предложил мне переночевать в казарме, на койке недавно дезертировавшего воина. Ночевать там, где проживают неприятели моего друга Юры – сомнительная, даже опасная для здоровья, затея. Во Владивостоке я пробыл всего полчаса – постоял на берегу залива Петра Великого, посмотрел, как гигантские краны грузят на паром «Кировцы» для отправки в Японию и поехал на станцию Угловая. Здесь можно было сесть на проходящий экспресс «Красная стрела» Владивосток-Москва. Полночи, голодный и замёрзший – хоть одевай сверху полушкину шинель – я проторчал в одиночестве на Угловой. Подошедший железнодорожник, пряча лицо от крепкого ветра в поднятый воротник, прокричал мне, что поезд здесь только тормозит и надо успеть запрыгнуть на ходу. Так и случилось, поезд лишь сбавил ход на полминуты и тут же начал набирать скорость. Но я был уже в шикарном купейном вагоне с мягкими полками и тёплым неоновым светом. Проводник посадил меня к англичанам. Они плеснули мне виски в обычный гранёный стакан. Я пил виски впервые в жизни. По-русски мои новые знакомые почти ничего не понимали, лишь спросили, как у меня дела.

Мой ответ: «Хорошо. У меня сегодня день рождения», их не убедил, пришлось показать военный билет. После чего мне налили по второму разу...

В Хабаровске оказались утром. Всю ночь мне снилась Лёвина физиономия – она улыбалась и корчила невыносимые рожи...

За окном двери на выходе из вагона я увидел на перроне «ввэшников» с красными повязками с надписью «комендатура» и тут же попросил проводницу выпустить меня в противоположную дверь, что было категорически запрещено инструкцией. Но мне почему-то открыли.

И я побрёл по рельсам к просыпавшемуся в утреннем тумане зданию вокзала.

Спасибо тебе, Лёва. Если бы не твоя диарея, не видать мне 18 октября 1984 года залива Петра Великого...

*Песня из фильма "Опасные друзья"(1979).

**Песня В.С.Высоцкого "За меня невеста отрыдает честно"(1979).

1. Чипок - солдатский магазин
2. Духанка - первые полгода службы
3. Черпак, фазан - солдат, прослуживший год
4. Кича - тюрьма(блат.), здесь-гауптвахта
5. Феня - блатной жаргон, блатная музыка

На фото памятник Ерофею Хабарову у ж/д вокзала города Хабаровска.

После детства – целая жизнь

Мы молча шли по обожжённой первым морозом листве, накрепко прибитой ледяным дождём к тротуару. Дым костров, в которых она тлела, был густо перемешан с холодным серым туманом. Неясная грусть сквозила в нашем странном молчании.

Мы не виделись много лет после детства. На нас были строгие чёрные костюмы, белоснежные рубашки и модные галстуки. Немногочисленные прохожие невольно сторонились идущих в ряд серьёзных мужчин неопределённого возраста.

-Помнишь, как чуть не утонули в Пресном, – нарушил молчание Коля Татаринцев. Он обращался ко мне и голос его был таким же юным, как и в тот, чуть не ставший последним для нас, июльский день. От него нас отделяла стена в пятьдесят ушедших лет – целая жизнь.

-А я вспоминаю футбол на Береговой, – подхватил Сергей Белик, – особенно тот момент, когда высадил окно на веранде...

-Лучше всего помнятся наши велосипедные поездки по родному краю, – подал голос шедший в центре Саша Золотухин. Он оживился, вспоминая, стал энергично махать руками. Он всегда был таким – большим и весёлым. И когда был пионером по кличке «самолёт» и позже, будучи хозяином мельницы.

-А я мечтаю вернуться на горячий песок у Пресного и вечно не вылезать из тёплой воды, – отозвался Сергей Белошевский.

Лишь я один молчал в компании друзей детства. Я был старше всех и когда-то руководил всеми нашими играми.

Мы продолжали своё поступательное движение вдоль улицы. Незнакомый город погружался в лиловые сумерки. Прохожие, подняв воротники своих странных одеяний, превратились в неясные тени.

-Может, упадём в какое-нибудь кафе? – предложил шедший с левого края Серёга Душкин. С этими словами он повернул к стеклянной двери, за

которой призывно мигали огоньки эстрады и лилась спокойная музыка из семидесятых:

И снятся мне средь бела дня цветные сны,
Цветные сны моей любви, моей весны....

В кафе мы сели в ряд за длинный стол и, сложив руки на коленях, долго молча смотрели на веселье в ярко освещённом соседнем зале. Здесь гуляла свадьба. Особенно хороши были жених и невеста, кружившиеся в быстром вальсе.

-Помянем, – вдруг сказал Золотухин, наливая водку в мой стакан.

«А ведь все они умерли...!», – молнией сверкнула в моей голове неожиданная мысль, – как же это всё может быть?».

Ещё не до конца веря своему открытию, я встал, выпил стакан до дна... и шагнул в черноту за стеклянной дверью...

В то же мгновение вся компания оказалась рядом со мной. Все уместились в невесть откуда взявшемся зеленоглазом такси. Старая "Волга" растворилась в туманной мгле, оставив меня на тротуаре в дрожащем свете кивающих на ветру фонарей.

Ночной дождь в Пресногорьковке закончился на восходе...Неяркое осеннее солнце заливало радостным светом мою комнату, прогоняя обрывки сновидения, которое я, как не старался, не мог удержать...

Встреча с друзьями детства состоялась.

Окончательно проснувшись, я оделся, вышел из дома и пошёл по переулку вниз, к озёрной круче, вдоль которой когда-то стоял длинный ряд домов и землянок. На глаза попал знакомый с детства бетонный пасынок. Я мягко прикоснулся к его ребру кончиками пальцев и ощутил холод. Несмотря на изматывающую июльскую жару, пасынок, спрятанный в густых кустах акации, хранил внутри себя холод давно минувшей зимы. Когда-то он держал в своих крепких объятиях пропитанный креозотом фонарный столб, а детворе служил правой штангой во время футбольных баталий. Слева вратарь в качестве штанги мог использовать любой предмет – будь то кирпич, ветка клёна или собственная школьная сумка. Никакой сетки не было и в помине, поэтому часто возникали конфликты – побывал мяч в воротах или нет. Я погладил шероховатую поверхность бетона и ощутил, как он осыпается от прикосновений. Время не пощадило и его, обнажив арматуру и рассыпав по бетону сеть трещин. Я вспомнил сон и тех, кто защищал эти импровизированные футбольные ворота, бесстрашно бросаясь за мячом на пыльную жёсткую дорогу. От падений с треском рвались штаны на коленях, были стёсаны в кровь локти – но все эти мелкие неприятности забывались, раны мгновенно заживали, на штанах появлялась очередная заплатка, пришитая поверх старой заботливыми мамиными руками.

Они никогда больше не придут сюда. Даже если бы они очень сильно хотели вспомнить о нём – и этого не случится. Потому, что их нет. Никого...

Со временем память живущих сверстников тускнеет, покрывается паутиной времени, обрастая мхом забвения. Стареющий мозг стирает память событие за событием, штрих за штрихом, лицо за лицом, дату за датой. Человек постепенно словно освобождается от непосильного груза

воспоминаний – мозг делает его ребёнком, отпуская в детство, где он был абсолютно свободен от придуманных взрослыми условностей. Он даже забывает о смерти и не осознаёт её пустоты, веруя в бессмертие Души и в тёплую безграничную Любовь Творца, целиком растворяясь в Его Божественном Свете.

Сергей Белик (1963-2024)

Сергей Душкин (1964-1989)

Николай Татаринцев(1962-2001)

Александр Золотухин(1965-2018)

Сергей Белошевский(1962- нач.2000)

Песня "Цветные сны"(ВИА Верасы",1980)

Художник В.Е.Лукиянов "Дождь на Страстном бульваре".

Время первых. Последний поклон.

В конце прошлого века, на задворках совхозной конторы, в ворохе выброшенных бумаг, я нашёл потрёпанную, пожелтевшую от дождей, книгу учёта движения трудовых книжек по Пресногорьковскому зерносовхозу. Все, кто трудился в нём с 1956 по 1983 года, были записаны на ветхих листах. И каждый из них имеет право быть упомянутым в числе тех, кто строил совхоз и мечтал о так и не наступившем светлом будущем. Нашёл в книге запись о себе – принят на работу 1-го сентября 1977 года...И память мгновенно перенесла меня в далёкое прошлое – в мой первый рабочий год после получения аттестата зрелости.

Неяркое сентябрьское солнце светило, словно из-под козырька надвинутой на глаза кепки – когда небольшое кудрявое облачко заслоняло лучам дорогу – на землю ложилась тень. Иногда ветерок относил проказницу в сторону и солнце вновь брызгало ласковым светом, золотившим кроны тополей.

Я стоял в прохладном полутёмном коридоре первого этажа совхозной конторы и смотрел во двор, на сверкающую чёрную Волгу «ГАЗ-24». Возле неё суетился водитель директора, смахивая с бликующих боков летевшие с тополей пожелтевшие листья. Машина была единственным экземпляром во всей округе, поэтому пользовалась большим вниманием со стороны водителя и механиков гаража. Директор, Илья Максимович Раскевич, выпускник Троицкого ветеринарного института, слыл человеком крутого нрава. К моменту моего появления в конторе он был известен далеко за пределами Кустанайской области. Хозяйство имело огромные прибыли и в нём работали выдающиеся люди. Лишь излишняя резкость и частые жалобы на превышение власти не дали Раскевичу получить заслуженную награду – звезду Героя Социалистического труда.

Одним из ярких примеров решительности директора, ставшим легендарным, стал случай, участником которого была и эта самая директорская "Волга". Дело в том, что в те далекие времена совхоз

Пресногорьковский (1957-1991) состоял из семи отделений – небольших посёлков со своей собственной инфраструктурой, доставшейся советскому хозяйству при реорганизации нескольких колхозов.

Посёлки от центральной усадьбы располагались на расстоянии до двадцати и более километров и не имели асфальтированных дорог. Во время периодически возникающей распутицы добраться до них не было никакой возможности. Все главные специалисты собирались в конторе и коротали рабочий день в своих кабинетах. Такое времяпровождение было не по душе директору, и он придумал выход – к конторе подъехал «Кировец», тянувший за собой огромный железный лист, служивший для транспортировки навоза от скотоводческих помещений. На этот раз на нём была закреплена «Волга», в которую сели пятеро специалистов – агроном, ветеринар, зоотехник, экономист... За рулём разместился сам директор. «Кировец» таким необычным способом доставил пассажиров по непролазной грязи на отделение, где они с пользой провели время до вечера.

Разное рассказывали о директоре. Один из трактористов вспоминал, как однажды в результате его халатности – оставил непотушенным окурок – загорелось пшеничное поле. Проезжавший мимо директор, ехавший из райцентра с очередного совещания, выскочил из своей «Волги», снял пиджак и, не раздумывая, кинулся забивать им пламя. Совместными усилиями удалось потушить огонь, после чего чумазые и довольные, они присели на землю и... закурили.

-А ведь ты подвиг совершил, – говорил, едва отдышавшись, директор, – спас совхоз от убытков! Хотел бы я увидеть того подлеца, который поле поджёт!

-Может быть, он по случайности, – робко попытался защититься злодея «герой». И получил в ответ бурю эмоций.

-Башкой надо думать, она для этого нужна, а не для шляпы!

Раскевич Илья Максимович

Директор одобрил свою речь сильными выражениями.

-Народ пашет сутками, а он – по случайности! Едрит-мадрит...

Другой вспоминал, как был лишен тринадцатой зарплаты за наезд на берёзу у совхозной конторы.

-Берёза та даже не сломалась, шибко погнулась, и вот за такую ерунду... – махнув рукой, сокрушался рассказчик.

Третий говорил, как чудил директор, когда отправил жену подлечиться в санаторий – всю посуду сложил в яму и заровнял бульдозером.

Как бы то ни было, а совхоз под его руководством стал «миллионером» и достиг высоких для республики показателей в производстве зерна и молока. Сам Илья Максимович Раскевич с 1975 года избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР, имел ордена Ленина, был вхож в кабинеты обкома партии и даже стал соавтором книги под названием «Арифметика прибыли». Как и большинство «красных» директоров того времени, он проживал в обычном деревянном доме без каких-либо удобств и был целиком погружен в дела совхоза.

Я ждал появления Ильи – так называли его подчиненные – третий час. Он должен был подписать приказ о моём зачислении в совхоз специалистом по ремонту электрооборудования автомобилей. Проходя в приёмную, я столкнулся в дверях с Геннадием Ивановичем Вяткиным, главным экономистом совхоза, человеком крепкого телосложения, с волевым, решительным лицом. Он показался мне похожим на тогда еще молодого певца Кобзона. Не имея высшего образования, благодаря личным качествам, он был главным винтиком сложного механизма, приведшего совхоз к столь высоким показателям. Вяткины были «старинными» казаками, ведущими своё начало от ермаковой сотни.

Вяткин Геннадий Иванович

Отец Геннадия, Иван Яковлевич, работал учителем и погиб при взятии польского города-крепости Познань. Дед Яков и прадед Поликарп служили фельдшерами в Первом Сибирском Ермака Тимофеева полку.

Геннадий Иванович придержал дверь, посмотрел на меня, будто что-то вспоминая, и прошёл в кабинет. С его сыном Сергеем я учился в одном классе, он был моим товарищем по команде во время хоккейных баталий на льду Пресного озера.

С лестницы, ведущей, на второй этаж, из-под картины с хлебным полем, раздался глухой голос директора. Медленно поднимаясь, он выговаривал понуро идущему рядом зоотехнику первого отделения за какие-то непорядки, увиденные им сегодня утром во время утренней дойки. В кабинете над директорским стулом висел портрет Л.И.Брежнева, на столе, заваленном бумагами, стоял небольшой бронзовый бюст Ленина, в шкафах мирно пылились все 55 томов пятого издания Ильича. Раскевич когда-то сдавал предмет под названием «научный коммунизм» и был знаком с работами классиков марксизма не понаслышке.

-А-а-а, Николая Дмитриевича сын? Срезался на экзамене! Ну, может это и к лучшему, поработаешь с механизаторами, а то с дипломами много, а работать некому, – медленно выговаривая каждое слово, произнес директор, – иди в отдел кадров, там разберутся, куда тебя оформить.

В комнате с зарешёченным оконцем и надписью «касса» ветеран войны Николай Антонович Парфёнов достал из сейфа зелёную трудовую книжку с гербом страны и заполнил первый лист. Запись гласила, что я принят на работу в совхоз помощником электрика.

Здание машинно-тракторной мастерской (МТМ) представляло собой огромную перевернутую букву «Т». В центральной его части ремонтировали трактора, по рельсам под самым потолком сновала и звенела кран-балка, в левом и правом крыле здания располагались ремонтные цеха, токарный, дизельный, кузница...

Машинно-тракторная мастерская. 1978 год

Цеха были пропитаны неистребимым запахом соляры, машинного масла, мазута, карбида и ещё Бог весть чего. Отовсюду раздавались резкие металлические звуки – они были различны по частоте – от глухого мощного звука прессы до тонкого стрекотания сварки. Внутри здания туда-сюда двигались люди и центром их внимания был невысокой крепыш с казачьим чубом и постоянной улыбкой на лице. Анатолий Абрамович Золотухин был заведующим МТМ. Он знал номер каждого подшипника, размеры любого вкладыша коленчатого вала и множество совершенно необходимых для ремонта любой техники вещей. Но лучше всего он знал психологию людей и видел их насквозь.

Абрамыч завел меня в небольшое помещение под железной лестницей, ведущей наверх. Электроцех был завален стартерами, генераторами и различными реле. Здесь руководил Юрий Кожев – долговязый, нескладный человек в очках с толстыми стеклами. Он в совершенстве владел всеми способами оживления сгоревших механизмов, и диагностировал поломку по едва заметным признакам. В этом он был похож на опытного врача-диагноста. Юра был интересен ещё и тем, что огромное количество книг, прочитанных им, позволяло рассуждать на различные темы, начиная от международного положения и заканчивая беседами о смысле бытия. Надо ли говорить, что небольшая комнатка всегда была заполнена людьми, лица которых было трудно разглядеть в табачном тумане. Сюда забредали все, у кого находилась свободная минута для перекура. Никто не курил фильтрованные сигареты – исключительно «Приму», «Астру» или «Шипку».

В первые дни работы в электроцехе я постигал азы разборки и сборки электрооборудования тракторов и автомобилей, на практике используя познания, полученные совсем недавно на уроках физики. Ротор, статор, обмотка, шунты, и другие названия из учебника стали вполне осязаемыми понятиями при ремонте стартера или генератора. Интуиция и знания моего учителя меня удивляли – однажды нам пришлось выехать прямо в поле, где при пожаре сгорела вся электропроводка трактора «К-701». Весь моторный его отсек был чёрен от копоти, а проводка, собранная в толстые жгуты, расплавилась и оголилась. За один день, без всякой схемы, Кожев сумел восстановить электрооборудование «Кировца» и пустить его на пашню уже к вечеру.

В конце третьей недели моих походов на работу в электроцех вошёл Абрамыч:

-Для тебя есть блатная работа, пойдешь копать могилку усопшей бабушке.

За дверью под лестницей меня ждал Владимир Иванович Ряписов. Он собирал команду копачей. Кроме меня в неё вошли ещё трое – мой вечный соперник в беге на тысячу метров, ученик выпускного класса Слава Ряписов, Сергей Козедуб, имевший несколько судимостей и Володя Могучий, недавно отмотавший на усиленном режиме восемь лет.

На старом пресногорьковском «лежаке» предали земле огромное количество людей, ушедших в вечность, начиная с восемнадцатого века. Кладбище постепенно расширялось. Старые могилы зарастали акацией и

сиренью, кресты на них гнили и падали, оставляя безымянными невысокие холмики. Очень часто копачи выбрасывали из ям на поверхность жёлтые черепа и кости.

Сентябрьский день выдался на редкость солнечным и тёплым. С тополей, окружавших третье здание школы, южный ветер приносил на погост шуршащий лист. Листва застревала в пожухлой траве ушедшего лета, кустах, липла к надгробным памятникам и падала в яму, которую мы поочередно углубляли в южном правом крыле кладбища. Всего в двух десятках метрах, на ровной как стол дороге, Александр Дмитриевич Угренинов принимал зачёт в беге на сто метров у Славкиных одноклассников. Периодически доносилось его: "На старт! Внимание! Марш!".

Яму тогда копали с «потолком», покрывая домовину толстыми листовыми плахами. Поэтому приходилось рыть широко, штык за штыком пробираясь сквозь жёсткий «орешник» на двухметровую глубину.

Добравшись до метровой отметки, Козедуб попал ломом в пустоту и выпрыгнул из ямы.

-Следующий!

Из образовавшейся дыры в углу ямы я выцарапал «железным карандашом» на свет Божий огромный череп песочного цвета. Из стенки торчали кости – ключицы и ребра.

Так и порешили. Не копать же, в самом деле, новую яму.

-Надо всё замазать глиной, чтобы бабки не ворчали, – рассматривая круглое отверстие в черепе, заметил Могучий, – череп закопаем под новым гробом.

Вскоре к нашим зловещим находкам прибавился ещё один, маленький, череп, без признаков волос.

По дороге, вдоль ограды кладбища, плелись два деда с лукошками, полными грибов. В этот год опятами были богаты поляны окрестных лесов. Увидев на куче глины два черепа, безучастно смотревших пустыми глазницами на нашу работу, старики подошли к нам.

-Кости эти попа нашего, – свертывая самокрутку, заговорил дед, – и дочка его, от тифа помершей. Здесь его закопали, на краю, здоровый мужик был... А вот жена его гордая была – даже улыбалась, когда с похорон шла.

Из слов грибников выходило, что священник был расстрелян после мятежа 1921 года чекистами, а жена похоронила девочку позже, рядом с мужем. Найденные останки вернули на место.

На другой день состоялись похороны бабушки Токаревой, и я вернулся в электроцех – к реле и генераторам.

Постепенно я втянулся в круговорот событий в мастерской и пришёл в себя после суматошного лета. Знакомство с людьми, отдавшими своё здоровье для процветания совхоза, оказало на меня благотворное лечебное действие.

До следующего лета судьба в лице Абрамыча бросала меня на различные ремонтные участки – в кузницу, помощником сварщика, на ремонт «Кировцев»...

За это время мне пришлось многократно побывать в разных уголках машдвора, на заправке, на стройучастке (Плотоненко А.Н., Старцев С.), в

мрачном складе запчастей, построенном из кирпича разрушенной колокольни. Гараж почти всегда был пуст – машины уходили в рейсы, но два механика – Новиков и дядя Вася Андреев были всегда на месте. С большим интересом слушал их рассказы о войне и целине. В жестяницкой работал учеником мой одноклассник Валера Успенев, ставший отличным мастером своего дела. Особенно сложной была работа электриков, которыми руководил Сергей Константинович Томский.

Томский Сергей Константинович. Ряписов Владимир Иванович

В любую непогоду, в дождь и пургу, они срывались с места и искали обрыв. Надо понимать, что на плечах Томского лежала огромная ответственность – в результате аварийных отключений света могли быть обесточены доильные установки, остановиться электродвигатели, тянувшие шнеки для очистки комплексов. Электрики отвечали за всё, что крутилось и вертелось, а значит – приносило прибыль совхозу. Но Томского и его подчиненных трудностями напугать было невозможно, они просто делали всё, что было в их силах.

Приходилось бывать на утренних и вечерних дойках. Работу доярки невозможно объяснить словами, в особенности горожанину. Для того, чтобы понять и прочувствовать её, нужно хотя бы раз в жизни встать в три часа утра, протрястись десяток километров в кузове вездехода, загнать корову в доильный станок, засыпать в бункер сорокакилограммовый мешок зерноотходов, подсоединить доильный аппарат. Загонять и подсоединять придётся несколько раз... После всего предстояло хорошенько промыть использованный инструмент. Всё перечисленное проделывается в любую погоду – в жару и холод, в дождь и сырость, в туче комаров и паутов. Работа эта повторялась и вечером. А после нужно было подоить и свою коровушку. Так день за днём, месяц за месяцем, год за годом...

-Вот так, Серёжа, молочко достаётся, – говорила мне, показывая опухшие от полиартрита руки, знатная доярка Раиса Ивановна Семиренская.

На первом отделении много лет доярок возил Владимир Алексеевич Коляда. Обязанностей у него было множество – он был и шофёром и электриком, и ветврачом и зоотехником, надёжным, словно утёс в бурную погоду. С годами дядя Володя почти лишился слуха, как-то стеснялся этого –

прикладывая ладонь к уху, он наклонялся к собеседнику, когда тот о чём-то спрашивал. Добрейшей души человек, он никогда не просил ничего для себя, казалось, его интересовали только запчасти для ЗИЛа и подшипники для доильной установки.

Семиренская Раиса Ивановна

При встрече с такими людьми мне всегда вспоминался давний фильм "Коммунист", давно забытый нашим демократическим телевидением, в котором герой Евгения Урбанского отдаёт жизнь за хлеб для голодного города. С годами я всё реже вспоминал о фильме, а сейчас и вовсе забыл – давно не встречаются такие люди. В те годы люди советской закалки работали во всех отделениях. В Песчанке я познакомился с Виктором Густавовичем Крейтером. К этому времени он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, имел множество медалей, но никто из впервые встретивших его, по разговору и поведению не смог бы определить в нём героя труда. Показывать свои заслуженные награды и рассказывать о своих достижениях для таких людей было моветоном. Работали они не за награды и премии. Было в них что-то такое, чего не понять современному человеку средних лет.

Вероятно, именно про таких людей поэт Николай Тихонов сказал:

Гвозди б делать из этих людей,
Крепче б не было в мире гвоздей...

В декабре на целый месяц попал в комбайновский цех. Ремонтировали комбайны в длинном здании с двумя воротами в торцах. Через въездные ворота в него загоняли или затягивали неисправные машины, а через другие выезжал готовый к уборке урожая реанимированный комбайн. Очередной «повелитель полей», скрипя и раскачиваясь, в облаке морозного пара

медленно вползал в цех и некоторое время оттаивал. Во время ремонтных операций – замены деталей, подшипников, барабанов – комбайн проходил долгий путь до противоположных ворот. Здесь картер дизеля заполняли свежим маслом и отправляли на мащдвор, где в длинном ряду собратьев он ожидал начала битвы за урожай.

Крейтер Виктор Густавович

Время здесь текло быстро – мои руки были постоянно сбиты, но масло и солярка хорошо затягивали раны, оставляя только шрамы. Опытные механизаторы разбирались во всех марках тракторов и сельхозмашин. Их работа была связана со сменой сезонов – весной они сеяли, летом косили сено, осенью убирали хлеб, а зимой занимались ремонтом или обслуживали животноводческие фермы. Такой универсализм давал возможность работать практически без простоев, при условии, что запчасти будут привезены и заменены вовремя.

В этом чувствовалась преемственность целинных лет. Совхоз был создан в 1957 году из нескольких колхозов и получил свою машинно-тракторную станцию, где централизованно ремонтировали всю технику. В токарном цехе работали настоящие мастера своего дела. Особенно выделялся рационализатор Владимир Дмитриевич Ковалёв, чьи изобретения демонстрировались на ВДНХ и применялись при внедрении передового опыта во многих хозяйствах Союза. Профессия токаря, сделавшая его настоящим Левшой из рассказа классика, предполагала точность и размеренность действий. Он был человеком мягким, спокойным и ровным в отношениях с окружающими. Представить его без штангенциркуля или микрометра в руке было невозможно. Здесь же работал Борис Васильевич Войтенко. Пройдя рабочую школу, он стал секретарем крупнейшей в области совхозной партийной организации. Борис Васильевич являл собой пример настоящего коммуниста, выходца из народа, с огромным пониманием относясь к нуждам обычного тракториста или пастуха. Однажды его вызвали на районное бюро

райкома партии – на «ковёр». Дело заключалось в том, что после горбачёвских указов о «сухом» законе все праздничные мероприятия проводились лишь за кружкой чая. Районный Дом культуры разработал репертуар, пытаясь конкурсами и концертами разогнать или хотя бы смягчить гнетущую атмосферу, царившую на свадьбах граждан, пивших исключительно чай. Но это мало помогало. Тогда на свадьбы стали посылать партработников с целью объяснения присутствующим линии партии. Посидевший на такой свадьбе за чаем пару часов, Борис Васильевич, будучи нормальным человеком, заскучал и произнёс перед гостями речь, прямо противоположную. В ней явно сквозило грубое нарушение указа «меченого» генсека. Гости поняли главную мысль парторга – какой дурак придумал для русского человека такое невыносимое испытание, как трезвая свадьба! Далее веселье пошло с использованием устоявшихся традиций, и свадьба надолго запомнилась всем гостям весельем и тостами! Борис Васильевич получил «строгача», а тут и закон отменили, признав идеологической ошибкой.

Во время работы в электроцехе мне пришлось поехать по отделениям с различными поручениями. В это время в шести небольших посёлках проживало довольно много людей. Посёлки имели собственную инфраструктуру – школу, медицинский пункт, сельский клуб. К посёлкам вели асфальтированные дороги. В каждом отделении было место для митингов в центре с обязательным памятником погибшим в Великой Отечественной войне. Всем хозяйством заведовали управляющие, отвечающие за жизнь и быт сельчан, а также за посевную кампанию, уборочную страду и зимовку скота. Дел у них было невпроворот – сезонные работы сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, часто наслаиваясь, создавая этаким объёмный бутерброд из требующих немедленного исполнения, дел. Казалось, обычный человек физически не способен на руководство таким сложным хозяйством, но люди справлялись ценой колоссальных нервных затрат и стрессов.

В Волне – небольшом уютном посёлке к северу от Пресногорьковки – управляющим долгие годы был Ахат Гимазетинович Ризаев – высокий, внешне спокойный человек.

Ризаев Ахат Гимазетинович, управляющий отделением №7 (с.Волна)

Казалось, что ему под силу решить любые вопросы и все проблемы разбиваются об его уверенность, словно о скалу. Он принимал решения, взвесив все обстоятельства «за» и «против». Директор совхоза часто прислушивался к его мнению.

Настюшкин Николай Иванович,
Управляющий отделением №2 (с.Первомайка)

В Первомайке работал Николай Иванович Настюшкин – зеркальная противоположность волнинскому управляющему. Быстрый, энергичный, сверхэмоциональный. В своей речи имел привычку дважды повторять последнее слово в высказанной фразе, будто это помогало окончательно и бесповоротно поставить точку его мнению по решаемому вопросу. Николай Иванович мог запросто залепить затрещину и обложить непечатно своего подчиненного, но делалось это всегда справедливо, и люди это понимали. Кроме того, управляющий до конца отстаивал своё мнение перед любым начальством – уважали его за это качество земляки. Во время уборки первомайцы придерживались сухого закона вплоть до «красной борозды». Нарушали его нечасто. Я стал свидетелем такого нарушения. Был на отделении сварной Славка, немолодой, сухощавый, постоянно курящий махорку человек. Как многие совхозные профессионалы Славка любил «заложить за воротник». Зная эту слабость управляющий на мой вопрос, где сварной, ответил:

-А я его послал изнутри бочку варить-варить. Там он с утра и сидит, не вылезал ещё. Зато трезвый, как стекло-стекло...

Ещё через полчаса Славку вынимали из бочки два тракториста – он громко пел патриотические песни и слабо сопротивлялся. Чекушка, спрятанная им в куртке, была пуста и валялась на дне заваренной бочки...

Гренадерский управляющий Иван Семёнович Драгунов представлял собой крепкого хозяйственника, со старой крестьянской мужицкой закваской, сохранившейся со времен, когда землю пахали сохой. Он редко повышал голос, говорил мало, всегда по делу и гренадерцы – народ с особым юмором,

даже говорящие на своем особом наречии – выполняли его указания без раздумий: сказал управляющий, чего думать, ему виднее...

Драгунов И.С.

Панин М.И.

В старинном казачьем поселке Крутоярском рулил Михаил Иванович Панин. На первый взгляд этот небольшого роста, полноватого телосложения человек ничем не выделялся из общей массы земляков, но это впечатление было обманчиво. В голове управляющего, как в хорошем калькуляторе, постоянно жили какие-то новые идеи. Он умел убеждать и использовал для этого весь свой природный ум и хозяйственную хватку. Речь управляющего ласкала слух – была насыщена сочными выражениями и поговорками.

На первом отделении совхоза в мою бытность электриком работал Виктор Петрович Успенев. Высокий, худощавый, с неизменной папиросой во рту - ветврач по профессии, он вникал во все тонкости агрономии, ювелирно расставлял кадры, легко находил общий язык с нелёгкими людьми. Голос Виктора Петровича и зимой и летом слышался из разных мест большого комплекса зданий у леса Маяк.

Таков был рабочий состав «красных» управляющих у «красного» директора Раскевича. Он часто спорил с ними на многочисленных планёрках и совещаниях. Свидетелями баталий были все, кто был снабжен рациями – специалисты отделений, главные специалисты, имевшие рации в служебных УАЗах. Как бы не относился директор к своим подчиненным на отделениях – мог и строгача залепить, но не снимал с должностей и не менял на других, понимая, что лучше них, несмотря на ершистость, никого не найти. В целом, два десятка человек из управляющих, главных специалистов и специалистов отделений могли так организовать труд в поле и на животноводческих фермах, что огромная машина под названием совхоз «Пресногорьковский» работала практически без сбоев. Лишь погода могла вмешаться в деятельность людей и внести свои коррективы в зоне рискованного земледелия. Потери в урожаях зерновых частично компенсировались прибылью в животноводстве с использованием запаса кормов прошлых лет. Тогда широко выращивали кукурузу – огромные силосные ямы трамбовали тракторами, и силос в долгие месяцы зимовки был хорошим подспорьем в рационе, увеличивая количество сдаваемого молока. Но всё же, жирность молока зависела от зерноотходов – в

Гренадерке животновод Денисов сумел организовать откорм быков с привесом в восемьсот грамм в сутки, благодаря чётко сбалансированному рациону. Он ездил в Москву на ВДНХ, куда возил огромных быков. Директор и главный экономист написали статью об опыте работы в животноводстве. Она была опубликована в казахстанском сборнике "Вторая отрасль целины" в 1979 году.

В совхозе работали три Героя Социалистического труда – управляющий Николай Иванович Романченко, механизатор Александр Павлович Чирков, главный агроном Михаил Павлович Калачёв. Последний воевал на Ленинградском фронте во 2-й дивизии народного ополчения. Невысокий, совершенно седой, в очках, постоянно насвистывающий под нос какие-то одному ему понятные мелодии, Михаил Павлович не производил впечатление геройского человека. Но упорства и воли ему было не занимать. Агрономом он был отменным.

Общение с людьми – трактористами, комбайнерами, доярками, телятницами, мотористами, шоферами, среди которых были участники войны (Нурмакан Кобжасаров, Александр Васильевич Новиков, Дмитрий Петрович Холупов, Михаил Васильевич Калачёв, Алпаш Мазбеков, Иван Михайлович Коваль и другие) разбудили во мне живой интерес к людским судьбам вообще. Каждое новое, даже мимолетное, знакомство оставляло ощущение не случайности, а необходимости. Это чувство осталось со мной на всём дальнейшем жизненном пути.

После окончания института и службы в армии мне пришлось более двух лет работать с главными специалистами совхоза – Александром Георгиевичем Михиным и Василием Николаевичем Обозновым. Труд их был поистине титаническим – сутками пропадали на животноводческих базах, являясь домой, чтобы поспать. Сложно просто перечислить те дела, которые они выполняли. Михин был немногословным, замкнутым человеком, курившим пачку за пачкой. Нервы и курение угробили напрочь его здоровье за несколько лет. Василий Николаевич был любимцем всего совхоза – везде, где он не появлялся, звучал смех и поднималось настроение. Будучи классным спецом, он легко решал проблемы, находя выход из сложнейших производственных ситуаций.

Обознов был отличным шофёром, но однажды мы в один день дважды попали в ДТП. Зимним морозным утром ехали мы с ним на совещание в район. Василий Николаевич только вернулся из Индии, и его загар выглядел странно на фоне жутких морозов той зимы. Его привычка смотреть на собеседника, а не на дорогу, привела наш УАЗик напрямик в кювет – проморгали поворот на пилкинской дороге. В итоге опоздали на совещание и вошли, когда оно уже заканчивалось.

-Аааа, индейцы приехали! – голосом, не сулящим ничего хорошего, произнес первый секретарь райкома партии Леонид Васильевич Стороженко, – Ну, чего там в Индии нового?

В райцентре, на перекрестке у ветаптеки, Василий Николаевич вновь отвлёкся на мой анекдот и зацепил борт проезжавшего ГАЗ-52. Наше левое

боковое зеркало было вырвано с «мясом» и странно болталось, царапая дверцу. ГАИ вызывать не стали, разъехались мирно.

-Серёга, ты больше мне ничего не рассказывай, а то я отвлекаюсь, – заявил мне ничуть не огорчённый Василий Николаевич. Впрочем, это замечание так и осталось только пожеланием. Уже при выезде из Ленинского, Вася вдруг сказал:

-Чего молчишь? Расскажи что-нибудь.

Бывали и курьёзные случаи. В середине 80-х годов началось внедрение искусственного осеменения в совхозах Союза. Мы не миновали этой кампании – в каждом отделении были построены пункты осеменения с инструментарием, подготовлены специалисты. Но главной задачей была не материально-техническая, а чисто психологическая. Никто, начиная от руководства до ветхого деревенского сторожа, не верили в возможность и необходимость такой селекции.

-Есть быки, какого рожна ещё надо! – этот укоренившийся стереотип пытались сломать специалисты зооветслужбы.

Для упёртых скептиков решили провести ряд семинаров на отделениях. Почин сделали в Первомайке, как наиболее новаторском отделении. Николай Иванович Настюшкин созвал доярок на практическое занятие. Надо сказать, женщины там были весёлого нрава – за словом в карман не лезли и палец им в рот класть было опасно.

Поместили в загон тёлку, долго не желавшую в него помещаться, и связали её согласно инструкциям. Все действия сопровождались громовым хохотом и сомнительными замечаниями:

-Георгич, если так вязать, никакого прока не будет!

-Выбрось эти книжки, быки их не читают!

-Напугали телушку вусмерть, ей уже не до осеменения!

Подобных высказываний было много, но привести их здесь нет никакой возможности.

Решительный Георгич взял в руки инструмент, но что-то в его действиях пошло не так. В результате все четыре ноги тёлки неожиданно подкосились и она, отбросив копыта, повисла на связавших её живот ремнях. Такого всеобщего смеха я не слышал давно...

Василий Николаевич и Николай Иванович переломились пополам, хватая ртами воздух и беззвучно хохотали за дверью осеменаторской. Женская толпа колыхалась от безудержного хохота.

Даже Георгич, поначалу обескураженный случившимся, махнул рукой... и тоже рассмеялся:

-Да ну вас всех! Развяжите лучше пациентку...

После этого случая семинары по обучению искусственному осеменению закончились.

Январь-месяц, морозный как никогда, я провёл в полном комфорте и уюте – на курсах комбайнеров, среди многочисленных плакатов и механизмов, отмытых и отполированных сотнями рук. Поначалу пришлось померзнуть в здании общежития, но вскоре совместными усилиями наладили отопление и Виктор Трофимович Худин начал свои занятия со «студентами».

Практика ремонта комбайнов позволила мне легко освоить теорию уборки урожая, которой я так никогда в дальнейшей жизни не воспользовался.

В марте я вновь влез в свои рабочие штаны, пропитанные машинным маслом и прилипавшие к ногам, и отправился подсобным рабочим на обслуживание «Кировца». Ремонт его шёл ни шатко, ни валко – тракторист слабо разбирался в технике, поэтому постоянно звал на помощь кого-то из ремонтников, занятых на своих участках. В итоге за месяц шатания вокруг трактора я получил всего 28 рублей и отдал их матери – внёс свою малую копейку в семейный бюджет.

Зимой мой путь в МТМ проходил под звёздным небом по узенькой дорожке, натопанной школьниками по снежному насту озера. Она соединяла северный косогор Пресного с пологим восточным берегом, расстояние до которого составляло чуть менее километра. В буран и пургу приходилось менять маршрут, не покидая улочки села.

Зато весной особенной благодатью было идти домой после рабочего дня по извилистой дорожке вдоль огородов, местами окаймленных огромными тополями, вдыхая запахи, приносимые с полей тёплым южным ветром. В мае на песчаном плёсе у берега качались на волнах просмоленные деревянные рыбацкие лодки, привязанные за корму к мосткам, а в небе кружили, кричали беспокойные чайки. С далекого берега, усиленная колонками, неслась песня:

Тихо плещется вода, голубая лента,

Вспоминайте иногда вашего студента-а-а!

Заканчивался один из начальных периодов моей жизни – неизведанное «прекрасное далёко» пряталось где-то там, за степными далями, где небо сливалось с землёю...

Тогда я ещё не уяснил простую и понятную любому пожившему человеку истину – никогда не стоит торопить жизнь...

Эпилог

Совхоз «Пресногорьковский» прекратил своё существование в начале 90-х годов. Технику и производственные помещения поделили между несколькими хозяевами. Часть скота сдали на мясо, часть – порезали, чтобы выплатить зарплату. Огромные комплексы, в которых содержались 13 тысяч голов скота, превратились в руины. Посёлки практически прекратили свое существование после того, как лишились школ и медпунктов. Катастрофический отток населения привел к угасанию Песчанки, Богоявленки, Крутоярки, Первомайки, Волны и Гренадерки. Асфальт, проведенный к ним ещё в советские годы, пришел практически в полную негодность. Пресногорьковка лишилась маслозавода, районной больницы и поликлиники, двух детских садов, пассажирского сообщения с районом и городом, автобазы, автобусного парка, пожарной части, водопровода, строительного управления, лесхоза.

Фото ветеранов в начале XXI века (актовй зал школы)

Население села сравнимо с цифрами переписи 1898 года и составляет около тысячи человек.

Почти все люди, упомянутые мною в очерке, а также сотни механизаторов и животноводов совхоза ушли в вечность. Они были настоящими профессионалами и знатоками своего дела и выполняли обязанности, вкладывая всю свою душу.

Идея о светлом коммунистическом будущем, двигавшая ими всю сознательную жизнь и бывшая им опорой, постепенно поблёкла и была заболтана либеральными телевизионными горлопанями.

Первые оставили созданный ими мир и, слава Богу, не стали свидетелями его разрушения...

Этот очерк - последний поклон в память о них...

Михин Александр Георгиевич и Обознов Василий Николаевич погибли в автокатастрофе 16 января 1996 года. Василию едва перевалило за сорок...

Почти тридцать вёсен поют Васе, дорогому моему сердцу человеку, соловьи в кустах волнинского кладбища.

История с раскопанными останками получила продолжение. Были выяснены обстоятельства трагической гибели священника о. Василия Преображенского(1878-1921), судьба его жены, детей и внуков. Выяснилось также, почему матушка Александра Христофоровна Преображенская так странно вела себя - улыбалась, когда шла с похорон. Горе так поразило её, что развился неврит лицевого нерва, перекосивший лицо.

На месте захоронения поставлен крест. История священника и его семьи изложена в моих книгах и очерках.

Обознов Василий Николаевич. Индия. 1986 год

Повернувшие время. Правда о «застое»

Пресногорьковка, века изначальная,
День первый в веренице дней,
Ты родина далёкая, печальная,
Чарующий родник души моей...

Тамара Булевич

Однажды мне на глаза попал небольшой очерк редактора молодежной редакции радиостанции "Юность" Ады Дихтарь под названием "Солнце над Горькой линией", написанный ею в середине 60-х годов. Вначале приведу небольшой отрывок из очерка, прежде, чем начну раскрывать историю советского периода.

Дихтарь Адель Борисовна (р.1938), советская и российская журналистка.

"О чём ты думаешь, Пресногорьковка, в свои удивительно молчаливые лунные ночи? Вспоминаешь былое? Мечтаешь о будущем? А скорее всего, удивляешься, как это люди умеют брать за плечи время и поворачивать его так, как это устраивает их больше всего.

Давно ли ты, Пресногорьковка, была смешной, наивной крепостью с тремя чугунными пушками, с деревянной стеной, окруженной неглубоким рвом? Говоришь, давно. Больше века назад. Да много ли это в жизни человеческой?

Ну припомни тогда, какой ты была казачьей станицей, лихой, задиристой, краснолампасной. Помнишь, как сходились край на край курчавые чубы под красным околышем и бились до одури? Не потому, что были злы от природы или не любили друг друга. Просто силушка застаивалась в жилах, просто руки не видели большого дела для себя и для народа.

Ты, наверное, улыбаешься, вспоминая, как отчаянно зубрили восьмилетние мальчишки: "Я казак Первого военного отдела Сибирского линейного казачьего войска". Ждали царёва наследника – нужно было достойно отрекомендоваться.

Не забыла ты, как в двадцатые годы собралась группа селян и решила организовать здесь коммуну. А первые общественные сходы. Споры – откуда взялся человек. Собрания, где числом поднятых рук решалось, есть на свете Бог или нет...

Не удивляйся, будущий город Пресногорьковск. Очень здорово наши люди умеют брать время за плечи и поворачивать его в свою сторону".

Прочитав эти давние журналистские строки, мне захотелось сделать краткий обзор пресногорьковской истории в период 1920-1990 годы, который ни в коем случае не претендует на полноту. Это нужно для того, чтобы дать в руки будущим историкам нить для полномасштабного исследования периода советского строительства. Здесь же лишь штрихами показаны события и люди, достойные человеческой памяти. Поколение, прошедшее гражданскую и Великую Отечественную войны, коллективизацию, восстановление промышленности и сельского хозяйства, организовавшее освоение целины на века останется уникальным явлением силы человеческого духа и будет постоянным примером для живущих.

Ветер гражданской войны разметал по свету пресногорьковчан. С Дутовым и Бакичем они уходили в Сынцзян, с Каппелем и Глебовым участвовали в Великом Сибирском Ледовом походе и оказались в Маньчжурии и Приморье. Некоторые, подобно Федору Ермолаеву, вернулись из скитаний. Для большинства таких как вахмистр Григорий Грязнов или есаул Иван Дурнев, возвращение закончилось расстрелом в Омской и Акмолинской тюрьмах. Лишь в 70-е годы несколько невест откуда взявшихся стариков приезжали в Пресногорьковку вспомнить молодость, да в 1992 году дед Фёдор Токарев предъявил документы на владение двухэтажным домом, в котором родился до революции. Лишь в середине 50-х годов в Северном Казахстане начали появляться внуки тех, кто в годы гражданского противостояния ушёл на Восток с разбитыми полками Дутова и Колчака – они родились в далекой Маньчжурии – в Хайларе, Харбине, Драгоценном. С детства они слышали от дедов рассказы о покинутой родине и, после разрешения советского правительства на возвращение, началась реэмиграция. Так появились в Пресногорьковке Запрудины, Тулакины, Говердовские.

Дома Петра Ромашова, Канахина, Михаила Кизина, Николая Кубрина, Александра Шехтера, вдовы сотника Макара Едрилова, Вяткина были отданы под сов учреждения.

Среди принимавших участие в установлении советской власти назову бывшего урядника Бориса Бедрина, бывшего сотника Игнатия Усачёва, изрубленного белыми под Акчикулем Никифору Комаху, Семёна Никандровича Кожева. Руководящий актив волости состоял: секретарь райкома РКП (б) Давыдов, заместитель Паузин, председатель волисполкома Успенъев, народный судья П.Ширяев, уполномоченный ГПУ И. Губин, заготовитель Е.Чернооков. Первыми в комсомол вступили Г.Мордовский, П.Стерехов, В.Юсупов, Е.Трофимова, А.Зверева, Ф.Савчук, М.Канахин.

Летом 1921 года снегопад уничтожил посевы, наступил голод. По лесам еще бродили остатки банд и стреляли в окна активистов «бывшие», но уже отменили продразверстку и разрешили продавать свой хлеб. В 1922 случился небывалый урожай, который дал возможность получить семенные запасы зерна. НЭП дала свои результаты. «У многих появились брянские и сакковские плуги, зиг-заги, буккеры. Более состоятельные хозяева приобретали сенокосилки, конные грабли, лобогрейки, самосброски, сноповязалки. Появились веялки, молотилки с конным приводом». В Пресногорьковке существовал ряд артелей, самой крупной была артель «Труд кожевника», организованная в 1927 году. На одном из собраний выступил Фёдор Степанов, геройски погибший в 1943 году под Харьковом:

« Богачи Богдановы, Токаревы да Кладеновы вон какую цену ломают. Не лучше ли всем нам объединиться в артель и что-нибудь промышлять. Среди крестьян есть рыболовы, охотники, шорники, сапожники, плотники. Взять, к примеру, Ивана Лапина. Он – лучший кожевник. Если переманить его от кулаков в артель, можно самим наладить производство кожевенного сырья. В Пресногорьковке и в окрестных деревнях скота много. Бедняки за низкую цену выделывать кожу понесут к нам. Так мы и кулаков-заводчиков без сырья оставим, пусть себе закупают где угодно.

Председатель с/совета(1971-1996) Виниченко Николай Дмитриевич регистрирует молодую пару Коваль – Юрия Ивановича и Людмилу Трофимовну

Всю выручку артели будем сдавать на хранение избранному казначею. Часть денег правление будет расходовать на общие хозяйственные нужды, сколько установим, оставлять немного про запас, на всякий случай, а остальные делить между собой".

В состав правления избрали Федора Михайловича Степанова, Григория Егорыча Фиронова, Михаила Алексеевича Успеньева, Иосипа Дербилова, казначеем назначили Дмитрия Асаченкова. В артель вошли также П.Дербилов, П.Степанов, А.Успеньев, Василий Матвеевич Зенепрецов, Иван Лапин, Прокопий Репин.

«В возрасте 2-3 года помню ежегодные ярмарки на площади возле церкви. Наша изба стояла здесь же у казачьих валов. На ярмарку съезжались торговцы отовсюду. Продавали скот, зерно, всякую живность, продукты питания. Ставились балаганы, карусели. Проводились различные аттракционы. Это были годы НЭПа. Было все. Горы сладостей. Даже продавался живой сахар, который шевелился, пересыпался сам. Такого сахара я больше не видел по сей день, и каков его секрет – не знаю. Казахи из аулов приезжали на верблюдах, привозили кумыс, баурсаки, курт и другие кушанья. Ребятня гурьбой бегали смотреть на верблюдов.

Жили мы в рублённой деревянной избе из толстых сосновых бревен, покрытой тёсом, тёсовые сени и сарай. В избу вело высокое крыльцо. Помню русскую печь и полати. Пол в избе при мытье скоблился ножом до белизны. Окна закрывались на ночь ставнями..

Учился в двухэтажной школе из круглого строевого леса. В ней училась ещё моя мать. Стояла она сразу за церковью с северной стороны, за ней шли крепостные валы. На первом этаже была учительская, в фойе – зрительный зал и сцена. Жители принимали активное участие в постановке спектаклей. Пел там станичный хор. Я еще ребенком участвовал в постановках. Помню, играли сцену на Красной площади у Мавзолея. Меня держит на руках отец, а я кричу: «Сталин идет к мавзолею, и Молотов, и Каганович, и Ежов».

Здесь же показывали и кинофильмы. Света не было и крутили ручную динамо-машину. Киномехаником был Мордовский Г.Н., все звали его просто Ганя. Мальчишки по очереди крутили ручку динамо, чтобы попасть бесплатно на фильм. Они были немые, только в 1936 году стали звуковые. Это «Чапаев», «Истребители». Смотрели их по несколько раз. На втором этаже – просторные, светлые классы с большими окнами. Любимым занятием у нас после уроков была игра в бабки и лапту. Возле школы была спортивная площадка, где были установлены Гигантские шаги, гимнастические кольца, турник. Здесь мы тоже проводили много времени. Зимой катались на санках и лыжах с горок на окрестных валах. Коньки были редкостью и больше самодельные. Первый мороз и еще тонкий лед, а мы уже на Пресном озере, бороздим его. Были и трагические случаи, утонули, катаясь на коньках, Васька Шлыков, сын военкома, Петька Фиронов. Проваливались под лед и другие мальчишки, но их спасали взрослые, купаясь в холодной воде, но все равно на лед бегала почти вся школа. Катались на льду и девчонки. Всем было весело» (Ермолаев Ю.Ф.).

В 1929 году с новой экономической политикой было покончено. В 1930 году началась коллективизация сельского хозяйства. Как следствие этого, в апреле 1930 ого был убит уполномоченный ГПУ А.А Плешаков. Найденные в оконной раме волисполкома пули говорят о том, что по окнам стреляли недовольные советской властью. «В 1933 году наша семья в зиму была выселена из Пресногорьковки под Сибирку на озеро Тычек. В одной земляной яме жили три семьи, спали на нарах, топили соломой, часто приезжал милиционер, осуществлял дозор. Отца арестовали, у моей мамы при обыске активисты вырвали из ушей серьги, два кольца она зашила мне в платье. Нас спасли казахи, увезли в степь. На озере Шумном за Тробротным тоже жили такие семьи»(воспоминания Костыриной Т.А.). Секретарь райкома Засыпкина погубила весь скот в селе. Коров согнали в загон за «каменным» магазином (ныне «Березка»), там стояли склады с трехгодовым запасом семенного зерна. Коров не доили, не кормили, они будали друг друга, гибли. Лес Ракиты был завален трупами павших животных. Засыпкина носила

красный платок, была мужского телосложения, коротко подстрижена, волосы нечесанные. Одним своим видом наводила страх на население» (очевидец). Засыпкина за допущенные перегибы будет расстреляна позже, осенью 1938 года.

В 1934 году двадцатипятилетний из Петропавловска Семен Морозкин стал начальником МТС, расположившейся на восточной окраине села (умер в 1937 г., похоронен в березовом колке, на окраине села).

В ней насчитывалось 34 маломощных колесных трактора СХТЗ, ремонт которых проводился в саманной МТМ. «Появление тракторов вызвало у местных жителей страх и удивление. Десятки, сотни людей шли к центру будущей МТС, смотреть на эти загадочные машины» (М. Попсуй). «Вся станица, стар и мал, вышли на улицу, дети ревели, старики разводили руками – идет телега без лошади» (очевидец). К осени 1934 года поступили прицепные комбайны «Коммунар» и СКЗ. В 1935 году прибыло 4 трактора ЧТЗ с плугами. Специалисты МТС обслуживали 12 колхозов: им. Буденного – Починовка, Путь Ильича - Камышловка, Коминтерн – Казанка, Пилкино, им. Ленина – Пресногорьковка, им. Розы Люксембург – Крутоярка, 1 мая – Первомайка, Волна, Гренадерка., Красный летчик – Песчанка, Путь бедноты – Сибирка, К.Маркса, Червона Зирка – Евгеньевка, Серп и Молот – Ксеньевка, Иваноровное, Моховое, им.Калинина – Федоровка, Укаткан, Жанатлек.

Обелиск Семёну Морозкину.1971 год.

В это время была разобрана колокольня старинной церкви, ломали её с большим трудом, отчего лишь часть кирпича использовали для строительства здания МТМ. Стены стоят до сей поры, заросшие кленом, без крыши.

Первыми механизаторами стали Н.А.Успеньев, И.Шешминцев, В.Фиронов, Ф.Исаев. Трактористы пользовались на селе большим авторитетом, ходили в куртках и перчатках-крагах. В 1938 году открыли автобазу. Разместили её у кладбища, где впоследствии в зданиях барачного типа размещалась школа. Когда-то на этом месте жил купец Лутченинов, стоял добротный дом с пристройками.

Первым начальником стал М.П.Попсуй. Его сменяли Недобоев, Софрон Иванович Банщиков, Нескромный. Вначале это была автоколонна с 18

машинами, а к 1941 году в ней было уже 120 автомобилей. Во время войны они вместе с шоферами были отправлены на фронт. Весной 1946-го года оставшиеся в живых шофера вернулись домой. В это время колонна состояла из 50 американских "фордов". С марта 1955 года автоколонна стала называться автобазой, имевшей 165 машин и три автобуса.

В ней трудились 242 человека – в цехах медницком, токарном, вулканизационном, карбюраторном, аккумуляторном и электроцехе. Ударниками труда являлись шофера Бугай, Барабаш, Ермолаев, Гальчук.

25 июня 1931 года открылась сложенная из добротного кирпича мельница. Мельница перерабатывала до 200 тонн в сутки. В середине 60-х годов на ней работали 9 человек. Ударниками труда были вальцевой Макаренко Иван и Зиберт Я.Б.

Для хранения зерна в 1933-34 годах на окраине села было построено заготзерно(ХПП). Стены первых зданий были сделаны из плетня, обмазанного глиной, крыша – из саманного пласта. Первоначальная ёмкость складов составляла 2000 тонн зерна. В 1955-56 годах началось строительство литых складов ёмкостью в 3200 тонн каждый. Были выстроены 8 складов, а также 4 асфальтированные площадки для хранения зерна по 150 тонн. Общая ёмкость складов составила 25200 тонн. В заготзерно работали 60 человек – сушильные мастера, электрики, сварщики, лаборанты. Передовики производства: Федичкин, Русанова, Дербина. Пункт принимал зерно от хлебосдатчиков, хранил его, сушил и доводил до мельничных, семенных и экспортных кондиций. Отгрузка зерна шла согласно нарядов Облуправления сельхозпродуктов. Бывало, отгружали по 50 машин в сутки, по 2.5 тонн каждая.

В страшном 37-м семьи «врагов народа» вывозили под Сибирку и оставляли в белом поле. В здании НКВД (ныне здание акимата) «тройка» проводила допросы арестованных. Очевидец событий вспоминает: «утро принесло страшную весть. Ночью арестовали все районное руководство, учителей Петра Стерехова, Петра Соколова, Бориса Канахина. Этот день для Пресногорьковки был траурным. Глядя на горе и слезы людей, растерялся и я. На другой день приехали ко мне Рамазан и Кусаин – старые друзья и предложили скрыться в колхозных аулах. Пока не закончились аресты до января 1938 года я жил у них» (Ф.Церахто). Сегодня нам известны некоторые фамилии арестованных в летнюю ночь «расстрельного» года. Это председатель райисполкома А.С.Синицкий, начальник РО НКВД Л.А.Посунько, уполномоченный по заготовкам А.С.Воронков, зав ХПП П.В.Лещев, управляющий Госбанком А.И.Романов, бухгалтер райпотребсоюза Ф.М.Ермолаев (арестован 20 сентября, расстрелян 5 октября, реабилитирован посмертно), прокурор Уткин, работник райисполкома Богданчиков.

Из воспоминаний Ю.Ф.Ермолаева: «20 сентября 1937 года пришел из школы. В доме шел обыск и в избу меня не пустили. Забрали ружье, а больше ничего не нашли. Отца увели, а мы с матерью сидели и плакали. Пришли родственники и стали говорить, что это недоразумение, разберутся и выпустят. Мы не верили, что наш отец «враг народа» и тоже думали, что разберутся. После этого я видел отца только один раз, когда ходил с матерью в

милицию. В ограде НКВД я случайно увидел его, их выводили из КПЗ (ныне хозпомещение акимата) во двор и он грустно посмотрел на меня и заплакал. Место его захоронения неизвестно. Мать рассказывала, что в магазине жена секретаря райкома Воронкова заявила, что нечего продавать хлеб «врагам народа», пусть подыхают. Мать в слезах пришла домой, а через три дня арестовали самого Воронкова. Учился в школе на отлично. Несмотря на то, что был сыном «врага» в 1938 году был отправлен отдыхать в пионерский лагерь в Боровое...». Кстати, совсем недавно стало известно, что по ошибке вместо Федора был расстрелян другой человек (священник Ермилов, работавший счетоводом в Пресновке), приговоренный к 10 годам заключения, а Ермолаева расстреляли позже – исправили свою «ошибку».

Во время суда учитель русского языка Петр Михайлович Стерехов, бросился на свидетеля и умер от инфаркта. Он не был признан врагом народа, его дочь Нина долгое время работала в райкоме партии.

Воспоминания о Великой Отечественной войне Ермолаева Юрия Фёдоровича:

« В воскресенье 22 июня 1941 года был яркий солнечный день. После обеда прошел теплый и быстрый ливень. Мы с друзьями побежали с утра на озеро Татарское, а оттуда в лес Татарский, где проходила районная спартакиада. Она проводилась здесь много лет после создания Пресногорьковского района.

Часам к 8 в лес прибыли работники общепита с палатками, кухонными и столовыми принадлежностями, со сладкими и горячительными напитками и иной снедью. Стали прибывать представители из колхозов. Их было тогда 36. Ехали на конских повозках, автомашин было немного – на район было авторота из 30-40 автомобилей. Начались спортивные соревнования и народное гуляние. Мы бегали по всему лесу и смотрели на соревнования и конные бега в ковыльной степи. Повсюду дымился бесбармак, для приготовления которого колхозы везли живых баранов. Зазвучали песни.

Началось веселье. У ребятни денег не было и мы побежали домой. Проглотив по куску хлеба и запив молоком, пошли снова в лес. Мы шли рядом с Лазаретником, ближайшим колком от станицы. По дороге из Татарского уже двигались толпы людей, громко разговаривавших и жестикулирующих руками. Прислушавшись, мы поняли, что речь идет о войне с Германией...

В праздничный день. 1958 год

Мужское население Пресногорьковки отправляли на подводах и автомашинах на станцию Лебяжье в 110 км от крепости, а оттуда сразу на фронт. Мобилизация шла потоком. Бронь имели только 30 советских и партийных работников, да председатели колхозов. Стали приходиться похоронки на погибших. Дети занимались заготовкой продуктов: собирали грибы, ягоды. Грибы солили бочками, ягоды сушили. Заготавливали топливо на зиму. Лесники ловили порубщиков, отбирали дрова, топоры и штрафовали. По Базарной площади маршировали строем, подлежащие мобилизации мужчины. Наступил 1942 год. Жить становилось тяжелее. Жестокая морозная зима загоняла всех в свои избы и землянки. Спасались мы на русской печи и палатках. Ночью ходили в Татарский лес украдкой с топором, чтобы срубить березу и притащить на дрова. Лесники ловили и ночью, выезжая на стук топора. У нас в избе появилась железная печка, топили ее всякой щепой. Приезжало все больше семей эвакуированных из блокадного Ленинграда, они рассказывали о войне, мы жадно слушали их. Но говорить правду было нельзя. Боялись НКВД. Стали прибывать выселенные семьи немцев. Их почему-то местные жители сначала презирали, но потом стали уважать за трудолюбие. В школе было холодно, сидели на уроках в одежде, писали на старых газетах, не хватало керосина и уроки велись только днем. Но школа есть школа, и мы учились, смеялись и веселились. Весной мы ринулись на сбор яиц – утиных, гусиных, гагар и лысух. Все шло в пищу. Собирали полевой лук, чеснок. У кого были сети, тот ловил рыбу. Враг рвался к Сталинграду, стало больше похоронок. 15-летних подростков стали обучать

военной подготовке. Осенью убирали хлеб весь до каждого колоска. Школьников гоняли на сбор колосков, за кражу нескольких колосков давали до 5 лет лагеря. В сентябре нас отправили в Комендантские леса в 10 км от села пилить вручную лес. Спали мы в шалашах вповалку, тесно прижавшись друг к другу. По вечерам жутко выли голодные волки. В середине октября стали дрова вывозить в Пресногорьковку. Возили их на санях, в которые были впряжены быки. 10 ноября 1943 года нас провожали в армию. Со мной вместе уходили мои школьные товарищи – Ваня Татаринцев, Гоша Ульянов, Вася Фиронов, Саша Степанов, Митя Бобрешов, Ваня Зенепрецов, Толя Калабаев, Коля Дегтярев. Родители провожали нас со слезами на глазах. Играла гармонь. С плачем и смехом нас посадили на подводы и отправили на станцию Лебяжье».

Во время Великой Отечественной войны на фронтах погибли более 150 человек, призванных Пресногорьковским РВК из самой станицы. Умер от истощения узник лагеря Ламсдорф Сергей Воропаев, чей дневник читал на Нюрнбергском процессе Генеральный прокурор СССР Руденко, убит в бою под Могилевом А.Зенепрецов, о котором генералом С.П.Мальцевым написана книга «Когда опасность рядом», погиб в ленинградских болотах директор школы М.Г.Гужва, убит директор школы Н.Харькин, военрук Усманов, учитель географии И.Я.Вяткин. Кадровыми военными были генерал Ф.А.Коляда. полковники Н.И.Хизун, В.Г.Козлов, Ф.И.Савчук, М.Ф.Журавлев, А.Ф.Степанов, Н.Ф.Степанов. Около тысячи человек были призваны Пресногорьковским райвоенкоматом. 153 пресногорьковчанина зарыли в земной шар далеко от родины.

В марте 1954 года на освоение целинных земель в Пресногорьковский район стали прибывать механизаторы из Украины. М.З Кравченко, В.М.Охрименко, П.И.Пухкало, А.В.Новиков, В.Ю.Черныш, Д.П.Холупов были награждены орденом «Знак Почёта» и навсегда связали свою судьбу с Пресногорьковкой. Район получил 196 тракторов, 62 комбайна. 92 автомашины. В 1954 году государству было сдано 736375 пудов хлеба.

Из воспоминаний Тамары Львовны Канахиной : « Весной 1954 года я работала секретарем комсомольской организации райкома комсомола. Почти ежедневно мы встречали посланцев разных республик и определяли по квартирам. Встречали всегда с музыкой. Сколько было смеха и веселья. Молодежь была городская, приезжали в легкой одежде, туфлях. Приходилось искать им валенки и теплую одежду у сельчан. Часто приходилось ездить за целинниками в на станцию Лебяжье Курганской области. Оттуда ехали на тракторе, к которому были прицеплены сани с будкой. Молодежь была разной, некоторые, не выдержав трудностей, уезжали. Таких клеймили позором, сообщали по месту работы. Часто проводили молодежные фестивали в Татарском лесу – художественная самодеятельность, конные соревнования, волейбол и др.»

В 1957 году на базе Пресногорьковской МТС произошло объединение колхозов им. Сталина, им. Ленина, им. Мичурина в совхоз «Пресногорьковский». Первым директором назначили Волкова, позже из области прислали Гурина Александра Максимовича.

С февраля 1960 года директором на долгие годы стал выпускник Троицкого ветеринарного института Илья Максимович Раскевич.

В тот год у трудящихся села в личном пользовании имелись автомашина марки «Победа», 8 «москвичей», 330 мотоциклов, около 100 велосипедов (в 1915 году велосипед на все посёлки округа был один – у начальника почты), появились репродукторы, граммофоны. В год организации совхоза с площадью 19250 га, собрали 8138 т зерна, произвели 768 т молока, 186 т мяса. Стадо КРС насчитывало 2469 голов. Прибыль от реализации сельскохозяйственной продукции составила 390 тыс. руб. В 1979 году совхоз произвел на тех же площадях 34,5 тыс. т зерна, 5702 т молока, 1429 т мяса, в совхозе насчитывалось 12000 голов КРС, прибыль составила 2,5 млн.руб. Совхоз строил большое количество квартир для рабочих (до 30 в год), появились новые улицы за «Ригой».

Гурин Александр Максимович (слева) у нового Дома культуры

Директорами гигантского хозяйства с 30000 га пахотной земли и 13000 голов скота – совхоза Пресногорьковский – после награжденного двумя орденами Ленина Иьи Максимовича Раскевича были: В.И.Кононенко, П.Д.Зубенко, А.К.Аманжолов. Огромный вклад в развитие совхоза внесли Герои Социалистического Труда Калачев М.П. (гл. агроном), управляющий отделением агроном Романченко Н.И., механизатор Чирков А.П., Вяткин Г.И (гл.экономист), М.Яганцев, Н.И.Коханов, А.И.Успеньева (бухгалтера), Обознов В.Н. (ветврач), Михин А.Г (зоотехник), Коваленко М.В (зоотехник), Тарасенко В.М., управляющие отделениями Настюшкин Н.И., Федянин А.А., Панин М.И., Ризаев А.Г. Драгунов И.С., Панасенко Д., Успеньев В.П.(ветврач), зав. МТМ Золотухин А.А., инженер Киженцев П.А., Лауреат Государственной премии животновод Денисов В.И.

Первая совхозная контора

В 1978 году в совхозе насчитывалось 185 тракторов, 95 комбайнов, 45 автомашин. Выручка от реализации сельхозпродукции составила 5 миллионов 355 тысяч рублей. В совхозе было семь отделений: первое – на центральной усадьбе, второе – в Первомайке, третье – в Гренадерке, четвертое – в Октябрьском, пятое – в Песчанке, шестое – в Крутоярке, седьмое – в Волне. В них проживало 4506 человек, в том числе в Пресногорьковке – 2680 человек.

Знатными телятницами были Е.Адрова, кавалер ордена Ленина и Знак Почёта Е.Марина, А.Можина, кавалер ордена Знак Почёта Г.Иванова. В совхозе работали настоящие мастера откорма скота – кавалер ордена Знак Почета Н.Жакупов, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Д.Мудулин, кавалер ордена Знак Почёта Г.Макаренко, кавалер ордена Красного Знамени В.Матвеев, кавалеры ордена Знак Почёта И.Вершинин, В.Бурков, А.Гвоздулин, кавалер ордена Ленина В.Г.Крейтер.

В первые годы существования совхоза гремели имена трактористов М.И.Мартышкина, М.Н.Коханова, А.П.Лепнина, И.И.Настюшкина, А.О.Зайкова, Н.П.Русанова, кукурузоводов Е.М.Мельника, В.Г.Крейтера, Ф.Н.Говорухи, комбайнёров Денисенко Г.А., братьев Батяевых,

И.М.Ларюшина, А.Ф.Жукова, шоферов Н.П.Обознова, В.И.Доленко, Н.Кобжасарова, главного ветврача Якушина Семёна Сергеевича, чабана Атымтая Мусапирова, кузнецов А.Я.Курца, Г.Г.Кромера, сварщика В.Л.Корнилова, агронома В.А.Костырина, механизаторов Н.И.Кутина, Ф.В.Татаренко, В.А.Французова.

Раскевич Илья Максимович

Герои Социалистического Труда: Чирков Александр Павлович(1966), Романченко Николай Иванович(1971), Калачёв Михаил Павлович(1971).

Опыт работы В.Н.Денисова по откорму скота (Р.Низамов, Б. Тайронин, Н.Угренинов), Н. Настюшкин, А.Тустановский – широко внедрялся в Кемеровской, Курганской, Челябинской, Северо-Казахстанской области, Ханты-Мансийском национальном округе, Монгольской народной республике. Денисов был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и Государственной премией за 1975 год. За успехи в выращивании полевых культур орденом Ленина и Трудового Красного Знамени награждён Ф.Татаренко, орденами Трудовой Славы двух степеней Г.Г.Фадеев, орденом Трудового Красного Знамени П.Сахно, орденом Трудового Красного Знамени В.Волненко, орденом Знак Почета Е.Тейш, А.Раздайбедин, А.Моисеев, Якушин С.С. и другие. Знатными доярками были Семиренская Раиса Ивановна, Настюшкина Екатерина Михайловна, Корза И., Мещерякова А.А.,

Смирнова Валентина Кузьминична, Г.Ф.Шетле, М.Г.Березина, Е.С.Шатунова.
Надои составляли выше 2200 литров на каждую фуражную корову.

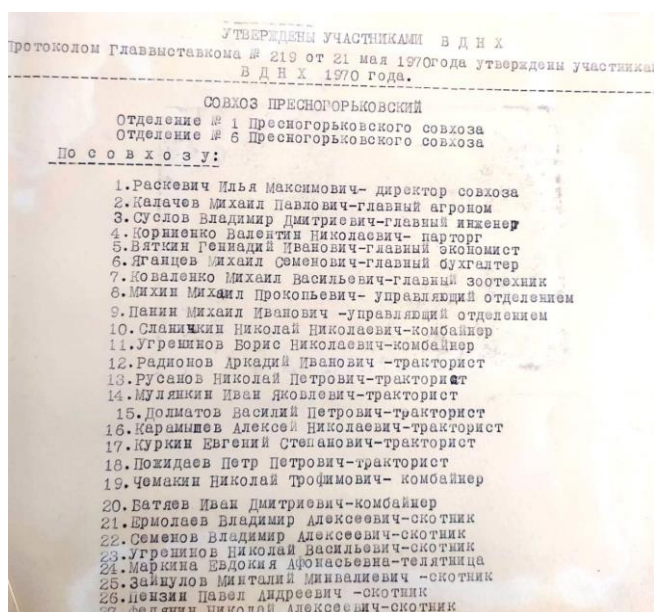
Из газетной статьи И.М.Раскевича "Пятилетку в три года"(1970 год):
"...за пятилетку совхоз сдал около 700 тысяч тонн зерна. В период жатвы на полях работали 94 комбайна, было занято 200 автомашин, в уборке участвовало более 500 человек. В результате хорошей работы техники, массового героизма людей, слаженности и четкости всех звеньев, наше хозяйство вышло победителем в соревновании среди совхозов Ленинского района. Хочу отметить тружеников третьего, четвертого и второго отделения (управляющие И.И.Сигуев, Р.Г.Низамутдинов, С.А.Федянин). Замечательными организаторами зарекомендовали себя главный агроном тов. Калачёв, бригадир тракторной бригады тов. Куркин, агроном отделения тов. Бузмаков. Прибыль в полеводстве составила 1 миллион 700 тысяч рублей. По условиям соцсоревнования комбайнерам выплачено 17 тысяч рублей премиальных. Отличились комбайнёры В.Коляда, В.Ряписов, В.Чунтонов, Г.Резников, А.Хомич, А.Родионов – им выдано по 200 рублей премиальных дополнительно к зарплате все комбайнеры получили по 170 рублей".

Совхоз был настоящей кузницей руководящих кадров – директор Александр Максимович Гурин возглавил районное производственное управление сельского хозяйства, а в 1961 году стал работать в Кустанайском облсельхозуправлении. Главный экономист совхоза Степанов А.П. стал начальником планового отдела райуправления. Главный инженер Бойко работал директором «Узункольского» совхоза и начальником Карасуского

управления сельского хозяйства. Секретарь парткома совхоза Шелестеев В.К. с 1967 года руководил совхозом «Ершовский».

Управляющий Федянин Сергей Артёмьевич (Первомайка)

За десять лет, с 1954 по 1964 год Пресногорьковское строительномонтажное управление (СМУ) построило собственный посёлок в юго-западной части села. Он состоял из конторы, школы, детского сада, двух магазинов, бани, столовой, авторемонтной мастерской, кузницы. Поселок был электрифицирован, имел центральное водяное отопление и водопровод. В СМУ был построен клуб с колоннами при входе, и библиотека. Отстроили стадион с футбольным полем и беговыми дорожками. Управление строило объекты в совхозах Чапаевский, Бауманский, Петропавловский, Кировский, з/с Россия, где появились: детские сады, бани, МТМ, животноводческие помещения, склады. Построены 5 клубов, больница, 8 МТМ, 6 школ, 7 бань и т.д. В середине 60-х годов на всех участках работали 306 человек. Первым управляющим был Илья Иванович Шевченко, главным инженером был Яганцев Николай Алексеевич. Многие рабочие имели удостоверения ударников коммунистического труда: плотники Красняк М.З. и Быданцев В.С., штукатуры Алёшина Н.Я. и Бычкова Д.А., каменщики Рахметов,

Смолянов, Стасович, Ротов... В состав СМУ входил отдел главного механика, включавший техперсонал, сантехмонтажника, двух крановщиков и слесаря. До 1961 года в состав СМУ входил комбинат строительных материалов и конструкций, занимавшийся выпуском железобетонных изделий для животноводческих и жилых помещений, производством кирпича и столярных изделий.

Пресногорьковский маслозавод у второго Соленого (Горького) озера выпускал разнообразную продукцию: масло, мороженое, казеин, сыр обезжиренный, диетический напиток, простоквашу, пахту на чистой культуре. Продукция развозилась по Казахстану и в соседние области РСФСР, лучшее масло продавалось в Европу. Пропускная способность составляла 430 центнеров. Оборудование обслуживали 18 человек.

Пресногорьковская районная больница

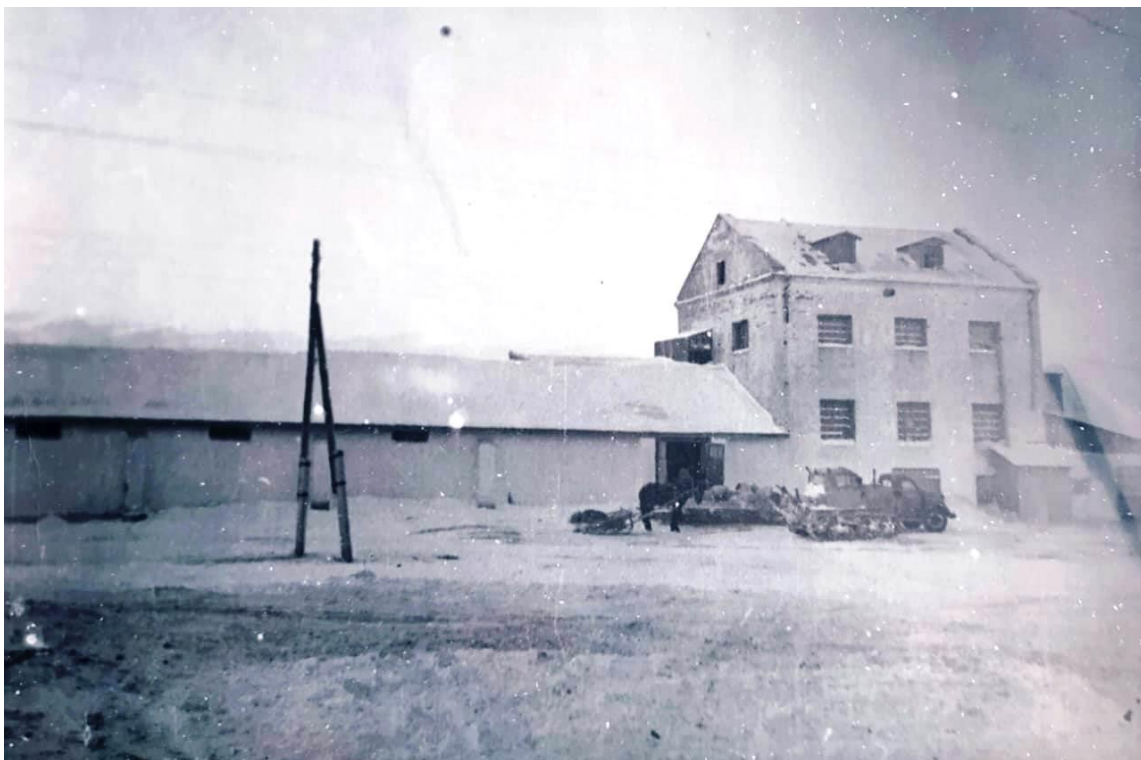
В доме Кладенова, где некогда ночевал последний российский император, в 1928 году заработала больница. Главным врачом долгие годы работала москвичка Валентина Алексеевна Губарева.

Улучшилось медицинское обслуживание. Если в 1928 году медперсонал составляли врач, 4 фельдшера и 3 медсестры, то в 1960 году новое здание больницы было рассчитано на 100 коек, поликлинику, родильный дом, тубдиспансер на 120 мест, в бывшем полковом лазарете, в котором больные оставались до полного выздоровления. В больнице имелись отделения: хирургическое, детское, инфекционное, терапевтическое и родильное. Делали полостные операции – удаление желчного пузыря, аппендицита. Имелся достаточный запас крови всех групп.

Имена работавших здесь врачей широко известны за пределами области – Шкирдин, Татаринцев А.М.(старейший фельдшер, принимал участие в 1 мировой войне), Губарева В.А, замечательный врач – онколог Ильясов Анатолий Васильевич. Главврачами районной больницы были Шавва А.Ф.,

Савин Е.Н., Галяс И.И.(приехал на целину из Тернопольской области в 1961 году), Силюк С.Н. Медсестры: Галяс В.И., Парфенова Л.Н, Виниченко Е.Н., рентгенолог Божко М.В., Статьева Т.Ф. Они работали и в трехэтажном здании больницы, в которой делали полостные операции практически любой сложности.

Рядом, в урочище Татарском, располагался районный пионерлагерь "Чайка", остатки которого ещё просматриваются на спутниковых картах. Его содержали все совхозы района – ремонтировали корпуса и столовую, доставляли свежие продукты питания. Летом в лагерь завозили детей на три смены. Купались в Татарском озере, проводили "Зарницу", ходили в турпоходы по родному краю. Ветбаклаборатория, расположенная в доме купца Евгения Новгородцева, была открыта в 1958 году. Она обслуживала 15 совхозов Демьяновского района и населённые пункты

Мельница. Начала работать в 1932 году.

В 1963 году, после ликвидации Пресногорьковского района, быткомбинат бытового обслуживания соединили с Демьяновским быткомбинатом. Он имел цеха – швейный, пимокатный, деревообделочный, сапожный, была своя парикмахерская и фотография (ветеран войны Титаренко Н.). У быткомбината для обслуживания населения задействовали три автобуса. В цехах производили пошив и ремонт обуви и одежды, катку валенок, ремонт часов (Стулинцев Н.А), электротехники, мебели, делали гончарную посуду, жестяные изделия. Сырьё поступало из облбытуправления и от населения. Старейшим работником был участник Первой мировой войны Федосенко Степан Ефимович. Передовики производства: Вятчин А, Шотт Отто, Кошелева Л, Шаль Л.

Рабкооп организовали в 1931 году и называли первоначально "сельпо". Он обслуживал магазины в поселках Пресногорьковского сельского совета - 21 магазин, сельмаг, хозмаг, книжный магазин. Рабкооп имел хлебопекарню, колбасный цех и цех по производству газированной воды. Некоторые продовольственные и промышленные товары доставляли из оптовых баз станции Троебратное и города Кустаная. Передовиками были Балашова Р, Тамбовцев А, Овчаров И.Н.

Хлебопекарню запустили в 1962 году. Работала она в три смены, круглосуточно, производя до 4 тонн хлеба. Продукция – штучный хлеб пяти сортов – высший, первый, второй, забайкальский, отбойный. Выпускались батоны и булочки. Старейшим работником пекарни был Подобин В.С., пекарь Нестерова.

На территории Пресногорьковского сельсовета дети учились в средней и трех начальных школах. Первая школа была открыта в 1861 году, средняя школа располагалась в деревянном двухэтажном здании, построенном казачьим обществом в 1914 году. В 20-е году в Высшем начальном училище учились поэт Баймагамбет Зтулин и писатель Габит Мусрепов. Первый выпуск десятилетки пришёлся на 1941 год. В середине 60-х годов трех зданиях бывшей автобазы обучалось около 800 учеников, работали 42 учителя. Много лет проработали в школе Меринова Т.Д, Шавва И.Ф, Степанова Е.И, Панова Ю.Г, Данилина Е.И, Конвисарова А.М, Падерина З.Ф, Москаленко Н.П, Сигуева З.П, Золотухина Н.М, Абрамкина Г.М, Крицкая К.А(на конец 90-х).

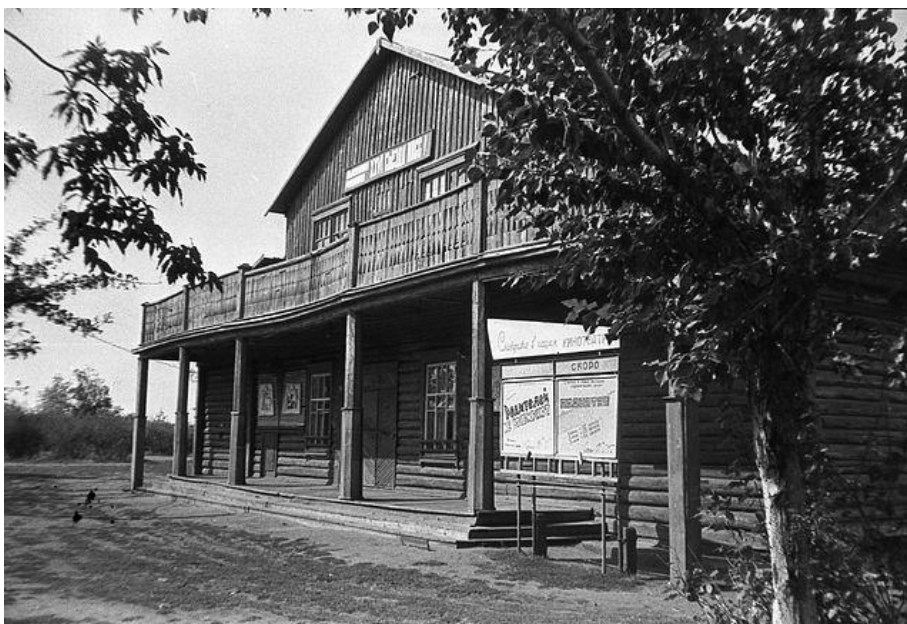
Начальная школа №1 основана в 1943 году. В 1960 году, в новом здании обучалось 160 школьников. В школе внедрили продлёнку, на которой дети готовили домашнее задание. В ней работали старейшие педагоги – О.Е.Шавва, Е.М.Ширяева, М.Н.Стулинцева, К.П.Евсеева.

Начальная школа №2 находилась на территории совхоза. Открыли в 1954 году, в ней учились 80 детей (учителя Ковалёва А.Ф.Угренинова).

Начальная школа №3 на территории СМУ, с контингентом более 100 учеников, основана в 1954 году. Учителей шесть – А.Ф.Ковалёва, Н.П.Скрипниченко, Е.А.Проценко, В.М.Кирюшкина.в 1965 году школа получила новое двухэтажное здание.

В 1958 году построили Дом культуры на 300 мест с кинозалом и актовым залом (здание сгорело в 1994-м году), СМЦ имел свой клуб на 75 мест. Радиоузел, работающий с 1935 года, после война снабжен аппаратурой. В Доме культуры проводились лекции, концерты, торжественные вечера, вечера отдыха, читались доклады. На втором этаже играли в шахматы и бильярд.

Сельскую библиотеку открыли в 1935 году. Тогда в ней насчитывалось до 2000 книг. К 1958 году читателями библиотеки были 759 человек. В библиотеке проводились конференции, литературные вечера, беседы. До 1958 года она располагалась на втором этаже церкви, под центральным куполом. Здесь выпускался рукописный журнал "Зори", в котором печатались местные поэты и писатели Павел Васильевич Кизин, Николай Георгиевич Лавринов, Александр Филиппович Емельянов, Мария Яковлевна Демченко.

Дом Культуры (1958-1995)

Детскую библиотеку открыли в 1953 году, к 1966 году в ней насчитывалось 16114 книги, их читали 693 школьника разного возраста. Ежедневно выдавали на руки до ста книг. Библиотека проводила громкие читки, беседы, вечера сказок, литературные вечера, утренники, читательские конференции. Много лет проработала в детской библиотеке Тамара Петровна Овчарова. В отделении связи ежедневно все жители села получали свежие газеты и журналы, могли выписать книги по почте. С 1935 года работал радиоузел, снабженный после войны новой аппаратурой. Передачи передавали из Москвы, Алма-Аты и Кустаная и транслировались по местной радиосети.

В 60-е годы из Пресногорьковки в трёх направлениях летал пассажирский самолет АН-2 – в города Курган, Кустанай и Звериноголовскую. Зимой мог легко приземлиться на снежный наст озер, используя его в качестве аэродрома, в Пресногорьковке и Песчанке. Аэропорт и взлётное поле располагались слева от поворота на маслозавод, по дороге на Волну.

Посадка в самолёт АН-2

Пассажирский автобус ежедневно отправлялся в 7.20 от автостанции в Кустанай и возвращался в 19.30 (шофера П.Рычков, А.Чуев, В.Шевченко). Билет до Кустаная стоил 3 рубля 20 копеек.

Строительство совхозного Дома культуры. Начало 70-х годов

Население Пресногорьковки составляло тогда 6902 человека. Улицы охватили озеро Пресное кольцом, село негласно делилось на три части – совхоз, трест, центр. В селе дружно проживали люди разных национальностей – русские, казахи, украинцы, татары, цыгане, армяне, греки, азербайджанцы, белорусы и другие. На протяжении многих десятилетий происходил процесс взаимопроникновения культур. В 1944 году начался геноцид немецкого народа, в село привезли спецпереселенцев из села Асуреты Акбулакского района Грузии. Немцы внесли огромный вклад в развитие экономики Пресногорьковки. Находясь на положении изгоев в родной стране, испытав все ужасы переселения и моральные издевательства, оказавшись в жестоких климатических условиях, они своим отношением к окружающим, тяжелейшим физическим трудом, завоевали уважение местных жителей. Такие фамилии как Курц, Ламм, Миллер, Ульмер, Шлехт, Каус, Роммель, Шетле, Гефенедер, Мессерле, Бюль, Кромер, Зиберт, Аберле, Крейтер, Тейш, Шнейдер до сих пор звучат в воспоминаниях старожилов, и характеризуются лишь с положительной стороны. Эти же фамилии можно встретить на страницах районных газет «За коммунизм» и «Светлый путь» в графах «Победители социалистического соревнования» и на «Доске Почета».

После 1991 года началось возвращение немецкой диаспоры на историческую родину. Через пятнадцать лет в Пресногорьковке осталось несколько немецких семей. Те, кто уехал, с ностальгией вспоминают годы, проведенные в Северном Казахстане.

В 1963 году при первом секретаре райкома К.А.Запорожском Пресногорьковский район перестал существовать, начался естественный отток

населения (в 2003 году – численность населения в бывшем райцентре чуть более 2000 человек, в 2024 – около 1000).

Председателями исполкома сельского Совета избирались Жигалов, Александра Большакова (жители называли ее атаманом в юбке, расстреляна в 1938 году), Константин Михайлович Пожидаев, Иван Архипович Коротенко, С.Н.Михайличенко, С.У.Усенов, А.Я.Краевский, 25 лет проработал на этой должности Виниченко Николай Дмитриевич (с 1971 по 1996 год). С 1996 по 2012 год акимом сельского округа работал Бухметов М.Ж. В 80-90 е годы, которые были названы «застойными», в Пресногорьковке положили асфальт, по селу ходили автобусы, возившие детей из совхоза в школу, работал водопровод и центральное отопление. Всего в ныне несуществующих отделениях строили до 25 домов в год. На центральной усадьбе построили МТМ, столовую, общежитие, контору совхоза, Дом культуры, гастроном, универмаг (1975 год), ряд магазинов. В 1977 году был открыт один из лучших в области детский сад имени Гагарина (много лет им руководила Мария Александровна Соколова). Из валов малой казачьей крепости Пресногорьковка выросла в большое многонациональное село.

Несколько слов о начале празднования дня села. В 90-е годы прошлого века существовала традиция – праздновать день села. Ряд поселков широко отмечали юбилеи, осваивая выделенные из районного бюджета средства - строили стадионы, больницы, ФАПы, детские сады...7 июня 1992 года редактор районной газеты "Светлый путь" Татьяна Павлюк посетила село и побывала в местном сельском совете, где встретила с председателем Виниченко Николаем Дмитриевичем (1932-2014). Вызвали и меня, учителя истории. Узнав, что Пресногорьковке исполняется 240 лет, Татьяна Михайловна стала настаивать на проведении юбилея, обещав опубликовать ряд статей об истории села в районной газете. Таким образом, день села – 27 июля, был отмечен и с той поры стал праздником. Время основания крепости Пресногорьковской документально подтверждается архивными источниками.

Сегодня, через шестьдесят лет после Ады Дихтярь, я спрашиваю Пресногорьковку, о чём она вспоминает короткими лунными летними ночами? Может быть она вспоминает о времени большого экономического подъема 60-70-х годов, названного некоторыми деятелями эпохой "застоя"? Или о толпах учеников, идущих в школу свежим сентябрьским утром? Или грустит о централизованном отоплении конца 90-х? А может быть моё село думает о тех, кто не сохранил его красоту?

У меня нет ответа на эти вопросы, да и вряд ли кто-то сможет на них ответить.

Знаю одно, что люди, умеющие брать время за плечи и поворачивать его в нужном народу направлении уже ничего не ответят мне.

Их уже нет здесь, они обитают в иных мирах...

Примечание: все перечисленные в очерке производственные и иные объекты ныне не существуют.

Жаркова Нина Аркадьевна (р.1937) – парторг совхоза.

Коваленко Михаил Васильевич, ветеран Великой Отечественной войны, освобождал Варшаву. Награждён орденом Трудового Красного Знамени и орденом Октябрьской Революции.

Низамутдинов Рамис Гелазович – управляющий отд.№5, с 1967 года. Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, тремя медалями ВДНХ.

Зоотехник Низамутдинова Фаина Нургалиевна награждена орденом Ленина, орденом Трудовой Славы III степени, тремя медалями ВДНХ.

Суслов Владимир Дмитриевич (род.1941) – главный инженер с 1966 года. Награждён бронзовой медалью ВДНХ, орденом Знак Почёта(1971).

Яганцев Михаил Семёнович – главный бухгалтер, награждён орденом Знак Почёта в 1971 году.

Панасенко Дмитрий Яковлевич (род.1928) – управляющий отделением №1

Угренинова Т.Ф., Губарь Л.Н., Войтенко Б.Т., Угренинов А.Д. с учащимися 9 класса Пресногорьковской школы. Фото 1985 года.

Василий Иванович Железняк – старейший токарь совхоза «Пресногорьковский», настоящий профессионал высокого класса. Неоднократный победитель соцсоревнования. Общий стаж его работы составляет 48 лет, из них 23 года – в совхозе.

Денисов Виктор Николаевич(род.1931), награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя бронзовыми медалями ВДНХ(1967,1975). Лауреат Государственной премии СССР(1975).

Ковалёв Владимир Данилович – изобретатель, рационализатор, награжден орденами Трудового Красного Знамени, Знак Почёта, медалью ВДНХ.

Настюшкин Николай Иванович, управляющий отделением №2 (Первомайка) и Надежда Васильевна Настюшкина.

Василий Николаевич Обознов – главный ветеринарный врач совхоза в последнее десятилетие его существования (1980-1991).

Я познакомился с Василием будучи студентом и весь световой день проводил в его служебном узике. Мы колесили по отделениям совхоза, бывали на утренних и вечерних дойках, на перевесках скота, принимали участие в

вакцинации и таврении огромного поголовья. Василий Николаевич был профессионалом своего дела. Он закончил Троицкий ветеринарный институт, один из старейших высших учебных заведений Советского Союза и обладал необходимыми умениями и навыками.

Директор совхоза «Пресногорьковский» Пётр Давыдович Зубенко.
Главный агроном совхоза Найпак Фёдор Петрович.

Последний директор совхоза «Пресногорьковский»
Аманжолов Алексей Касенович. Избран голосованием 24 марта 1988 года.

Виниченко Николай Дмитриевич(1932-2014). 25 лет работал председателем сельского совета.
Награждён орденом Трудового Красного Знамени, орденом Знак Почёта

Награждённые по отделению №5 (из книги Э.Крейтера «Редут Пещаный.Вехи истории»).

Механизатор и животновод Крейтер В.Г. – орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, медалями ВДНХ.

Механизатор Сахно Павел Иванович – орден Трудового Красного Знамени, орден Трудовой Славы III степени.

Шофёр Хапров Анатолий Игнатьевич – орденами Трудовой Славы II и III степеней.

Комбайнёр Ильченко Александр Васильевич – орденами Трудовой Славы II и III степеней.

Механизатор Лепнин Александр Петрович – орден Трудового Красного Знамени.

Механизатор Рассохин Александр Васильевич – орден Трудового Красного Знамени.

Механизатор Клевакин Александр Петрович – орден Знак Почёта.

Механизатор и животновод Сакау Жансултан Касымбекович – орден Трудового Красного Знамени.

Механизатор Иванов Анатолий Константинович – орден Трудового Красного Знамени.

Доярка Смирнова Валентина Кузьминична – орден Трудового Красного Знамени.

Доярка Махнева Нина Алексеевна – орден Трудового Красного Знамени.

В отделении № 4(Богоявленка) награждены:

Механизатор Кимбель Михаил Михайлович – орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени.

Механизатор Черенёва (Заваруева) Клавдия Тихоновна – орденом Ленина.

Ветврач Лобода Михаил Алексеевич – орденом Ленина.

Механизатор Татаринцев Михаил Алексеевич – орден Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции, орден Знак Почёта.

Механизатор Галиченко Николай Петрович – орден Знак Почёта.

Механизатор Денисенко Николай Александрович – орден Трудового Красного Знамени

Механизатор и управляющий Марков Василий Алексеевич – орден Трудовой Славы III степени.

Ризаев Ахат Гимазетинович – управляющий, главный агроном совхоза. Награждён бронзовой медалью ВДНХ (1968), медалью «За доблестный труд» (1970), орденом Трудового Красного Знамени (1971), медалью «За трудовую доблесть» (1976). Победитель социалистического соревнования (1973 -1976 гг.)

Председатель профкома Коваль Ю.И., Тейш Е., парторг Войтенко Б.В.

Геннадий Георгиевич Фадеев – заслуженный механизатор, кавалер двух орденов Трудовой Славы II и III-й степени (1975,1976 гг.).

Управляющий отделением №3 Иван Иванович Сигуев, работавший до создания совхоза «Пресногорьковский» председателем колхоза имени Мичурина, награждён орденом Ленина и орденом Знак Почёта.

Управляющий Отделением №7 (п.Волна) Федянин Александр Алексеевич.
Бригадир механизаторов Николай Гвоздулин и председатель сельсовета Виниченко Николай Дмитриевич.

Золотухин Анатолий Абрамович.
Много лет работал заведующим МТМ

Золотухин Александр Анатольевич.
Парторг совхоза в конце 80-х годов

Я приношу свои искренние извинения тем людям, о которых не упомянул в двух очерках о Пресногорьковке, заранее предполагая их вопросы ко мне. Для того, чтобы подробно описать советский период истории села, нужны несколько лет упорного труда, нужно совершить длительный поход в прошлое и шаги в этом увлекательном путешествии могут быть длиннее жизни. Покамест я определил лишь основные штрихи к творческой деятельности будущих исследователей и писателей.

Исторические очерки Торгоутский побег 1771 года

Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
Сергей Есенин «Емельян Пугачёв».

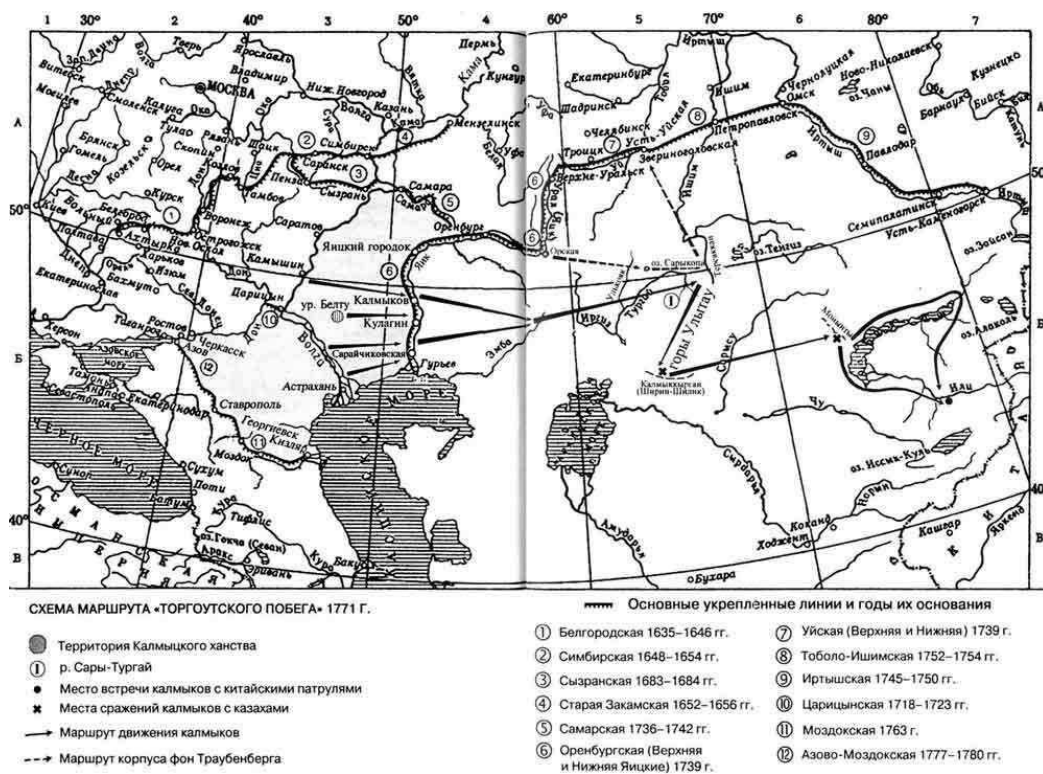
В августе 1771 года по указу Екатерины Великой были расформированы драгунские полки – Вологодский, Олонецкий и Луцкий, служившие в Сибири с 1745 года и Ревельский, Троицкий и Азовский, выведенные из центральных губерний России в 1765-66 годах. Полки имели славную историю и давние боевые традиции. Некоторые, созданные ещё Петром I, участвовали в баталиях Северной войны (1700-1721), Прутском походе, в Семилетней войне. Что же должно было произойти, чтобы императрица превратила боевые полки в полтора десятка лёгких полевых команд, состоящие из пятисот человек каждая? По нынешним меркам это всего лишь пехотный батальон. Попробую разобраться в этом вопросе.

В 1758 г. Джунгарское ханство (с 1635 года) под ударами цинских войск перестало существовать. Большинство тайшей решило, что перекочёвка из волжских степей на территорию Джунгарии улучшит их положение, позволит им сохранить автономию ханства, обеспечит их права и привилегии, даст им вольную и богатую жизнь. Возвращением в Джунгарию они рассчитывали преодолеть кризис, в котором оказалось Калмыцкое ханство, находясь в составе Российской империи. О причинах перекочевки писали многие историки. Одну из главных причин озвучил А.С.Пушкин в «Истории Пугачёвского бунта»: «Калмыки верно служили России, охраняя южные её границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдалённостью от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию и тайно снеслись с китайским правительством. Им не трудно было, не возбуждая подозрения, прикочевать к самому берегу Яика. И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток, они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи к пределам прежнего отечества». Отец Иакинф (Бичурин) писал: «От вести, что русский царь хотел призвать на службу всех волжских калмыков, в каждом доме начался вой, в каждом семействе плач, все пришли в смущение. Убаши, видя такое волнение в мыслях, созвал больших и малых зайсанов и предложил им бежать в Или...».

Осуществление плана откочевки взял на себя наместник ханства Убаши, утвержденный в этой должности правительством России в октябре 1762 года, когда ему было всего 18 лет.

Убаши и некоторые из крупнейших тайшей стали в глубокой тайне, но деятельно готовить откочёвку от берегов Волги. Эта подготовка длилась в течение нескольких лет. «Смотрите, – так передавал речь Цебек-Доржи автор начала XIX века, – Ваши права ограничиваются во всех отношениях. Русские чиновники обращаются с вами ужасно, а правительство хочет поделаться из вас землепашцев. Вот покрылись казачьими станицами берега Урала и Волги, вот

и северные окраины ваших степей заселены немцами; еще немного времени, и будут заняты Дон, Терек и Кума, а вас стеснят на безводных пространствах и погубят ваши стада, единственный источник вашего существования. Уже приказано представить в заложники сына Убаши и определено, чтобы 300 человек из лучших калмыков жили в столице. Вам очевидно теперь ваше положение, и в будущем остается одно из двух – или нести на себе тяжелое бремя рабства, или же удалиться из России и таким образом положить конец всем бедствиям. Известно, что сам далай-лама указал два года, в которые можно совершить переход в Джунгарию. Эти два года теперь настали. Так ваше настоящее решение должно определить то, что с вами будет».

Маршрут Торгоутского побега с указанием направления движения корпуса Траубенберга

Полагают, что с Убаши двинулось в Джунгарию более тридцати тысяч кибиток, а в России, у Волги осталось чуть более одиннадцати тысяч. Подойдя к Яику 18 января 1771 года калмыцкие отряды Убаши, не встречая сопротивления, переправились через реку в нескольких местах между Калмыковой крепостью и Яицким городком, разгромив при этом казачьи форпосты Яицкой линии. Закончив переправу 21 января, Убаши направился к Эмбе, углубившись в степи казахов Малого и Среднего жузов, являвшихся подданными империи.

Казахи называли движение калмыков по их землям «Шанды жорык» (Пыльный поход). В те времена у казахов за прогон скота по чужой территории при перекочевке нужно было платить налог за поднятие пыли – «шан басар». Налог был возмещением за вытаптывание травы и нанесение урона пастбищам – «за поднятие пыли». Поэтому казахи, независимо от требования русских властей, собрались в Шанды жорык для взыскания ущерба. В русских источниках термин «Шанды жорык» не употребляется, а

откочёвка калмыков называется Торгоутским побегом. Чокан Валиханов, с юности собиравший предания казахского народа писал: «Преследование бежавших торгоутов в преданиях известно под именем «тыльного похода». Видимо, преследование и нападения на обозы калмыков с тыла послужило причиной такого народного названия.

На заседании Государственного совета 24 января 1771 года в присутствии Екатерины II были оглашены донесения об уходе калмыков и было решено употребить «все старание о их к Волге возвращении».

Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу и генерал-майору И. Давыдову предлагалось «командировать всё яицкое войско», башкир и несколько эскадронов драгунских полков для поимки калмыков. Однако восставшее в то время Яицкое войско отказалось выступить в погоню. А между тем калмыки были уже далеко за Яицкой линией. Быстрые перекочёвки изнуряли людей и скот. Зимняя стужа и бескормица вынудили калмыков расположиться на Эмбе в ожидании начала таяния снега. Тем временем к хану Младшего жуза Нуралы стекались казахи для набегов на ушедших с Волги калмыков. В начале апреля, когда калмыки снова двинулись в путь, вслед за ними устремились казахские отряды.

12 апреля из Орской крепости в степь выступил отряд регулярных и нерегулярных войск под командой генерал-майора Михаила Траубенберга (1722-1772 гг. Убит восставшими яицкими казаками) для совместных действий с Нуралы-ханом, следовавшим по пятам за калмыками. 6 мая семитысячный корпус соединился с отрядами Нуралы-хана, но повернул на север из-за недостатка продовольствия и фуража. В составе отряда находился участник экспедиции П.С.Палласа, капитан Николай Петрович Рычков (1746-1784 или 1798), оставивший свои воспоминания о неудачном походе в дневнике, изданном Академией наук. Отряд Траубенберга двигался параллельно движению главных сил калмыков, пересёк Торгайское плато с запада на восток и достиг западного притока реки Ишим (Есиль) речки Кинкуль. «Поворот сея реки (*Ишима – С.В.*) обратил и путь наш в другую сторону, ибо вместо путешествия к востоку приняли мы путь к западу, в места ведущие к российским границам...Голод приводил во истощение и болезни...Тщетно начальники старались отвратить предстоящую гибель разделением своего собственного запаса по своим подчиненным. Разделенный провиант был слабою отрадою истощенным голодом и приведенным в бессилие болезнями. Не можно вообразить, сколь ужасно было наше тогдашнее состояние – видели единый образ иссохших от голоду и не редко пред глазами нашими умирающих людей. Всё сие производило в нас неописанное сокрушение и ужас, и каждый помышлял прекратить дни жизни в терзаниях сей мучительной смерти», – писал в дневнике капитан Рычков. Догнать калмыков, ушедших к Балхашу, было невозможно. По состоянию останков павших лошадей, верблюдов и овец можно было определить, что прошли они здесь достаточно давно. Начальник экспедиции барон фон Траубенберг, не выполнивший приказа императрицы, вынужден был волею обстоятельств 13 мая принять решение двинуться на север (*вероятно, из района современного Державинска – С.В.*).

И.Бичурин написал об этом: «Белый царь содрогнулся от жестокостей калмыков, и отправил генерала с несколькими десятками тысяч войска в погоню за ними. Но убашиевы люди уже перешли за Кынгэлшулу на юг и вступили в пределы Срединного государства. И так генерал с войсками возвратился».

К укрепленной Уйской линии выслали лёгкую команду на лучших лошадях, в которой оказался и Рычков. На другой день этот авангард пережил сильнейшую бурю и мороз, а 26-го мая достиг речки Абуги (*Обаган - С.В.*), впадающей с востока в реку Тобол. Николай Рычков описал брод, через который река была преодолена. Я думаю, что отряд переправился через Обаган чуть севернее нынешнего шоссе Костанай-Сарыколь, либо южнее озера Талы. Рычков писал: «В сём месте источник имеет воду солоноватую по причине множества солончаков. В камышах находится великое множество гусей и лебедей. По берегам сего источника ужасная зыбь – редкая лошадь могла пройти по оной не погрязнув. Зыбь лежит только по западной стороне реки, в ширину не занимает менее одной версты...и распространяется на высоту лежащего увала». Местность изменилась – появились «приятные рощи, источники и луга». Капитану запомнился большой лес шириною в четыре версты, но очень длинный, уходящий на запад. Лес рос между озерами Денис-Куль и Кундис-кулем. Пять дней легкая команда из драгун и казаков находилась в пути, но никто не ведал, когда они выйдут из степи к Усть-Уйской крепости. Спасались молодым грачиным мясом, добытым в кустах Обагана в большом количестве, но мясо имело сильную горечь и в пищу его можно было употреблять с большой осторожностью – открывался кровавый понос. Лишь 29 мая дозорный казак со степного кургана увидел крепость Усть-Уйскую. Собранный немедленно провиант был отправлен навстречу позади оставшемуся войску. Было наказано ехать «денно и ночью». После полудня 1 июня главный корпус вступил в крепость «привезя с собою большую половину людей едва имеющее подобие человеческое». Опухшие, измождённые люди с трудом поднимали драгунское седло. В толпе жителей крепости участников злосчастного похода можно было легко определить по худобе, бледности и ветхой одежде. Больных лечили в лазарете и определили на постой к местному населению. В Оренбург был отправлен курьер с вестью о неудаче похода и докладом о сорока умерших драгунах. К 12 июня генерал-майор фон Траубенберг получил приказ отобрать здоровых людей из вышедших из степи и направить их по Сибирской линии (*Пресногорьковской - С.В.*) в Петропавловскую крепость для соединения с формирующимися в ней силами под командованием подполковника Рычкова (*брата капитана – С.В.*). Властям было ясно, что догнать торгоутов не удастся. Новый отряд, состоящий из командированных драгун сибирских полков, должен был перерезать путь калмыков на Алтай.

Движение корпуса Траубенберга на современной карте

Рычков поехал на запад, в Троицкую крепость, и где-то на торговом тракте разминулся с участником экспедиции И.Фалька Христофором Барданесом, 19 июня прибывшего в Звериноголовскую крепость. На базаре Барданес купил за семь рублей пару хороших лошадей и отправился по Пресногорьковской линии в Петропавловск. 28-го июня, после пяти дней путешествия по линии, он въехал в Петропавловскую крепость, где нашел «подобную Титовой бригаду, состоявшую из пограничных драгун, казаков и башкирцев под начальством подполковника Рычкова, сына знаменитого по Оренбургской топографии статского советника Рычкова (1712-1777), и брата находящегося при Палассовой экспедиции капитана Рычкова, путешествующего с бригадою, посланную с Оренбургской экспедицией в Киргизскую степь». 3 июля бригада выступила из Петропавловска и пошла вдоль Камышловских озёр по линии на восток. 14 июля Барданес встретился в Омске с Георги и передал ему собранные при следовании из Троицка материалы. Сам же поехал по левому берегу Иртыша с корпусом Рычкова (*комендант Симбирска полковник Андрей Петрович Рычков погиб в августе 1774 года при обороне города от пугачёвцев – С.В.*). 13 августа его пригласил приехать в Семипалатинскую крепость генерал Станиславский и Барданес совершил путешествие с отрядом драгун и казаков под командованием майора Зайферта в Жетысу, к реке Или.

Высочайший указ о расформировании полков последовал 31 августа 1771 года (ПСЗРИ13.649). Полки очень долго собирались преследовать калмыков. Их начальники проявили удивительную нерасторопность, чем вызвали гнев императрицы. Собрать необходимое количество драгун в одном месте из разбросанных по всей Сибири крепостей оказалось невыполнимой задачей. Зато созданные лёгкие полевые команды очень хорошо показали себя во время Пугачевского восстания (1773 -1775 гг.).

Из числа прибывших за Камень в середине XVIII века полков остался служить лишь Ширванский гренадерский, принимавший участие в войне 1812

года и, к слову сказать, оставшегося в рядах армии вплоть до революции 1917 года. В битве при Бородино полк защищал Курганную батарею Раевского в составе 24-й пехотной дивизии генерала Лихачева. А.Керсновский писал: «Жестоко больной Лихачёв не пожелал оставлять свои войска в этот великий день. Став перед Ширванским полком, он сказал: «Ребята, за нами Москва! Умрём на батарее, но не сдадим её!». Ширванцы поклялись умереть, но не отступать – «и клятву верности сдержали»: когда их отвели в резерв, то из 1.400 штыков осталось 92. Впоследствии на Кавказе, Лермонтов слышал «про день Бородина» от старых ширванцев. Вдохновение поэта родило бессмертные строфы». Весь мир знает стихотворение «Бородино».

Оставили в армейском штате и Нашебургский мушкетёрский полк, приведённый из Персии в Тобольский дискрикт 10 декабря 1745 года. В 1812 году в составе корпуса Маркова полк принимал участие в боях с армией Наполеона. Командир полковник К.М.Полторацкий был награждён орденом Святого Георгия, о чём написано в постановлении о награждении: «В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в кампанию против французских войск 1812 года, а особенно в сражении 31 июля при селе Городечна, где, командуя Нашебургским пехотным полком, во всех случаях оказывал твёрдость, а наиболее отличился, когда был послан на подкрепление к генерал-майору князю Щербатову, где, с необыкновенною отважностью бросившись с полком в штыки, опрокинул неприятельские силы и преследовал их».

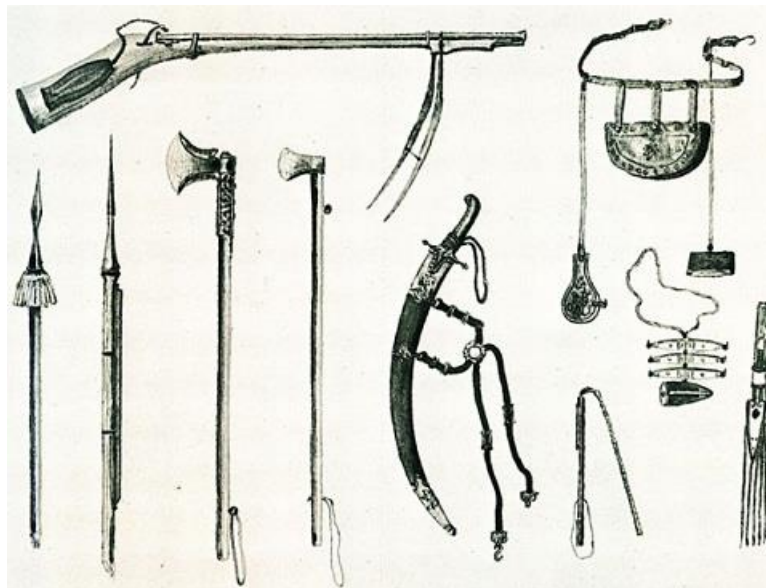
ÉMIGRATION FORCÉE DE KALMOUKS EN CHINE.

А что же калмыки? Казахи, на протяжении двух столетий испытывавшие их жестокость, готовы были идти за ними в любых условиях. Нуралы-хан неотступно следовал за ними на расстоянии одного-двух переходов. Иногда он догонял их, и тогда происходили стычки. Около 10 июня 1771 года калмыки приблизились к озеру Балхаш, оказавшись в бесплодной степи. Начался массовый падеж скота, смерть косила и людей.

Рычков писал о казахских воинах: «Киргисцы, пришедшие к нам на помощь, имели копья, сабли, стрелы и ружья, из коих палят они фитилями из товолжаной коры» (на реке Убаган некоторое время существовал пикет Таволжанский – прим.С.В.). Он подробно описал зарядание фитильного ружья – таволжанный фитиль натирают порохом и присекают огонь из кремня. У ружей нет полки и курка. Вместо них на стволе сделано отверстие, к которому прикладывается горящий фитиль. Меткой стрельбе способствуют рожки в середине ружья – подобные есть у российских казаков. Стреляют только спешившись с лошади, поставив ружье на рожки. В дождливую погоду стрельба была невозможна из-за намокшего фитиля и пороха в канале ствола. Ружья покупаются в Ташкенте или делаются самостоятельно.

Ружья казахов в конце XVIII века

Оружие казахских воинов

Рычков неоднократно пытался узнать у казахов технологию изготовления чёрного и белого пороха, но всегда получал отказ. Казахская конница была способна преодолевать расстояния от 60 до 80 вёрст в дневное

время – у каждого всадника имелось три - четыре лошади, «ничем не обременённых». В одежде на спине нашивали по два суконных или кожаных мешочка – в них хранили молитвы, защищающие от болезней и ран и делающие их обладателей храбрыми на поле боя. Оружие казахи погребали вместе с усопшими, обкладывали камнями, засыпали землей или «ставят здания из дерева». Тело усопшего на ковре ложили внутрь сооружения. Мулла читал поминальную молитву. Через несколько дней наследник готовил пир, где должен был жертвовать частью своего имущества – пленниками, панцырями, лошадьми, баранами ...

Нуралы-хан и султан Среднего жуза Абылай, соединившись на реке Нуре, снова бросились в погоню за калмыками, захватывая отстающих и угоняя их скот.

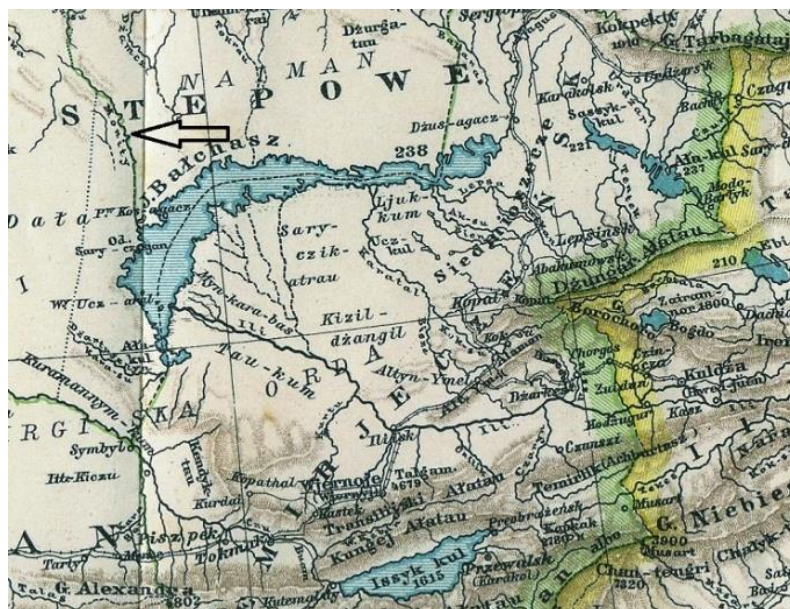
Остановившись на реке Мойынты для передышки, калмыки были окружены отрядами Нуралы-хана, султанов Абылая, Уруса и Адила, всего их было около 50 тысяч. Дорога в Джунгарию оказалась отрезанной. Убаши отправил послов к Абылаю с просьбой начать переговоры о подданстве и отводе ему земель для кочевий, обещая отдать тысячу пленных, имеющихся у него. В итоге переговоров было достигнуто соглашение о трехдневном перемирии для подготовки передачи пленных. На исходе третьих суток ночью Убаши внезапно бросился на казахов, смял их и двинулся вдоль западного берега Балхаша. Избранный им путь оказался губительным. Усеяв этот путь трупами людей и животных, претерпев ужасные бедствия, в первых числах июля передовой калмыцкий отряд вышел к верховьям рек, впадающих в Или, к местам нынешнего Кескелена и Костека. Перевалив Алматинские горы, Убаши с оставшимися в живых после перехода калмыками вступил в пределы Джунгарии.

Казахский воин в XVIII веке. Реконструкция начала XX века

Оставшиеся на р. Мойынты «худоконные» и бесконные калмыки, числом около 20 тысяч кибиток, под начальством нойона Танжи оказались на время забытыми, и после ухода Убаши еще несколько дней продолжали свой

отдых. Танжи повел калмыков другим путем — вдоль северного берега Балхаша, через речки Аягуз, Лепсу, Каратал к берегам Или. Этот путь был намного длиннее, но зато изобиловал кормами и водой. Казахи, узнав о движении этой части калмыков, бросились их преследовать и причинили им огромный урон. Казачий пятидесятник Бедрин доносил правительству, что калмыки «пришли к озеру Алакуль и стоят близ китайских караулов», а Абылай Абулмамбет и Нуралы, собравшие до 70 тысяч войска дерутся с ними беспрестанно, что калмыки потеряли много скота от бескормицы.

Озеро Балхаш, Жетысу и речка Мойынты на карте 1903 года. Указано стрелкой место битвы

В Джунгарии калмыки были встречены цинскими войсками и чиновниками, принудившими их оформить своё подданство Китаю.

Профессор Жанузак Касымбаевич Касымбаев подводя итог Шанды жорық 1771 года писал: «...казахи одержали великую победу. Вся степь всколыхнулась от всеобщего ликования. Ойраты были повержены навсегда. Это было ярким проявлением единства трёх жузов...».

Современные поисковики часто выезжают «на коп» на северные берега озера Балхаш, посещая места боестолкновений калмыков с казахами. Артефакты свидетельствуют о сражениях.

Использованы фотографии из открытых источников.

Наконечник стрелы и копья

Партизанская группа Доможирова в 1919 году

История противостояния красных и белых армий в Тоболо-Ишимском междуречье в августе-октябре 1919 года вошла во все учебники и энциклопедии, посвященные гражданской войне (1918-1920 гг.). Советские историки и мемуаристы в своё время рассказали о действиях боевых частей 5-й Красной армии, осветив общую картину сражений. Современные исследователи (О.А.Винокуров, В.А. Шулдяков) детально по дням и часам изучили события, показав весь трагизм непрерывных боёв, в которых решалась судьба страны. Действия войск получили меткое название «Тобольская кадрили». Изучение боевых действий лишь одного подразделения колчаковской армии – Партизанской группы генерала Доможирова, подтверждает это определение. Практически ежедневно группа меняет своё местоположение, совершая длительные (до 70 верст) марши. Карты двух этапов Петропавловской операции дополняют разведдонесения противных сторон и свидетельствуют о действиях группы на тракте Троицк-Петропавловск, а также севернее и южнее столбовой дороги. Используя документы, попробую составить хронологию и обозначить на современной карте пути следования частей группы в лесостепной зоне Северного Казахстана и Южного Зауралья вплоть до даты взятия красной 35-й дивизией города Петропавловска – 30 октября 1919 года. В работе представлен лишь краткий обзор событий августа-октября. Действия Партизанской группы показаны в тесной связи с действиями других частей 3-й армии.

Комбриг Панов Василий Михайлович

Сводный казачий отряд, на базе которого позже будет сформирована Партизанская группа, возник в районе Троицка не ранее 17 июля. Ядром отряда стала 2-я Оренбургская казачья бригада под командованием полковника Василия Михайловича Панова. Она воевала уже год и имела богатый боевой опыт. Ей придали 34-й оренбургский казачий полк и пластунские батальоны из оренбургских казаков. Полк был сформирован в станице Суналинской из возрастных казаков 4-го отдела. Пластуны также были немолоды, и, как правило, передвигались на подводах.

Вскоре отряд под нажимом красных частей ушел на правый берег Тобола, где занял позиции, прикрывая тракт и весь левый фланг белого фронта. Войсковой заслон сибирских казаков вошел в состав дивизиона подъесаула Иванова. По данным войсковой разведки красных от 15 августа, в районе Крутоярской действуют части 2, 5 и 34 казполков (*т.е. 2-я Оренбургская казачья бригада под командованием полковника Панова В.М. иначе – Сводный казачий отряд – С.В.*). РГВА. Ф. 106, Оп. 3. Д. 623 (2). Л 85.

Генерал Доможиров Лев Николаевич

20 августа отряд был преобразован в Партизанскую группу, в командование которой вступил генерал-майор Лев Николаевич Доможиров, из казаков станицы Магнитной (приказ № 250. 13.08.1919).

Боевой состав Сводного казачьего отряда на 20 августа 1919 года:

1) 2-я Оренбургская казачья бригада. Командир – полковник Василий Михайлович Панов. Начальник штаба – полковник Иванов. В бригаду входили:

а) 2-й Оренбургский казачий полк (командир – полковник Бородин В.А.), 6 сотен, 311 сабель, 3 пулемёта.

б) 5-й Оренбургский казачий имени атамана Могутнова полк (командир – генерал-майор Наумов Н.М.), 6 сотен, 273 сабли.

в) 6-я Оренбургская казачья артиллерийская батарея – 1 трехдюймовое (76-мм) орудие.

2) 34-й Оренбургский казачий полк (командир – подьесаул Ловчиков), 5 сотен, 440 сабель, 4 пулемета.

3) Отдельный казачий дивизион (командир – подьесаул Иванов), 3 сотни, 420-450 сабель, 3 пулемета, в составе:

а\ 1-я Усть-уйская отдельная сотня.

б\ 2-я (Клястицкая?) Отдельная сотня – 1 офицер, 105 казаков, 1 пулемет.

в\ 3-я Атаманская отдельная сотня.

4) 2-й Отдельный Оренбургский сводный казачий дивизион (командир – есаул Чеванов),

2 сотни, 320 сабель, 3 пулемета.

5) Отдельная казачья сотня (командир – сотник Зверев) – 140 сабель.

6) 1-й Отдельный оренбургский казачий пластунский батальон (командир – поручик Шиманович(Пиманович?), 4 сотни, 802 человека, в том числе 460 штыков, 4 пулемета.

7) 2-й Отдельный оренбургский казачий пластунский батальон (командир – сотник Медведев), 572 штыка, 4 пулемета.

8) 3-й Отдельный оренбургский казачий пластунский батальон (командир – капитан Двинягин) – точных сведений о численности нет, 1 пулемет и при батальоне – Отдельная казачья сотня (командир – вахмистр Михайлов) – 172 сабли.

9) 1-й Украинский имени гетмана Сагайдачного пехотный полк (командир – полковник Титовский), 600 штыков, 6 пулеметов[3].

Три Оренбургских казачьих полка (2-й, 5-й, 34-й) насчитывали 20 августа всего 1024 пашки, в результате ежедневных боёв и переходов лошади были сильно истощены. В 1-м Оренбургском пластунском батальоне было 802 штыка, во 2-м – 572, но казаки-пластуны, пожилые люди, в уже изорванной домашней одежде и обуви, были утомлены физически, плохо организованы и неустойчивы в боевом отношении. «Особенно страдала Партизанская группа от недостатка пушек и пулемётов. Её единственное орудие 23 августа вышло из строя, и противостоящие группе части 26-й советской дивизии из своих 12 пушек с открытых позиций безнаказанно расстреливали казаков»

(В.А.Шулдяков). 1-й Украинский имени гетмана Сагайдачного пехотный полк был ненадёжен и генерал Доможиров держал его в тылу, в станице Пресногорьковской, где некоторые офицеры полка стали вести агитацию за красных и терроризировать местное казачье население. Полк был настолько небоеспособен, что стоял вопрос о его расформировании.

Командарм М.Н.Тухачевский писал о планах наступления армии: «Для наступления на Петропавловск 5-я армия избрала два основных направления: тракт Звериноголовская - Петропавловск и железную дорогу Курган-Петропавловск. Учитывая непосредственную обеспеченность левого фланга 3-й армией и наличие на правом фланге степей, хотя и пустынных, но вполне проходимых, и исходя из того, что полоса тракта Звериноголовская - Петропавловск и район Кокчетав-Атбасар заселены враждебным нам казачеством, что всегда могло создать с этой стороны угрозу новых формирований и обтекания нашего фланга, **командование 5-й армии считало главным направлением Звериноголовская – Петропавловск**»[11].

Таким образом, Партизанская группа должна была принять на себя основной удар красной 26-й дивизии, не имея артиллерии и достаточного количества штыков.

Командарм-5 Тухачевский Михаил Николаевич

«В 20-х числах августа начались бои с красными, наступавшими на нас. Сводно-казачий отряд по-прежнему был на левом фланге 3-й армии и оборонял участок от станицы Звериноголовской на север вёрст на 25, у деревень Редута-Алабуга. Дня четыре продержались мы на Тоболе. А затем красные форсировали реку и оттеснили нас. В этих боях нам не удалось захватить инициативу в свои руки. Приданные отряду пластунские батальоны из стариков-казаков не усиливали отряд, хотя в них было более 2000 человек. Это наскоро набранные люди разных возрастов. Главным образом, старых, неподготовленных, нетренированных, которые не выдерживали даже

ружейного огня. Они только стесняли подвижность отряда и всячески затрудняли успешное выполнение боевых заданий»[1].

Воротовов Михаил Флегонтович в эмиграции

Красным командирам о противнике сообщали разведсводки: Штаб Сводного казотряда 17 августа находился в Алабугском, 15 вёрст восточнее Звериноголовской.

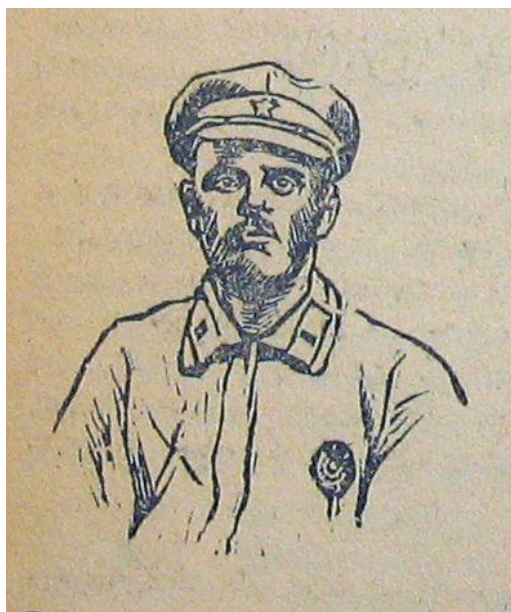
В районе Звериноголовской, по показаниям пленных, 19 августа действовали части 2, 5 и 34 казполков и 1 и 2 пластунский батальоны. Первый пластунский батальон (4 сотни 460 штыков при 3 пулеметах и одном орудии) входит в состав 2-й Отдельной казбригады, комбриг полковник Панов, наштабриг полковник Иванов. РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 625 (2). Л. 68.

22/8 по показаниям пленных Звериноголовскую защищали 2-й (500 сабель) и 5-й Оренбургские казполки и какой-то 1-й Пластунский полк. В деревне Плотниково, на р. Алабуга, действовали части 34 Оренбургского казполка в составе 500 сабель. РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 625 (2). Л. 67.

25/8. Петропавловское направление: из захваченных приказов противника (13-14 августа) выясняется, что в составе 3-й армии (видимо, бывшая Западная армия) образована Партизанская группа из 2-й Отдельной Оренбургской казбригады, всех партизанских отрядов (в том числе отряд генерала Перхурова), действующих между 3 и Южной армиями и всех мобилизованных прочих казачьих частей района 3 и 4 отделов Оренбургского казвойска, действовавших между 3 и Южной армиями. Комгруппы ген. Доможиров со штабом группы 15/8 должен был переехать со ст. Варгаши на хут. Кабаний /на тракте Звериноголовская-Петропавловск/. Частям 2-й Отдельной Оренбургской казбригады приказано прикрывать Петропавловский тракт, поддерживая связь к северу с Волжской группой. Отряду ген. Перхурова, прикрывая пути на восток и юго-восток, обеспечивать связь с Южной армией. Разграничительная линия между Партизанской и Волжской группами Березовая-Тобол-Чулочная-Привольная, по железной дороге для Волжской группы включительно. По показаниям пленных, части 1 и 2 Пластунских батальонов, 2, 5 и 34 казполков при 2-х орудиях 6 конной

батареи, занимавшие 21 августа район Богоявленский - Крутоярский, отходят вдоль Петропавловского тракта.

Во 2-м Оренбургском казполку 6 сотен до 400 сабель при 2 пулемётах. Выводы: 1/. Казачьи части и партизанские отряды, действующие на левом фланге 3 (Западной) армии противника, сведены в Партизанскую группу Доможирова; РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 625 (2). Л. 70. Части Доможирова отходили с боями по тракту через станицу Пресногорьковскую на восток. Здесь генералу доложили о возможном окружении группы тремя полками, наступавшими от станицы Крутоярской, от Нижнеалабугского и Починного. На западной окраине станицы в ночь на 22 августа развернулась настоящая драма. Узнав о неизвестных красных частях и ощутив угрозу окружения, Доможиров со штабом ушёл в Кабанью, отправив пехотные подразделения и конные сотни на юг, и далее в село Макарьевку. С северного направления в опустевшую станицу первым вошел 232-й стрелковый полк под командованием Арсения Петровича Баткунова, занявший отрытые пластунами окопы. Наступавший со стороны казачьего поселка Крутоярского 229-й Новгородский полк, не подозревая о том, что в станице красные, продолжали наступление.

Комполка Баткунов Арсений Петрович

Документы ревтрибунала 26-й дивизии свидетельствовали: «К 2 часам ночи 229-й полк был уже в 4-5 километрах от станицы. Тем временем начавшийся дождь усилился, темнота из-за туч сгустилась и в двух метрах не было видно человека. Красноармейцы развернулись в цепи и остановились в 2 километрах от станицы. Пешей разведке был отдан приказ выяснить, кто занимает Пресногорьковку. Вскоре вернувшись, командир разведки белоусов сообщил, что впереди стоят две заставы противника – на дороге на Крутоярку в полуверсте от окраины станицы и на опушке леса (*Татарского леса – С. В.*) против правого фланга цепи. Цепи двинулись дальше и в темноте пройдя километр, обнаружили чужую заставу на правом фланге наступавшей цепи на

опушке леса. Это был взвод 1-й роты 232-го полка, рассыпанный в цепь на опушке леса правее от Пресногорьковки, но наступавшие об этом не знали. Обе стороны сошлись на 50 метров, когда командир заставы крикнул:

-Стой, кто идёт?

-Свои, а вы кто?

-Свои, какого вы полка? Знаете пропуск?

-А какого вы полка?

Тогда командир заставы предложил выслать к нему одного человека для переговоров. Из подошедшей цепи согласились, но выступивший вперед переговорщик отошёл на 10 метров и остановился. Командир заставы сделал то же самое и спросил:

-Скажите, какого вы полка?

-Нет, скажите вы.

Тогда из заставы красноармеец Богданов сказал:

-32-го

-А какой роты?

-1-й.

-А ты кто такой?

-Взводный первого взвода.

-А как ваша фамилия?

-Мышенко.

-А ротного фамилия?

-Дегтярев.

И вот здесь. По словам красноармейца 3-й роты 229-го полка Инжуватова, командир их роты Григорьев совершил роковую ошибку. Он спросил: А в каком чине ваш ротный командир – поручик или прапорщик?

-Как в каком чине? В этот момент, решив по вопросу, что впереди белые, раздалась команда:

-Расходись! Стреляю!

Стрельба вспыхнула вначале на правом фланге наступавшей цепи 1-го батальона 229-го полка. В дело с обеих сторон вступила и артиллерия. Вскоре левый фланг 1-го батальона заметил обход справа и начал отходить. Среди красноармейцев началась паника и они стали разбегаться. Даже комиссар 1-го батальона стал убегать в тыл, но его задержал командир отделения из 1-роты и нанес удар прикладом, после чего комиссар вернулся в цепь. Во время отступления три красноармейца отстали. Один из них был заколот, дугой пойман, а третий остался позади. Тогда и выяснилось, что на станицу наступают свои. Пленного освободили и послали сказать, что впереди тоже свои. Тем временем, комбат 1-го батальона, остановив бойцов и соединив свои силы с подошедшим 2-м батальоном, с криком «ура» первым бросился вперед. Когда прошли еще 50 метров и впереди в 10 саженях заметили цепи противника, то комбат закричал им: «Почему воюете против советской власти? Сдавайтесь!». После этого к нему со стороны чужой цепи один из бойцов и спросил: «Какого вы полка?». Узнав, что они бьются со своими комбат приказал по цепи прекратить стрельбу.. Бой длился 1,5 часа и проходил в 4 часа утра»[2].

Место боя красных с красными под Пресногорьковской. Фото автора. 2022 год.

Потери 232-го полка составили 11 убитых и 27 раненых, в 229-м полку погибли 4 человека и 16 раненых были помещены в местный лазарет. Баткунов написал в рапорте, что убитых похоронили на местном кладбище. Братская могила была обнаружена лишь в 2010 году – двое были похоронены в гробах, остальные без них. О бое, в котором «красные красных порубали», автор слышал от старожилов Пресногорьковки в 80-е годы.

2-я Оренбургская казачья бригада отошла в Кабаний и Исаевку, а пластуны отправились в Усердное. Штаб Доможирова остановился в Екатериновке. Наступление красных полков на восток продолжалось.

Разведсводка 25 августа.

2 бригада: части 230-го полка, продолжая наступление, с боем заняли 24/8 д. Макарьевскую, что в 20 верстах юго-восточнее выс. Пресногорьковский (на карте нет) и д. Исаевскую, в 12 верстах юго-западнее выс. Екатерининский (на карте нет) 229 полк ведет бой в 7 верстах восточнее выс. Кабаний. 231 полк в движении из д. Усердный 18-20 вер. (южнее) выс. Кабаний (на карте нет) на д. Казанская 12 вер северо-восточнее выс. Островский.

2 бригада: части 232 полка в движении из выс. Кабаний на д. Привольная. 18-20 верст севернее выс. Островский. 233 полк после продолжительной перестрелки с конными частями противника занял д. Сухменская. 234 полк в движении из д. Успенская 12-15 верст севернее выс. Кабаний (на карте нет) на д. Воздвиженское 20, северо-восточнее выс. Кабаний. 1 бригада: части бригады занимают прежнее положение.

Лазарет в станице Пресногорьковской. Архив автора.

26 дивизия: 26 кавдивизион занимает ст. Пресногорьковская. 2-й Петроградский кавалерийский полк из д. Кабанья движется в направлении ст. Пресновская. 2 бригада части бригады ведя упорные бои к утру 25/8 вышли на линию 230 полк Святодуховский что 15 верст юго-восточнее выс. Екатерининский (на карте нет) 229 полк выс. Островский ведет наступление на ст. Пресновская 231 полк Казанский что 6 верст севернее выс. Островский. 3-я бригада части бригады к вечеру 24/8 заняли с боем линию 232 полк Привольная (на карте нет) что в 18 верстах северо-западнее выс. Островский 233 полк Лопатинское 234 полк в бригадном резерве в районе Воздвиженское что 12 вер юго-восточнее Сухменская. 1 бригада (дивизионном резерве) части бригады из района Пресногорьковская переходят район Сухменская Яровская. Штадив 26 Каменское

26 дивизия: кавгруппа 26 кавдивизиона, занимая ст. Пресногорьковская ведет разведку в южном и юго-восточном направлении. Части 2-й бригады продолжают наступление. 229 полк в 10 часов 25/8 с боем занял ст. Пресновская.

Части 3 бригады к 20 часам 25/8 занимали следующее положение: 232 полк д. Привольная, что 20 верст северо-восточнее выс. Кабанье (на карте нет), 233 полк д. Лопатинское, 234 полк в бригадном резерве д. Воздвиженское 18 верст северо-восточнее выс. Кабаньи (на карте нет). 1 бригада составляя дивизионный резерв сосредоточивается в районе Яровская-Сухменская. Штабриги расположены: кавгруппа ст. Пресногорьковская, 2-я бригада – выс. Островский, 3 бригада – Сухменская. 1-й бригады штабриги Яровская.

26/8 26 дивизия части 2 и 3 бригады продолжают наступление из района Рождественский (на карте нет что 20 верст юго-восточнее выс. Островский) ст. Пресновская с. Лопатинское на линию Становая с. Беловская.

26 дивизия – части дивизии с утра 27/8 из района Рождественский (на карте нет), что 20 верст юго-восточнее выс. Островский – ст. Пресновская с. Лопатинское ведут наступление имея задачей выйти в р-н Становая с. Беловское.

Свидетель из прошлого. Школьный музей. 2023 год.

28/8 26 дивизия – кавгруппа 1 и 2 бригады донесений в штадив не поступало. 3 бригада части бригады продолжают наступление, 232 полк 9 час. 27/8 занял д. Долгий (на карте нет, что 20 вер. северо-западнее ст. Пресновская) 234 полк перешел из д. Сухменская в д. Масково (на карте нет что 8 вер. южнее с. Лопатинское).

28/8 26 дивизия – кавгруппа 2-й Петроградский кавполк передовым отрядом занял без боя Архангельский (на карте нет) что 30 верст юго-восточнее ст. Пресновская. 2 бригада 230 и 229 полки заняли выс. Новорыбинский и ведут наступление вдоль тракта на Петропавловск, 231 полк после короткой перестрелки занял Лопушной (на карте нет), что 17 верст северо-восточнее ст. Пресновская. Противник отошел в восточном направлении. 3 бригада части бригады вечер 27/8 вышли на линию 232 полк М. Курейнская (на карте нет) что 5 верст юго-восточнее Курейнское 234 полк Курейнское 233 полк Пеган (на карте нет) что 8 верст севернее Курейнское и ведут наступление северо-восточном направлении. Соприкосновение с противником на участке бригады утрачено. 1 бригада (дивизионный резерв) части бригады сосредоточились районе Маслова Степная (на карте нет) что 8-16 верст юго-восточнее Лопатинское

26 дивизия – кавбригада к 12 часам 30/8 2 Петроградский кавполк занимая ст. Пресновская ведет разведку в южном и юго-восточном направлении. 2 бригада части бригады к утру 30/8 занимали следующее положение 229 полк выс. Новорыбинский и выл. Кладбинский, 230 полк выс. Сенжанский, 231 полк д. М. Приютная что 18-20 вер. Севернее выс. Кладбинский и передовым отрядом 12 час 30/8 занята д. Михайловский что 20

вер. северо-восточнее д. М. Приютная. 3 бригада противник на участке бригады оказывает упорное сопротивление. Части бригады к утру 30/8 занимали следующее положение: 232 полк д. Б. Приютная и Стрелецкая что юго-западнее 5-10 вер. д. Теплодубровская, 233 полк д. Монастырское что 12 вер. северо-западнее Теплодубровская (на карте нет). 1 бригада части бригады составляя дивизионных резерв занимают 226 полк д. Гусиная, что 15 вер. юго-западнее д. Теплодубровская (на карте нет), 228 полк д. Теплодубровская, 227 полк д. Чебаковское, что 25 вер. западнее д. Теплодубровская (на карте нет). Наступление на всем участке дивизии продолжается.

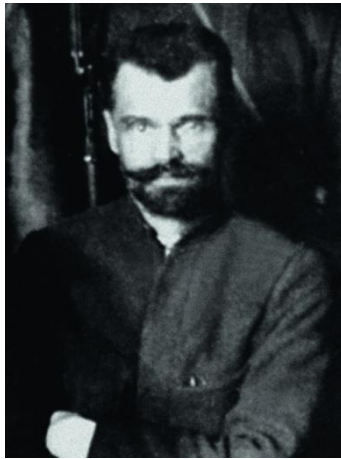
Разведывательная сводка 31-го августа 1919 года
Петропавловское направление:

По показаниям пленных, кроме частей 2 Отдельной казбригады и 3 Пластунского бат[альона] в районе Петропавловского тракта действуют еще 1 и 2 пешие сотни по 130-140 штыков каждая. РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 625 (2). Л. 79

1 сентября. Петропавловское направление: по данным войсковой разведки и показаниям пленных от 29/8, в полосе Петропавловского тракта и к югу от него действуют части партизанской группы ген. Доможирова – 2, 5 и 34 казполки и отряд Перхурова, в районе Богатая и севернее – части 1 и 2 полков Ижевской бригады, 4 казполка и Волжской кавбригады при 4 лёгких орудиях. По документальным данным и показаниям перебежчика 3 Сибирского казполка, в ст. Пищаловская и др. станицах для действия в районе Петропавловска формируются якобы 8-15 Сибирские казполки, для чего мобилизованы возрасты от 17 до 50 лет...

Противник, защищая подступы к Петропавловску пытается задержаться в районе желдороги к югу на заранее укрепленных позициях, для чего имея в районе Чобыково Симбирскую, в районе Гусиная Самарскую дивизии, в районе Богатая кавбригаду и на Петропавловском тракте партизанскую группу Доможирова, повел наступление частями Ижевской дивизии /1 и 2 полки/ из выс. Дубровин на д. Богатая в стык между 2 и 3 бригад. 26 дивизии и с северо-востока кавбригадой 2/. Имея ввиду, что противник имеет в резерве 7, 11 Уральскую и 4 Уфимскую дивизии и спешно укрепляет прилегающие к Петропавловску селения. Возможно проявление ещё более сильной активности при нашем ближайшем подходе к линии реки Ишим и городу Петропавловску.

Активно сопротивляться наседавшим красным бригадам Партизанская группа не могла. Однако, когда 1 сентября 1919 г. 3-я армия генерал-майора К.В. Сахарова перешла в контрнаступление, оренбуржцы Л.Н. Доможирова совместно с Уральской группой генерал-майора В.Д. Косьмина смогли захватить станицы Кладбинскую и Новорыбинскую и, сбив тем самым правофланговые части 26-й дивизии противника с Троицко-Петропавловского тракта, отогнали их в северо-западном направлении.

Перхуров Александр Петрович

Командарм-5 М.Н.Тухачевский высоко оценил действия группы. Он писал: «Однако, несмотря на целый ряд организационных неудач, наша ударная группа все-таки перешла в наступление и значительно потеснила обходную группу противника, но ненадолго. **Этот последний искусным маневром партизанской группы генерала Доможирова постоянно обходил в дальнейших боях район нашей ударной группы, нанося ей тяжелые поражения.** С этого момента встречные действия обеих армий стали носить чрезвычайно напряженный характер, сопровождавшийся переменным успехом той и другой стороны. Но, в общем превосходство сил, явно обозначившееся на стороне 3-й белой армии, в конечном результате склонило успех в пользу противника. Наши части после ряда упорных боев, носивших в большинстве встречный характер и состоявших из многих отдельных наступательных звеньев, в конце концов, измотались и были отеснены к р. Тобол»[11].

В последних числах августа Партизанскую группу отвели от тракта к Ишиму, в район села Александровское, для отдыха и перегруппировки. Здесь к ней присоединились части Уральской группы генерала Космина. Севернее по Ишиму в этот период формировался Сводный Сибирский казачий корпус.

Из разведсводки 2 сентября. 26 дивизия. По сведениям от жителей конные и пехотные казачьи части (по видимому, генерала Доможирова) с артиллерией группируются в районе Архангельский - д. Троицкий.

1 сентября авангард, состоящий из 2-й Оренбургской казачьей бригады, начал движение на север – к Петропавловскому тракту. Взяв посёлки Рождественский и Архангельский бригада 3 сентября вышла к станции Пресновской, занятой тыловыми частями 26-й дивизии. Одновременно Уральская группа вела бои восточнее и выбила противника из Кладбинки, Сенжарки и Дубровного, заставив красные части отойти к северу от тракта и продолжив их преследование. 2-й Оренбургский казачий полк ушел из Пресновской на север, на линию Покровка-Привольное. Остальные части Партизанской группы (с партизанами Перхурова и Анненкова?) двинулись по столбовой дороге к Тоболу. 34-й Оренбургский казачий полк столкнулся с усиленным сопротивлением свежих полков 35-й стрелковой дивизии, переброшенных сюда из Троицкого укрепрайона и Кустаная. Им удалось потеснить немолодых казаков к Островке, за которой находилась

Пресновская. Резервы и артиллерия оказались в тылу красных и оренбуржцы 6 сентября нанесли удар из Привольного на станицу Кабанью.

Казаки ст.Пресногорьковской в Сибирском казачьем корпусе

Разведсводка 4 сентября. 26 дивизия. Установлено, что д. Казанская занята 2 Оренбургским казполком, в ст. Пресновская там же обнаружены казачьи части. В указанном районе действуют части 2-й отдельной Оренбургской казбригады (2, 5 и 34 казполки). По показанию пленного казака 2 Оренбургского казполка установлено, что отряд 640 сабель продвигается на Усердный.

Потери Партизанской группы с 1 по 5 сентября составили: убитых офицеров 1, раненых 3. без вести пропавших 1, солдат убитых 11, раненых 38, контуженных 1, без вести пропавших 13, попавших в плен 7. Ф. 39624 оп. 1 д. 22 Л. 83.

Разведсводка 7 сентября. Опросом взятого в плен 6/9 у выс. Екатерининский казака 34 Оренбургского казполка (7 сотен до 200 сабель 6 пулеметов 4 орудия) установлено, что означенный полк занимает позиции 5 верст восточнее выс. Екатерининский. Полк входит в состав 2 Оренбургской казбригады состоящей из 2, 5 и 34 казполков. Все полки действуют в этом же районе.

Петропавловское направление: по данным войсковой разведки от 4/9 и по показаниям пленных, в районе ст. Пресновская действуют части 2, 5 и 34 Оренбургских казполков.

Разведсводка 9 сентября. 5 дивизия – боями подтверждается присутствие в районе Петропавловского тракта частей Партизанской группы

Доможирова.

РГВА. Ф, 185. Оп. 3. Д. 995. Л. 9.

Военный комиссар 27-й дивизии А.П.Кучкин писал в воспоминаниях: «Итак, под напором Красной Армии Колчак неудержимо откатывался вглубь сибирских степей. Положение его армий становилось критическим. Тогда сухопутный адмирал бросил клич к «живым силам страны спасти родину». На этот клич отозвалось одураченное казачество. Боровшиеся когда-то с царизмом «вольные» казаки теперь сделались опорой контрреволюции. Кто не шел добровольно, тех мобилизовали. Колчак задался целью на просторах Сибири при помощи главным образом казачьей конницы окружить 5-ю армию и разбить ее. В Омске враг спешно формировал полки и дивизии и бросал их на фронт. Навстречу 5-й армии катился еще один мощный контрреволюционный вал. С этим валом полки 27-й и 26-й дивизий столкнулись первый раз в районе станции Петухово на Сибирской магистрали. Девять пехотных дивизий, оснащенных бронепоездами и мощной артиллерией, три кавалерийские бригады – таковы были силы белых против двух наших дивизий. Противник перешел от обороны к решительному наступлению. Создав ударный кулак из 7-й и 12-й пехотных дивизий и конной казачьей группы генерала Доможирова, Колчак нанес удар по правому флангу 5-й армии с юга на северо-запад. Казаки прорывались в тыл Красной Армии, создавали «котлы» и тем самым действовали на моральное состояние красных бойцов»[6].

Войсковой старшина М.Ф.Воротовов вспоминал о действиях 2-го ОКП: «Полк подошел версты на две к Кабаньему, когда уже стало совершенно темно. Шёл мелкий дождь. Авангардная сотня хорунжего Фокина вела перестрелку у самой станицы. Красные отвечали редким огнем, но была нерешительность как с той, так и с другой стороны. С нами было два орудия, поставили их на позицию. Командир полка с биноклем в руках старался различить контур церкви, и по нему была сделана наводка батареи. Было тихо и сыро из-за моросившего дождя. Наконец, наши орудия открыли пальбу по деревне. Там поднялся сильный шум и стук колес. Артиллерийский огонь нисколько не помог хорунжему Фокину ворваться в деревню. Да и он не проявлял подобной решительности. Долго в том, что у командира полка было всего только три сотни (2 сотни были в бригадном резерве, а одна охраняла тыловую дорогу полка). Оставалась только одна 2-я сотня есаула Кузнецова. Комполка направил ее в охват станицы Кабаньей наперерез дороги в Пресногорьковскую, тем более. Что был слышен шум удаляющегося в ту сторону обоза. Есаул кузнецов вывел сотню и тихо незаметно за темнотой ночи подошел к тракту на 100 шагов, по которой двигалась неясная колонна и обоз. Залп. Смятение в обозе. Атака. Ура! И весь обоз стал добычей есаула Кузнецова. Через полчаса уже к командиру полка привели 80 повозок обоза и 60 человек пленных. Есаул Кузнецов реши развить успех своей сотни, повернул на станицу и здесь в уличном беспорядочном бою был ранен и сотня отошла от станицы.

Хорунжий Фокин все-таки еще не вошел в станицу, его сдерживала какая-то беспорядочная стрельба из станицы. По приказанию командира полка

я выехал к хорунжему Фокину. Выслав полусотню демонстративно выйти на тракт западнее кабаньей, я с другой полусотней атаковал окраину станицы и заскочил туда.. Темно, не видно ни зги, на одной из улиц трещал пулемет. Спешившись за одним из домов, движением вдоль заборов с легкими пулеметами Шоша, надоедавший нам пулемет прогнан и где-то скрылся. Вот проскакала одинокая подвода с обезумевшими седоками и каким-то грузом. Казаки быстро перехватили ее. Я остановился в одном из домов и провел там ночь до 7 часов утра. Мои дозорные ходили всю ночь по станице. Было тихо. Видимо, все, что были в станице, частью попрятались, частью выскакали в поле в сторону деревень, занятых красными. Когда рассветало, мои дозорные заметили движение небольшого обоза, направляющегося из станицы в ближайшие деревни. Высланным взводом обоз был захвачен и оказался штабными повозками 307-го советского полка. Тут было полковое знамя и канцелярия. Захватив этот обоз, я присоединился к командиру полка. После этого полк пошел на присоединение к бригаде в поселок Усердный. Этот короткий набег 2-го полка на ст. Кабаний был светлым лучом на тёмном, безотрадном фоне нашего длительного отступления»[1].

Партизанская группа редко действовала в полном составе. Некоторые части, такие как наиболее боеспособная 2-я бригада, использовались белым командованием на сложных участках фронта. После взятия Кабаньего 2-й полк бригады совершил 70 километровый переход для обороны поселка Лопушинского. Здесь конница полка помогла 11-й Уральской дивизии (командир Круглевский А.В.) отбить наступление красных. Командир полка полковник Бородин получил приказ охранять фланги уральцев, наступавшую 9 сентября с севера на станицу Пресновскую. С юга станицу должны были атаковать казаки Сибирского казачьего корпуса (командир Иванов-Ринов).

Комполка-5 Бородин В.А.

К середине дня Пресновская была взята, красные полки разгромлены наголову. Были уничтожены до шести красных полков, взято много артиллерии и военных трофеев. Выводом из окружения 43-его полка командовал 19-летний Василий Иванович Чуйков, будущий маршал Советского Союза.

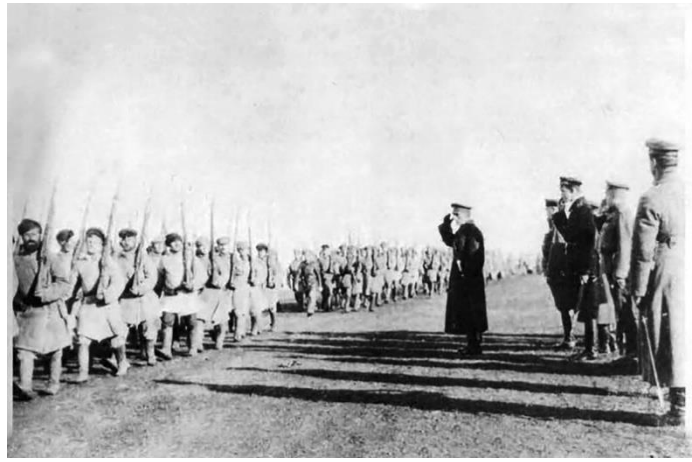
Вечером 9-го сентября в ст. Пресновской адмирал А.В.Колчак и атаман генерал-лейтенант А.И.Дутов произвели смотр войскам. Дутову было

представлено знамя 307-го советского полка, захваченного в Кабани. Отличившиеся были награждены Георгиевскими крестами и наградным оружием. Из оренбуржцев полковник Бородин был произведен в генерал-майоры, есаулы Воротовов и Седякин – в войсковые старшины[1]. Командир Партизанской группы Л.Н.Доможиров получил Георгиевское оружие «За то, что лично предводительствуя бригадой Оренбургской казачьей дивизии в бою 9 сентября сего года у посёлка Островной личным примером довел до удара холодным оружием свою часть под убийственным огнем противника» (Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 12.09.1919).

Вернувшись из дивизии и найдя полк в жалком состоянии, я начал спрашивать: как, почему, когда и где что произошло. Красноармейцы и командный состав рассказывали мне о случившемся, говорили, что такого боя, как под Пресновской, в эту войну мы еще не видели. Снаряды рвались везде и всюду, жужжание пуль было вроде пролетающего роя пчел, казаки везде и всюду появлялись группами с обнаженными шашками, ярко сверкающими на солнце. Роты красных бойцов совместно с командиром т. Рякиным (сочувствующий) и находящимися в них партийными работниками бросались на казаков в яростные атаки и контратаки. Жертв было масса с обеих сторон. Только маленькое количество бойцов поддавалось панике. Приходилось видеть, как некоторые товарищи поднимают руки вверх (говорю вообще о бойцах всех полков) и как подскакавшими казаками отрубались руки трусов. Казаки работали направо и налево. Командир 4 роты т. Черников (коммунист), занимавший временно должность коми бата, с 4 ротой бросался в яростные атаки и схватки с казаками, ни одного партийного работника из названной роты не вернулось, все погибли славною смертью. Погибли, как надо умирать только искренним сынам Советской республики, товарищи Мочалкин (пом. комполка), кандидат в члены РКП (б), Ржавин (политком батальона), Раевский (военком полка), Васильев, Земтур, Мещерский, Паластинин, Дружнов и много других славных работников. Ржавин и Раевский, видя, что им приходится плохо в кругу казаков, сами застрелились. Пресновский бой совсем опустошил ряды наших коммунаров: из 100-120 членов и сочувствующих найдется 40-50. ЦГАСА, ф. 1372. оп. 1, д. 13. л. 18. Подлинник.

Документ: Из доклада информатора стрелкового полка 35-й дивизии политотделу дивизии о героизме коммунистов в бою под станицей Пресновской в начале сентября. Ст. Звериноголовская, 4 октября 1919 года.

В результате действий белых соединений, красная ударная группа была окружена к 8 сентября в районе Пресновской и Островской.

Адмирал Колчак проводит смотр частям

Попытаюсь в общих чертах воссоздать действия войск в начале сентября, предшествовавшие бою в Пресновской и под Островкой.

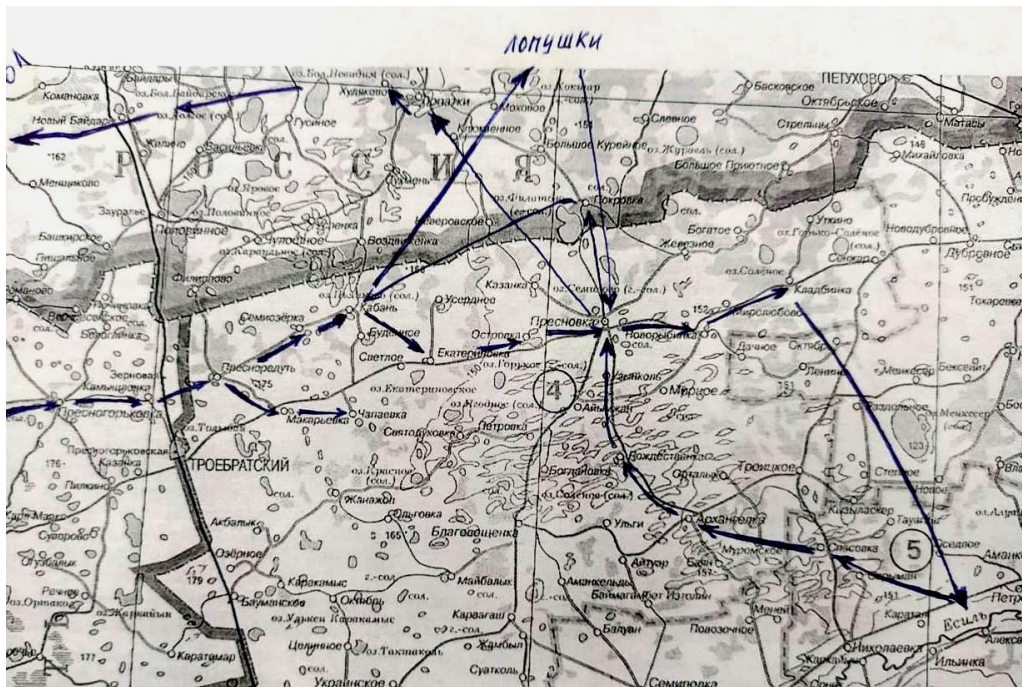
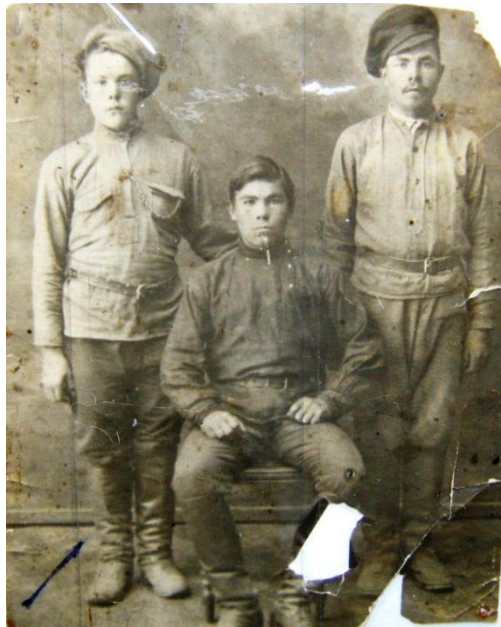

Схема движения Партизанской группы в пределах Петропавловского уезда на 1 этапе операции, 21 августа – 21 сентября 1919 года. Реконструкция автора.

7-го сентября Сибирский казачий корпус располагался южнее Петропавловска в районе ишимских станиц Боголюбовской, Новоникольской и села Явленного. На следующий день конные сотни корпуса выдвинулись к поселку Кладбинский на тракте Звериноголовская-Петропавловск. Моросил осенний дождь, дорога превратилась в болото. «Настроение хмурое, не слышно песни...Порядок движения в колонне поддерживается образцовый». Основные силы корпуса ночевали в Новорыбинской (127 верст западнее Петропавловска). Здесь, в ночь на 9 сентября, произошла первая стычка с красными. Г.К.Гинс пишет: «Иванов-Ринов ночевал со штабом в одной деревне, как вдруг туда подошла красная часть. Обе стороны были удивлены и

напуганы. Казаки отступили, красные боялись преследовать, не понимая, что происходит. Днем 9 сентября Иванов приказал атаковать». Скорее всего, один из передовых полков (310-й?) 35-й стрелковой дивизии наткнулся на авангард Сибирского казачьего корпуса между Пресновской и Новорыбинской. « 9 сентября произошли жестокие бои в районе станицы Пресновской, причем нами был произведен согласованный удар: с севера уральцами, с юга – сибирскими казаками. Большевики, не ожидавшие этого удара, побежали, бросая пушки, пулеметы и обозы...»[9]. В этом районе командир 5-й красной дивизии В.Ф.Карпов усилил группировку красных так, что 9 сентября у Пресновской и Островской (в 12 км) оказалась половина всей ударной группы: бригада 5-й дивизии и 2-я бригада 35-й дивизии. Иванов-Ринов бросил на Пресновскую 5-ю Сибирскую казачью дивизию, а сам с основными силами корпуса обошел станицу с юга и перерезал тракт западнее – у Островного. Сюда же должна была подойти с севера Уральская группа генерала Косьмина. Войсковой атаман имел в 3-й и 4-й дивизиях и атаманской сотне более четырех тысяч сабель и около 50 пулемётов.

Красноармейцы. Слева –Томский. Архив автора.

Станица Пресновская окружена озерами – Питным и Мочище. Красноармейцы укрепили окраины станицы, выкопав три линии окопов с протянутой колючей проволокой. Подступы к станице простреливались от крайних домов. К 9 сентября станица была окружена казаками со всех сторон. В начале конной атаки по позициям 310-го полка ударила артиллерия. С северо-востока на станицу пошла пехота Кустанайского и Троицкого полков. За ними разворачивалась казачья лава. От Новомихайловки блестя пашками, помчались на укрепления красных 13-й и 14-й Сибирские казачьи полки. Вятские крестьяне 310-го полка впервые столкнулись в открытом бою с казачьей конницей, запаниковали, бросили позиции и побежали в станицу. Командир полка, бывший штабс-капитан, Николай Васильевич Рякин вместе с

командиром батареи Романом пытались остановить атакующих залпами из орудий. Но конница уже неслась по улицам, рубя всех попадавших на пути. Красноармеец В.С.Рыжиков, будущий генерал, вспоминал как «казаки с обнажёнными шашками и солдаты со штыками наперевес гонялись за убегающими или в паническом страхе ищущими убежища красноармейцами». Везде валялись бесформенные, изрубленные казаками трупы. Казаки поймали комиссара 310-го полка, бывшего прапорщика Кирилла Осиповича Раевского, который всеми силами пытался приостановить панику, сорвали с него верхнюю одежду, били нагайками, обрезали уши и нос и живым зарыли в землю (см: Винокуров О.А. 1919 год на Горькой линии).

О нём в заметке «Смертью мученика» написал Давыдов: «по занятии нами станицы Пресновской выяснилась судьба попавшего в плен военкома полка Раевского.

На все вопросы белых о количестве и составе наших частей Раевский, избитый прикладами. Отвечал: «У нас есть два полка. Полных мести и злобы против вас. Попробуйте разбить их». Раевский был закопан живым. Ему отрубили голову. Тело закопали, голову положили поверх могилы расстрелянных одновременно красноармейцев».

Плененный комиссар Ржавин, выданный одним из красноармейцев, был расстрелян на глазах у пленных и изрублен шашками. Небольшие группы красноармейцев пытались организовать сопротивление на улицах, но эти очаги быстро уничтожались. Был зарублен Мочалкин, помощник командира полка, погибли в схватке командир 4-й роты Черников и командир 312-го полка Трехсвятский. Из 120 членов партии и сочувствующих осталось 40-50 человек. Обозные упряжки в дикой панике металась по Пресновской, лишь малой их части удалось вырваться из станицы. Так А.А.Попов вывез на пяти повозках 53000 патронов, которые оченьгодились бойцам при дальнейшем отходе. Батарея Французова, стоявшая в северо-западной части Пресновской, успела сняться с позиции, но все четыре орудия были захвачены уральцами уже без замков, выброшенных в озеро. Артиллеристы, спасаясь, побежали по дороге в Островку.

О гибели 2-й легкой батареи пишет О.Винокуров: « Командовавший батареей Самуил Роман, уроженец Псковской губернии, Холмского уезда, села Алексеевского, приказал опустить стволы орудий на прямую наводку и открыть огонь картечью прямо вдоль улицы. Никто не отступал. Замковые номера, работая как автоматы, открывали замки и выбрасывали стреляные гильзы. В некоторых из них еще догорал бездымный порох, а замок, уже принимал следующий снаряд. Однако вскоре, из всех переулков, перемахивая через плетни на площадь вылились конные и пешие казаки. Они бросились рубить прислугу. Самуил Роман получил удар штыком в левый бок и упал. Он успел крикнуть: «Порти орудия!» и тут же был доколот на земле штыками. Впоследствии был награжден орденом Красного Знамени»[3]. Комполка Н.В.Рякин был взят в плен здесь же, получив удар прикладом по голове. Раздев до нижнего белья, казаки повели его на расстрел к Новомихайловскому кладбищу, но по дороге командира выручила группа бойцов, отбив у казаков. Рякин, до полусмерти избитый, в нижнем белье, вместе с комиссаром бригады

Топыркиным и начальником штаба Датюком сумели остановить бегущих бойцов и повернуть их против уральцев. Разгорелся бой, исход которого решили появившиеся казаки. На окраине станицы комполка решил прорываться к лесу и собрал группу конных, числом около 120 [13]. Отряд получил приказ прикрыть левый фланг и ускакал. Остатки полка, отбиваясь от наседавшего противника, выходили из станицы в степь. Рякин командовал ими, пытаясь организовать отход остатков полка, прикрыть бегущих к лесу.

За озером Мочище комбат Преображенский с группой бойцов столкнулся с казаками. Рякин с отрядом пришел на помощь – открыв шквальный ружейно-пулемётный огонь казаков отбили. Комполка решил пробиваться на запад, на Усердный, и повёл в штыковую атаку остатки своего полка. Надо было отчаянным рывком сбить казаков с опушки леса и скрыться в нём. Во время атаки ранили Преображенского, он руководил прорывом лёжа на телеге. Не выдержав решительной атаки, казаки дрогнули, и красноармейцы ушли в лесные колки на Усердное, где оказался 307-й полк. Пообедав там, остатки полка ушли в Кабаний, где находился штаб 2-й бригады во главе с комбригом Ямышевым. Из всего полка с Рякиным вышли 182 человека. Весь обоз, штаб полка, почта, 10 пулеметов, 754 бойца и командира были пленены или погибли. В 312 полку пропали без вести 229 человек. Целиком погибла 2-я легкая батарея, потерявшая 185 человек. Командир 2-й бригады 35-й дивизии, бывший полковник царской армии В.В.Котомин со штабом бригады сдался в плен[3].

РГВА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 29. Л. 40, 50, 48об.-49. В.А.Шулдяков считает, что именно в районе Пресновской сдался в плен уральским стрелкам командир 2-й бригады 35-й дивизии, бывший полковник царской службы В.В. Котомин, а с ним 11 офицеров-военспецов штаба бригады. Сообщения красных источников, что этот факт будто бы имел место несколькими днями позже в станице Кабановской (РГВА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 30. Л. 67об.; Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 114, 240), а тем более, белого мемуариста генерала К.В. Сахарова, что это случилось ещё в июле 1919 г. во время Челябинской операции (Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 168, 620), опровергаются разведсводкой штаба Главковостока от 11 сентября. В ней прямо говорится, что комбриг-2/35 был пленён в бою 9 сентября в районе станиц Пресновской, Михайловской и Островской (ГА РФ. Ф. 6219. Оп. 1. Д. 19. Л. 343об.). Однако, ряд исследователей считает, что в районе Кабаньего попал в плен комбриг-2 Ямышев, а Котомин выступал перед жителями белого Омска в начале августа и, стало быть, оказался у белых ранее.

О сдаче в плен пишет в 20-х числах сентября военком 35-й дивизии И.Погодин: Моральное состояние дивизии было подавленное. Оснований к этому было достаточно: так, например, полный разгром 308-го полка, почти целиком попавшего в плен, окружение несколько раз частей дивизии противником во время отступления от петропавловска, вследствие очевидного предательства командира бригады бывшего полковника Котомина, впоследствии перешедшего на сторону противника со штабом бригады в поселке Кабаний, полное недоверие к высшему и старшему командному составу, основанное на предательстве Котомина, перебежках отдельных лиц

комсостава из бывших офицеров на сторону противника и и проникших в гущу дивизии слухах о существовании в дивизии «Союза возрождения».

Адмирал Колчак награждает отличившихся бойцов

Несколько десятков человек сумели вырваться к Островке. По данным белых, уральцы захватили четыре орудия, взяли знамя 310-го полка, документы штабов, отряд с санитарями и врачами, до 400 пленных. Несмотря на такой разгром Н.С.Датюк был награждён золотыми часами за то, что, собрав остатки полка, пробился на Кабаний. 80 командиров и комиссаров были отведены на окраину Новомихайловки, где вырыли себе могилу и были расстреляны, в присутствии жителей Пресновской (свидетелем казни был будущий писатель И.П.Шухов).

Комполка Чуйков Василий Иванович

Операцию по захвату Пресновской проводил генерал П.Иванов-Ринов, наблюдали за боем из автомобиля лично адмирал А.В.Колчак, глава

Британской военной миссии в Сибири адмирал А.Нокс, атаман А.И.Дутов (по другим данным Колчак и Дутов прибыли в Пресновскую лишь вечером 9 сентября).

8-го сентября 3-я бригада 5-й дивизии была окружена в станице Лапушной и деревне Моховинской частями 11-й Уральской стрелковой дивизии генерал-майора А.В.Круглевского и 4-й Сибирской казачьей дивизией полковника А.В.Катанаева. 45-й красный полк в Лапушной разгромили полностью. Его командир М.А.Матвеев был убит. Рассеянные остатки бригады прорвались на Усердную, а часть 43-го полка к Островской. 307-й резервный полк был блокирован в Екатерининской 3-й Сибирской казачьей дивизией генерал-майора А.И.Белова.

В ночь на 9-е сентября полки 5-й дивизии выступили из Пресновской на запад к Островке. Это была попытка вывести из кольца остатки полков. Вел их командир 43-го полка, будущий маршал, В.И.Чуйков, веривший в успех ночного марша. В Островке завязался бой. «После десятка выстрелов поселок запылал. Казаки под огнем картечи отошли и наша пехота ворвалась в поселок. Центральная улица была завалена трупами людей и лошадей» [14]. Бойцы заняли позиции между озерами Питное и Горькое. К полудню из Пресновской прибежали обозники 310-го полка и рассказали о страшной трагедии, разыгравшейся там. Шанс выйти из окружения давал тракт на Екатериновку и Усердный. Чуйков предложил комбригу Строгонову прорываться ночью, но тот решил сделать это немедленно. Полки вышли на Екатерининский тракт, на открытую равнину. Тогда никто в этой колонне не знал, что впереди, у озера Горького, их ждали основные силы конного корпуса – 3-я и 4-я Сибирские казачьи дивизии во главе с генералом Ивановым-Риновым. На опушке леса залегла белая пехота. Чуйков собрал сотню сабель и повел их на позиции белых, стремясь расчистить путь для колонны, которая уже вышла на равнину к западу от Островки. «Я возглавил атаку и когда до белых оставалось около километра, мы обнажили сабли. Белые солдаты начали соскакивать с подвод, кто отстреливался, кто бежал. Ударили пулеметы, левее меня комиссар бригады Горячкин(3 бригада, 5 дивизия), сраженный пулей в голову, рухнул на землю. Его конь продолжал бежать рядом со мной. Конные разведчики врубались в конную колонну белых, которые бросали оружие и сдавались. Офицеры попрятались в пшенице»[14].Этот момент был наиболее удачным для кавалерийского удара. Развернутый в лаву корпус атаковал беззащитную пехоту в километре от Островки.

Противник встретил плотным орудийным, пулеметным и ружейным огнем атаманскую сотню подьесаула С.А.Огаркова, шедшую во главе корпуса. Казаки начали рубить красноармейцев. Красные стреляли из четырех орудий по казакам 3-й дивизии генерала А.И.Белова до последнего снаряда и были изрублены прямо на позиции. Начальник 4-й дивизии полковник А.В.Катанаев с чинами штаба взял два пулемета, при этом погиб его ординарец прапорщик Боярский. Бой длился менее часа и закончился полным разгромом красных. Этой атакой корпус разгромил две стрелковые бригады,

уничтожив около 500 человек и взяв в плен 1800 человек. Добыча была взята значительная – 6 орудий, 20 пулеметов, 2000 винтовок, обозы обеих бригад.

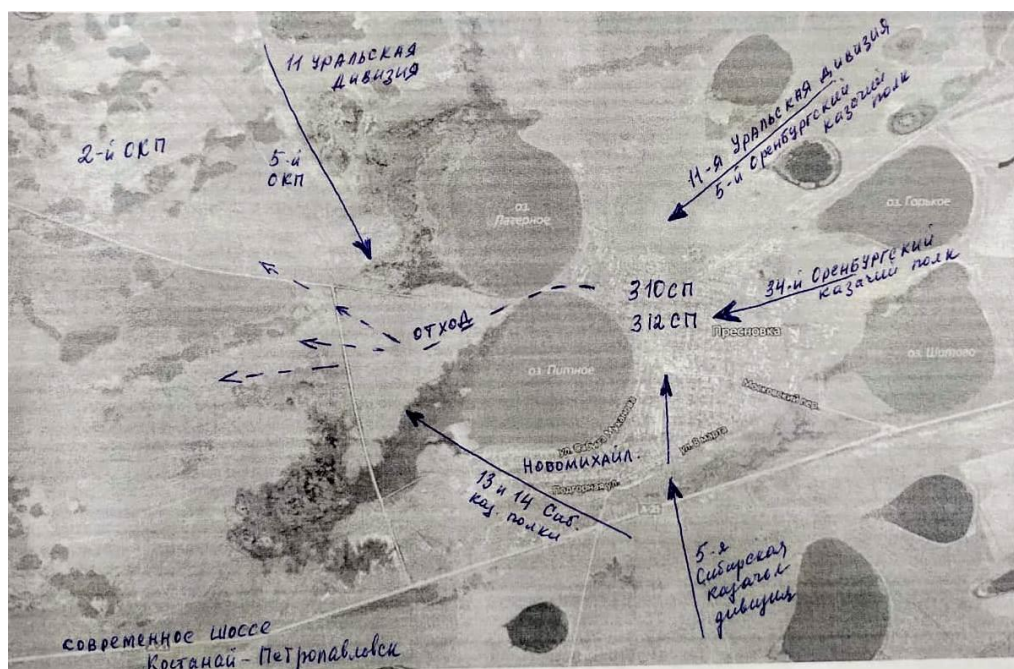

Схема окружения красных полков в ст.Пресновской 9 сентября 1919 года.
Реконструкция автора.

После этих боев, 9 сентября ударная группа 5-й армии перестала существовать. Остатки разгромленных полков собирались в Кабаньем. Еще более суток добирались туда измученные и израненные красные бойцы. Под Островкой в те дни появились братские могилы. В лесу белые расстреляли более 400 пленных. Сахаров лично присутствовал при карательных акциях. Там он написал: «Ранняя осень. Золотые дни, румяные закаты, только ночи удлиннились и дышат они уже холодом приближающейся зимы. Необозримые поля Западной Сибири убегают к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными тёмно-золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай в 1919 году повсюду был на редкость обильный. Теплая, мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящим временем для широких активных действий»[9].

Северо-западнее Сибирского казачьего корпуса действовала Партизанская группа генерала Доможирова, состоявшая из 2000 оренбургских белоказаков. Оренбуржцы имели возможность добить остатки 2-й бригады 35-й советской дивизии, бежавшие на север от поселка Островного.

Окруженных красных спас командир 1-й бригады 27 сд 22-летний К.А.Нейман, по оценке Тухачевского, самый храбрый и энергичный комбриг. Нейман, бывший вне кольца, собрал из обозников отряд, пробился с ним к окруженным частям бригады, сплотил их и вывел из белого окружения.

Очевидец тех трагических событий, житель поселка Песчанки (что в 2 верстах от женского Казинского монастыря) Федор Николаевич Церахто

(1900-1992 гг.) подробно описал в своих воспоминаниях боевые действия красных полков в сентябре 1919 года. Рукопись он напечатал в 1968 году.

Командарм-3 Сахаров Константин Николаевич

За лесом – Островка. Фото автора, 2023 год.

В конце августа 19-летний Федор с товарищами захватили в районе Пресногорьковской обоз коннозаводчика Ушакова с семьей и скарбом, который уходил с отступающими белыми частями на восток. Пробольшевистски настроенная молодежь спрятала добычу в лесу, на территории нынешнего Борковского лесничества, предположительно у озера Коняево или Большого Горького и зорко охраняла семью Ушакова и табун племенных рысаков, дожидаясь подхода красных дивизий. 26-я стрелковая дивизия в начале сентября ушла по тракту на Пресновскую и завязла в боях. Церахто с друзьями решили сдать заложников в штаб 2-й бригады.

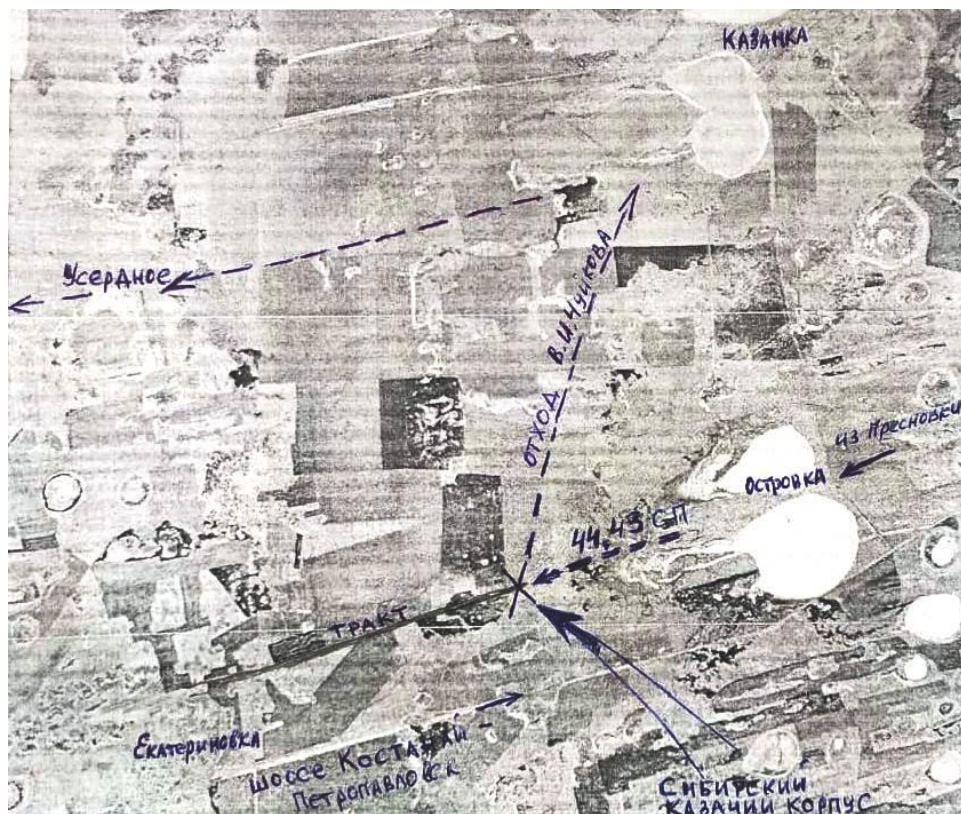
Дальнейшие события описаны автором ярким, живым языком (*орфография, по возможности сохранена – прим. С.В.*)

«В Крутоярской находились только обозы красных. В Пресногорьковской тоже никаких штабов мы не застали и отправились в станицу Пресноредутскую. Там нашли штаб одной бригады 26-й стрелковой дивизии. С начальником штаба, комиссаром, договорились, что Ушакова со всем обозом и лошадьми мы доставим в штаб бригады, а скот надо отправить в Курган, в штаб пятой армии. Выдали нам документ и вместе с нами поехали два солдата, чтобы убедиться, правду ли мы говорим. Из станицы сначала поехали домой, в Песчанку. Встретили нас радушно, вся Песчанка сбежалась повидаться. Хорошо пообедав дома, крепко выпив, мы устроили на рысках бега. Таких рыскаков и такого бега люди в деревне никогда не видели. Один из рыскаков был по кличке «Алмаз», у него было много наград за победы в бегах в Москве и Петербурге, Нижнем Новгороде и даже за границей, другой – «Рыцарь», молодой, пяти-шести лет, сын Алмаза. Погарцевав по улицам Песчанки, отправились в лагерь. Здесь я распорядился готовиться к отъезду, а задержанным солдатам и офицеру предложил отправляться, куда глаза глядят. Но они отказались уходить и стали проситься в Красную армию. Все они были местные из-под Омска. Представители бригады обещали взять их с собой. В Пресноредутской штаб не застали. Здесь было много военных обозов и отдельных групп конных и пеших красноармейцев, направляющихся на фронт.

Штаб бригады ушел вперед, не то в Кабановскую, не то в Екатерининскую станицы. Вечерело, и мы остались на ночлег в Пресноредутской. В ночной охране активное участие приняли поручик и семеро его солдат, теперь мы называли их красноармейцами и относились друг к другу как равные.

На следующий день решили отправиться на поиски штаба бригады. Женщин и детей, две кареты и домашние вещи оставили на квартире в станице, а подлежащие конфискации предметы и товары были разложены на двенадцать подвод, куда впрягли по паре лошадей. Перед обедом мы выехали из станицы с другими обозами, всего более пятидесяти подвод. Было это, насколько помню, 9 сентября. На каждой подводе сидело по два красноармейца. Тут же ехало около двадцати конных бойцов. Часа через два въехали в Семиозёрную и сделали остановку. Все жители поселка были мне знакомы. Двинулись дальше по тракту на Кабановскую. Вокруг лежала чистая равнина и станицу можно было видеть как на ладони. Только в километре от столбовой дороги, по обеим ее сторонам, возвышались лесистые холмы. Проехав половину пути, десяток конных отделились от обоза и поскакали вперед. У самой станицы они попали под обстрел. Мы схватись за винтовки. Вскоре увидели наших всадников, скачущих обратно. От них мы узнали, что в станице казаки и приняли решение их выбить. Нас было около тридцати конных и около ста красноармейцев на подводах, все вооруженные винтовками. Мы заметили скачущих к лесам всадников, на ходу стреляющих в нас. Перестрелка прекратилась, когда закончился лес.

Возвратившись в Семиозёрную, начали выяснять обстановку. Обозов с красноармейцами здесь прибавилось. Никто из нас не верил, что впереди регулярные белогвардейские части. Все считали, что это группа белоказаков, скрывающихся в лесах для организации паники в тылу Красной армии. Мы хорошо знали, что 26 и 27 стрелковые дивизии находятся восточнее, в 50-60 верстах от Петропавловска. Правда, в последнее время связь была нарушена и сведения приходили с большим опозданием. Необходимо было ликвидировать банду, стали формировать опергруппу. Вскоре на дороге появились всадники с развевающимся красным знаменем. Наконец они подъехали к нам. Группа конников в 50-60 человек оказалась конной разведкой 35-й стрелковой дивизии. Вслед за ними показались тысячи подвод дивизии. К нам подъехал командир 310-го стрелкового полка. По его приказу около ста всадников поскакали на Кабанью, Ваня Блидарев и я не отставали. У станицы рассыпались крылом и понеслись вперед, несмотря на стрельбу. Вскоре заметили удирающих по улицам казаков, среди них были даже в одном белье. Они скрылись в лесу, за станицей. Их было около тридцати человек, но о том кто они, ни казачки, ни старики ничего на наши расспросы не ответили. Из леса затрещали пулеметы, и преследование прекратили. Убитых не было, но три лошади были ранены.

Разгром полков 5-й дивизии под пос. Островным.

Реконструкция автора

Солнце было на закате, командование решило остаться на ночевку. Полк был приведен в порядок, кругом выставили заставы. Прибыла артиллерия, и продолжали подходить другие полки: 311 и 312, а 307, 308, 309 пошли южнее, по деревням Макарьевка, Исаевка. Они на десятки верст растянулись по дорогам. По рассказам бойцов, дивизия перебрасывалась сюда из Кустаная

после небольшого отдыха и пополнения. Станица была полна народа - более полутора тысяч бойцов, а сколько подводчиков к лошадям и телегам! Как только стемнело, началась перестрелка с трех сторон, ружейная и пулеметная. За ночь перестрелка возобновлялась несколько раз. На рассвете часть пока пошла в наступление на лес и выбила оттуда казаков. Их оказалось более 200 человек. Остановки больше не было до Екатериновской, но у самой станицы завязался бой, здесь казаков оказалось еще больше. Со стороны противника загремела артиллерия, видимо, одна батарея, тут подкатили наши трехдюймовые орудия и тоже открыли огонь. Полк снова перешел в наступление, и противник был разбит. Белых было более полка. Мы недоумевали, в чем дело, как могло случиться, что столько белогвардейцев осталось в тылу? Наконец подошли 311 и 312 полки, и белых погнали без остановки. Они было закрепились в Островской, но 310-й полк погнал их дальше. На закате солнца мы вошли в Станицу Пресновскую, что в 12 верстах от Островки и приняли решение здесь заночевать. Сюда вместе с полком прибыл только наш обоз, а остальные остались где-то позади. Штаб бригады тоже куда-то исчез. Мы не знали, что предпринять. Ночевали беспокойно, всю ночь стреляли. А едва только 11-го сентября стало светать, как разгорелся жестокий бой. Белоказаки повели в атаку на станицу отряды конницы и пехоты, состоящей из офицеров, татар, чувашей и башкир. Поначалу полк успешно отражал атаки. Наша батарея непрерывно вела огонь, но скоро стало заметно, что казачьи полки стали обтекать полк, угрожая сомкнуть кольцо и окружить станицу. В ходе боя от захваченных пленных удалось установить, что под станицей сосредоточено более пяти тысяч штыков и сабель и такое же количество белых ведут бой в тылу, в станице Островской с 312 стрелковым полком. Командование пока решило отойти с боем для соединения с 311 и 312 полками. Для этого всех конных бойцов собрали в одну группу в 120 человек, в их числе были и мы с Ваней, и бросили для прикрытия левого фланга отступающего полка. Пресновская расположена между трех озер площадью не более квадратного километра каждое. Два из них расположены на юго-западе. Их отделял узкий перешеек, а третье озеро расположено на восточной стороне. За озерами рассыпались березовые леса. Полк должен был, выходя из станицы, пройти по чистой равнине около трех верст. Полк поспешно начал отходить и вести уличный бой с ворвавшимися в станицу белогвардейцами. Батарея до последнего снаряда была по противнику прямой наводкой. Потом, испортив орудия, уцелевшие бойцы присоединились к нам. Командир батареи, по рассказам артиллеристов, уже окруженный, застрелился. Едва полк отбил от нападавшего врага и вышел на поляну, как с востока из леса за озером вырвалась огромная лавина казачьей конницы в несколько тысяч всадников и, рассыпавшись широким фронтом, сверкая на солнце клинками, с остервенелыми криками понеслась на полк. В это время на нашей стороне за озерами прорвалась такая же лавина – в первую очередь она угрожала нам, ведь отрезав путь отхода, она могла в один миг смять и уничтожить нас, так как превосходила нас по силе в десятки раз. Теперь нас мог спасти только быстрый бросок назад к лесу. Оторвавшись от противника, мы устремились к виднеющейся в лесу узкой просеке. В это

время нам видно было, как казачьи сотни с восточной стороны ворвались в расположение рассыпавшегося по равнине полка, и разгорелась невообразимая и неравная рукопашная схватка. Сюда же бежала занявшая станицу белогвардейская пехота. По нам из станицы белые вели ружейный и пулеметный огонь, изредка на полном ходу падали наши бойцы.

С правой стороны быстро наперехват нам неслась вторая казачья лавина. Причем она приближалась, растянувшись длинной змеей и головная часть ее была жидковата, основная же часть осталась далеко позади. Чтобы задержать нападение этой лавины на 310-й полк нам нужно было остановить ее. Но, этого сделать не удалось, так как у нас не было ни сабель, ни пик, а только винтовки. Пришлось скакать к лесу и оттуда открыть огонь по белым. Десятки всадников покатались кубарем вместе с лошадьми. Противник не ожидал от нас такого поступка. В головной части произошло замешательство, многие отхлынули от леса подальше. Но вскоре обнаружилось, что нас обходят, и мы бросились просекой дальше в лес. В конце ее столкнулись с казачьей сотней, численностью человек 50, они были в один миг нами смяты и рассеяны по лесу. В этот момент мы попали под оружейно-пулеметный огонь белой пехоты, которая оказалась тоже в этом лесу. Подо мною убили коня, я едва успел вынуть ногу из стремени, как он рухнул на землю. Ко мне подскакал Ваня, и я запрыгнул к нему. Лесом пробирались более трех верст, выехали на равнину. Кругом ни души. Только слышно было, как позади kloкотал бой 310-го полка. Впереди грохотали орудия. Это в Островской 312 полк бился с белыми. Слышен был орудийный гром и правее от нас. Это, как потом узнали, части 5-й дивизии вели бой под станицей Лапушинской. Я был ранен в руку и залил кровью Ванину шинель. Раненых оказалось более десятка, а около тридцати товарищей погибли в этой схватке. Мы приняли решение вернуться к гуртам и вечером уже были в родной Песчанке. Здесь мы узнали, что в Макарьевке, Исаевке и Ольгинке 307,308,309 полки ведут ожесточенные бои с колчаковцами»[13].

Анализируя причину поражения, Церахто приходит к выводу, что быстрое продвижение 26-й и 27-й дивизий Красной армии привело к нарушению связи с тылом и «огромным разрывом фронта». Названные дивизии начали отход из-под Петропавловска по железной дороге на Курган, а на линию казачьих станиц ни одна красная часть не отошла, поэтому она осталась не прикрытой и Сибирский казачий корпус беспрепятственно вышел к Пресновской. Прибывшая со станции Лебяжье 35-я дивизия в составе двух бригад, шести полков, не зная о создавшемся положении с ходу головной своей частью попала в окружение. В первый же день жестоких боев полки понесли тяжелые потери. Особенно пострадал 310-й полк, шедший во главе дивизии и первым попавший в Пресновскую.

После поражения группировка красных под Кабаньим составляла более 2000 бойцов и командиров (307-й полк и остатки пяти разбитых полков). К ним на помощь шел со стороны Пресногорьковской батальон 312-го полка. Ждали в Кабаньем и 311-й полк, шедший из Кустаная (около 1500 человек). Командир 5-й дивизии Карпов получил приказ имеющимися силами удерживать поселки Кабаний, Пресноредут, Камышловку.

По местам боев южнее старого тракта. Лето 2021 года.

****В боях под Пресновкой участвовали пресногорьковчане братья Степановы – Федор(1901 г. р), Петр(1898 г р) и Константин. Федор ранней весной перешел с сотней казаков на сторону красных, а с братьями повстречался на линии осенью 1919 года. Жена Федора Екатерина Григорьевна вспоминала, что по ночам во время боев братья приходили домой, погреться, поесть. «Зыркают друг на друга глазами, но молчат. Только, когда расходились, Костя говорил – попадешься, Федька, в бою – не пощажу...». Урядник Константин служил в Атаманской сотне Огаркова, Петро – в одном из казачьих полков. Федору удалось уцелеть, уйти живым из-под Пресновской. Подвергался репрессиям. Добровольцем ушел на фронт, поначалу воевал в кавалерии, за Сталинград получил медаль «За Отвагу». Геройски погиб в 1943 году под украинской деревушкой Перемога Харьковской области, был раздавлен немецким танком у своего орудия. Костя вернулся из отступа, болел тяжелой легочной болезнью и умер в 1921 году. Похоронен в Пресногорьковке (не исключено, что на самом деле был расстрелян как участник восстания 1921года). Петр чудом избежал репрессий, воевал с 1942 по 1945 год, скончался в Пресногорьковской в 1971 году. Всю жизнь носил казачью фуражку и лампасы. Старшие братья принимали участие в 1-й мировой войне. Сын Федора Александр ушел на фронт со школьной скамьи*

мстить за отца. Воевал под Кенигсбергом. Стал полковником. Внук Федора Сергей Степанов профессиональный военный, полковник.

Степная группа (командир генерал Лебедев) развила успех, наступая на Пресногорьковскую и далее – на Тобол. Партизанская группа в составе Уральской группы действовала севернее, на территории современного Половинского района. 11 сентября 2-я Оренбургская казачья бригада во главе с генералом В.М.Пановым прибыла в Привольное. Авангард выдвинулся на Сухмень, в бою был ранен подъесаул Караулов, ночью красные после непродолжительного боя отступили.

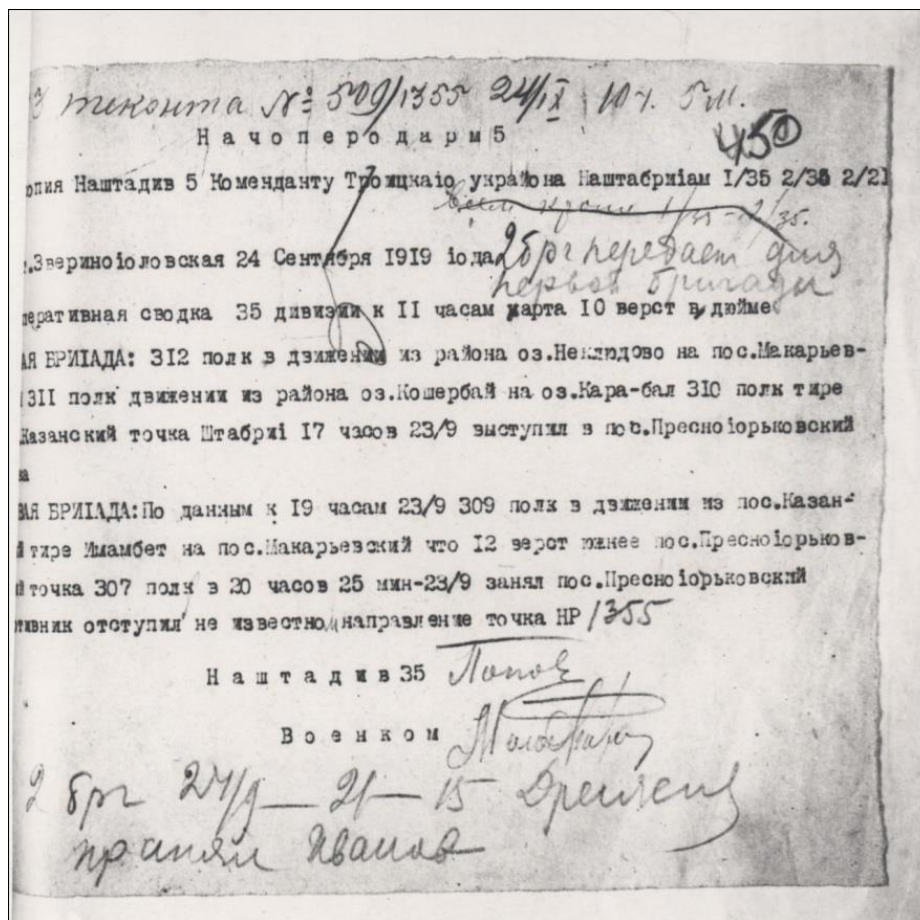
На рубеже Батырево-Лопатинское группа задержалась на две сентябрьские недели. Деревни несколько раз переходили из рук в руки. Оренбуржцы считали, что: « Бои затянулись, благодаря дурным действиям Сибирского казачьего корпуса, который должен был действовать в юго-западном направлении на Курган и не выполнил возложенной на него задачи». Лишь 21-го сентября в районе деревни Хуторской красным бойцам был нанесен серьезный удар.

Вначале была проведена разведка боем – сотня кавалеристов бросилась в атаку с целью выяснения позиций противника и была встречена пулемётным огнем. На другой день красные атаковали по чистому полю Ижевскую дивизию (командир генерал Молчанов), бой завязался на опушке леса. Исход боя решила фланговая атака оренбуржцев, взявших в плен 216 человек и пулеметы. Хуторскую взяли через сутки. 23 сентября 2й и 34-й полки с боем овладели деревней Успенской, захватив 60 пленных.

1 октября 2-я бригада вышла на Тобол в районе деревни Чернавской. Севернее позиции по Тоболу занимала Ижевская стрелковая дивизия, слева располагалась Партизанская группа Анненкова. Остальная часть Партизанской группы Доможирова в период с 1 по 14 октября занимала уже известные бойцам по августовским боям позиции в районе Алабугского и южнее, прикрывая район деревни Федоровки (ныне Узункольский район). В этот период, наконец, наступило временное затишье.

Части 35-й дивизии продолжали наступление и 26 сентября вышли на линию Макарьевский, Исаевский, поселок Пресногорьковский. Но в это время, совершенно неожиданно, был обнаружен глубокий обход белыми правого фланга армии. Сильные казачьи части появились с юга на фронте п. Казанский, озера Джилымбы, и, стремительно наступая, опрокинули правофланговые части 35-й дивизии, захватив крутоярский. и отрезав. Таким образом, остальные части этой дивизии от ее штаба, находившегося в станице Звериноголовская. Этим движением белых правый фланг 5-й армии был поставлен в крайне тяжелое положение. Для предотвращения дальнейшего обхода и ликвидации его были сформированы несколько партизанских отрядов, которые и двинуты на крутоярский. 26 сентября один из этих отрядов, приблизившийся к Крутоярскому, был отрезан белыми, захватившими сибирский и песчаный, прочие отошли на запад, активно обороняясь. В то же время командир 2-й бригады, будучи отрезанным от своего полка, по собственной инициативе двинул часть своих сил с северо-востока на Крутоярский и 28 сентября очистил его от белых, захватив 3

пулемета и 2 патронных двуколки с лошадьми. Связь с частями дивизии была восстановлена. (И.Полозов)

Оперсводка 35-й дивизии от 24 сентября, Звериноголовская

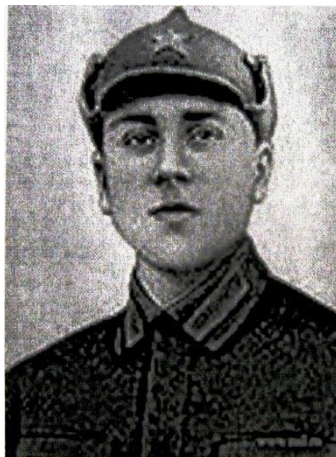
Прорыв казачьих частей на Крутоярскую и настроение среди красноармейцев описал военком 35-й дивизии И.Погодин. Назначенный в конце сентября 1919 года военным комиссаром 35-й дивизии Иван Погодин выехал из Челябинска к месту назначения. Он пишет: «Штаб армии несколько дней не знал, где находятся части дивизии, отступающие от Петропавловска. Сам штаб частью находился в Кургане, частью (оперативный отдел) в станице Звериноголовской, на расстоянии свыше 200 верст от Кургана.

В поселке Песчаном, 15-18 вёрст от станицы Звериноголовской, я соединился с товарищем Нейманом, который принял и командование дивизией тоже только два дня тому назад (начдив командовал дивизией с 20 сентября – С.В.)...С отступающими частями дивизии, под командой командира 1-й бригады Павлова связи у начдива не было. Накануне этого дня неприятельский казачий корпус, пройдя в одну ночь по казахской степи свыше ста вёрст, вышел в тыл нашего правого фланга. Нейман собрал все, что было можно в тылу собрать: особые отряды. Технические роты, обозников, составил отряд и выслал его против казачьего корпуса под командой комбрига 2-й Татаринцева. О результатах действия этого отряда сведений не было. По всем поселкам вокруг бродили отсталые и раздетые команды красноармейцев. Познакомив меня с положением, Нейман усталый лег спать, попросив меня подежурить, так как в поселке Песчаном был в нашем распоряжении один

адъютант начдива и человек 10 конных ординарцев. Часов около двух ночи какой-то конный красноармеец, запыхавшись. Ворвался в избу, что отряд товарища Татаринцева разбит казаками и остатки его захвачены в плен, и что только ему одному удалось ускакать и спастись.

Песчанка. Вид на Звериноголовский тракт. Фото Э.Крейтера.80-годы.

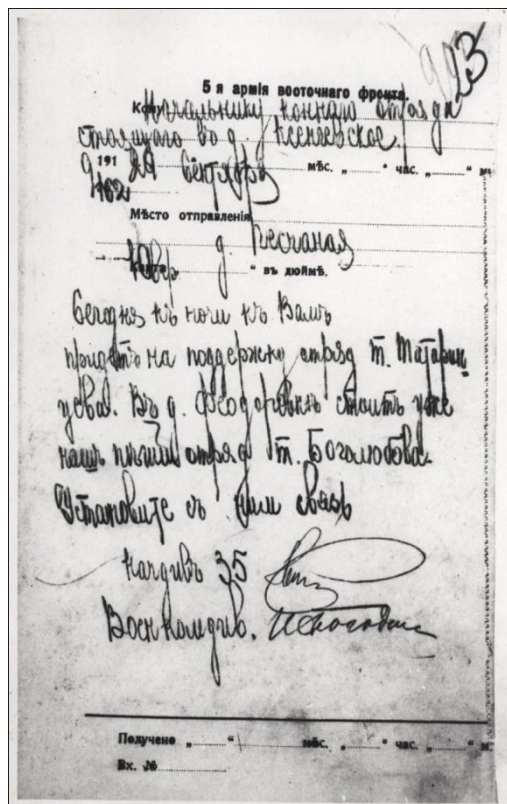

Начдив-35 Нейман Константин Августович

Нейман набросился с бранью на красноармейца, требуя от него, что ничего не знает. Врет, и что он трус. Бежавший с поля сражения. Лишь после того, как его разоружили, он сознался, что видел как начинался бой. Остальную часть ночи мы провели в тревожном состоянии... учитывая, что рассказ красноармейца похож на правду.. На другой день рано утром застава донесла, что по дороге в посёлок с севера несётся какой-то обоз и не успели мы опомниться, как весь посёлок наполнился грохотом и гамом скачущего в

панике во весь дух громадного обоза, на телегах которого сидело по 5-6 красноармейцев. Мы попытались с Нейманом остановить обоз. Но не тут-то было, никто не обращал внимания на наши крики и обоз продолжал в беспорядке мчаться в тыл по дороге на станицу Звериноголовскую. Я с четырьмя ординарцами поскакал догонять голову обоза.

Догнал в трёх верстах от посёлка и выстрелами в упор в переднюю подводу остановил весь обоз. Оказалось, что это обозы второго разряда наших отступающих полков, которые через жителей казаков получили сведения о казачьем корпусе, вышедшем в тыл частям на тракт и, из боязни быть отрезанными. Создали такую панику. Когда я их ссадил с телег и построил, оказалось, что можно было сформировать целый полк. Но так как некоторые были больны и большая часть абсолютно голы и босы, то снимая с одного штаны, с другого сапоги и одевая их на того, у кого была гимнастерка, удалось набрать человек 250. Из них мы составили отряд и предложили ему занять ближайšie посёлки в сторону фронта. Татаринцев со своим отрядом разбил один казачий полк противника, захватил несколько пулеметов и пленных, остальная часть казачьего корпуса опять степью удрала. Вскоре была установлена связь с комбригом Павловым и его частями. Это событие настолько ободрило всех, что полученный приказ командарма о дальнейшем отступлении к Тоболу исполнялся с некоторым неудовольствием. Дальнейшее отступление на Тобол проводилось частями планомерно и в полном порядке»[7].

Приказ Неймана о движении отряда Татаринцева, написан в Песчаном 26/9

К вечеру 29 сентября части 5-й армии занимали линию пос. Пресногорьковский, Казенная, Ново-Байдарская, Дубровная, Колесникова, Щепоткова, Глубокая. Последствием этих многочисленных боев стало крайнее истощение и утомление частей. Правый фланг армии оказался выдвинут далеко вперёд и рисковал быть охваченным с двух сторон. 29 сентября в 19 часов командармом был отдан приказ об отходе за реку Тобол. Он был выполнен без особого давления со стороны белых [8].

Озабоченный положением на Восточном фронте В.И. Ленин предложил командованию обдумать и провести перегруппировку войск так, чтобы «усилить все дивизии процентов на 15-30 и тем довести всю армии до прежнего состава» (ПСС.т.51.с.53).

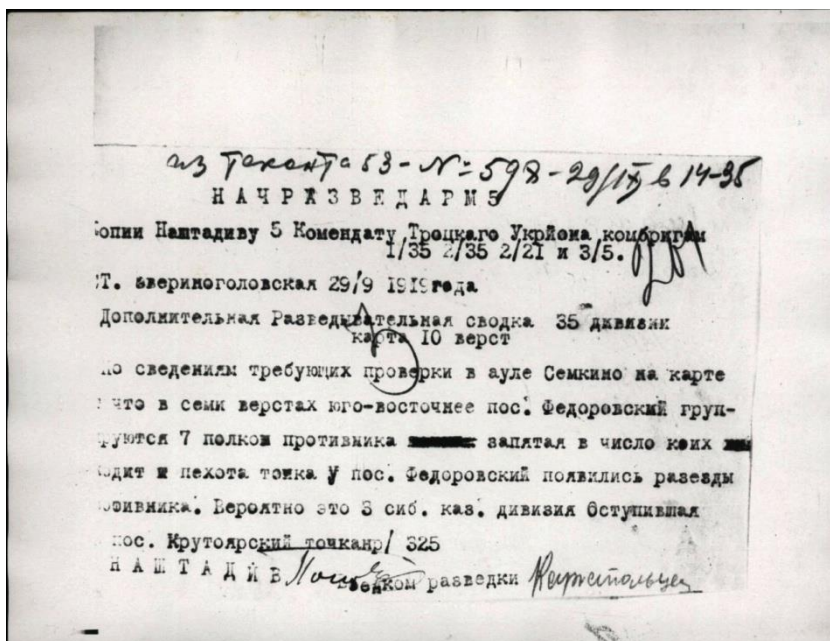
К.А.Нейман(в чёрном пальто), Погодин и Павлов в ст.Звериноголовской

О проведенной во время оперативной передышке на Тоболе работе по мобилизации местного населения пишет И.Погодин: «Все наши части расположились за Тоболом и спешно начали приводить себя в боевой порядок. Все созданные на скорую руку отряды были расформированы и влиты в полки. Была объявлена мобилизация населения. Крестьяне шли на сборные пункты обутыми и одетыми. У них были куплены спрятанные по заимкам лошади. Со сборных белогвардейских пунктов массово бежали украинские крестьяне – переселенцы и просили записать их в «свою» армию, чтобы воевать с ненавистными казаками. Части получили теплое обмундирование и ботинки.

Политотделы вели активную агитационную работу среди казачьего населения. Казаки «буквально все считали безнадежной и бесцельной борьбу белогвардейцев против нас»[7]. На сходах выбирали агитаторов и посылали за реку, что имело свои последствия – во время наступления сдавались

большими группами и даже эскадронами. Прделанная работа во второй половине октября дала положительные результаты.

На левом фланге белой армии продолжала действовать Степная группа в составе группы генерала Доможирова (район деревни Федоровское), 5-й Сибирской казачьей дивизии, Ижевской стрелковой дивизии, 1-й дивизии генерала Церетели. Здесь же действовал егерский батальон Ставки и отряд «крестоносцев» из Омска, численностью в 600 человек. Всего в группировке белых было 2000 штыков, 3000 сабель, 40 пулеметов, 50 орудий.

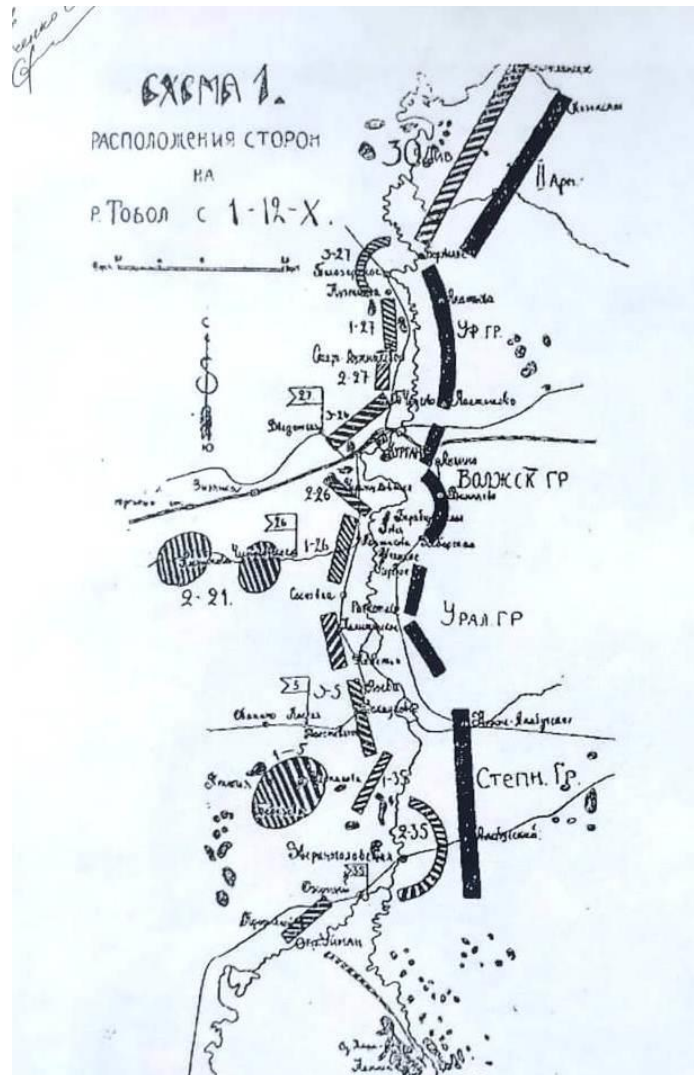
Разведдонесение от 29/9 о появлении казаков у Федоровки

Доможиров Лев Николаевич

На 17 октября 3-й армии белых ставилась задача: «Волжской группе, прочно удерживаясь на своем фронте, не позже 8 часов совместно с Уральской

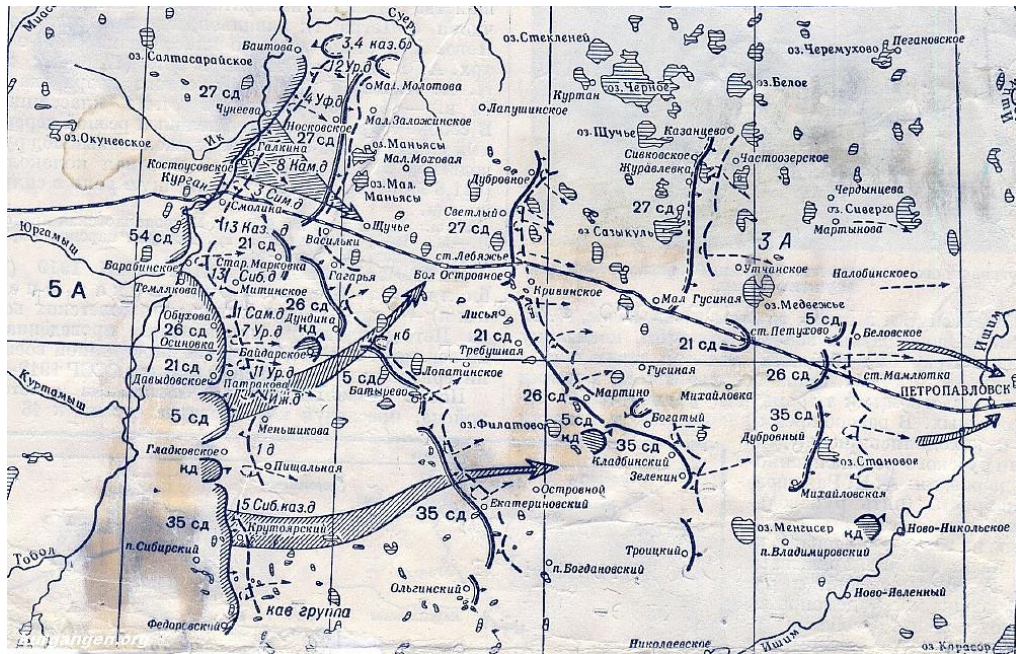
группой решительно атаковать противника своим левым флангом в общем направлении на юг для ликвидации красных в районе Нагорская, Обухова, Патракова. Правому флангу Степной группы разбить красных в районе р. Алабуга северная».

Положение армий на реке Тобол (1-14 октября)

Но красные опередили, нанеся превентивный удар. Ранним утром 14 октября 1919 года 5-я советская армия начала форсировать Тобол. Несмотря на огонь белых и крошево изо льда, красные на плотках смогли переправиться через реку и закрепиться на берегу. Здесь, на плацдармах, двое суток продолжались ожесточенные бои. По свидетельству начальника 26-й дивизии РККА Эйхе «противник проявлял большое упорство. Часто переходил в контратаки». Начальник штаба армии И.Смирнов докладывал Ленину: «Настроение твердое. Организуя местные силы с Колчаком справились, нужны только обмундирование и патроны. Вчера перешли в наступление по всему фронту, думаем в три недели дойти до Ишима» (ПСС.т.51с.388). Смирнов ошибся – до Ишима дошли за две недели. На участке Ижевской дивизии при переправе выпустили полк конницы. При отходе Ижевская дивизия и 2-я Оренбургская казачья бригада оказались в окружении.

Чтобы выйти из окружения, на рассвете был предпринят набег на Давыдовское, но сбить красных не удалось. Когда полк подошел к деревне и стоял в логу, ожидая задачи, я был ранен в ногу и не мог уже участвовать в бою и в санитарной повозке двигался за полком. После неудач под Давыдовской двинулись на восток через Александровское, очистив ее от красных и двинулись на Байдарскую. Красные ставили заслоны, но они опрокидывались 2-м и 5-м полками, и ижевская дивизия, охраняемая оренбуржцами, вышла из окружения и присоединилась к армии.

Карта II этапа Петропавловской операции(14-30 октября)

Ижевец Ефимов вспоминал о взаимодействии Ижевской дивизии с бригадой Панова в эти дни: «В 2 часа в ночь на 17 октября дивизия двинулась дальше на село Давыдовское, уже захваченное красными. 1-й полк атаковал село на рассвете и отбросил красных к северу. Взяты пленные 321-го полка 26-й дивизии. На колокольне был замечен наблюдатель противника, который отказался слезть вниз. Юнкер 1-го полка взялся захватить его и полез наверх. Завязалась борьба, юнкер одолел и наблюдатель полетел вниз»[5].

К красным из деревни Глядянки подошли 181 и 182 полки 21 дивизии и с их поддержкой 231-й полк перешел в атаку. От деревни Патракова появились еще 229-й и 230-й полки. Собралась вся их 2-я бригада, знакомая по боям в первые дни сентября.

Среди перелесков и на полях со сложенными в копны снопами пшеницы разыгрался упорный бой с насевшими на нас красными.

2-я Оренбургская казачья бригада, присоединившись к дивизии, два раза посылала сотни в атаку. В первой атаке казаки порубили продвинувшуюся вперед цепь красных. Во второй атаке был убит командир головной сотни – красные выставили большое количество пулемётов и атака не удалась». Рабочие Ижевской дивизии и казаки-оренбуржцы дрались отчаянно, ходили в штыковые атаки, захватили много пленных, но и сами понесли тяжелые

потери. Красные превосходили белых численностью и пытались отрезать их от основных сил отходящей на восток армии. Поселок Александровский оказался пуст. Об этом доложила конная разведка оренбуржцев, но следующая по дороге деревня Меньшиково пехотным и кавалерийским полками. Окружение, которого опасались командиры с момента отхода от Тобола, стало явью. Отступавшие по флангам соседи отходили быстрее. Угроза оказаться в глубоком тылу противника заставила действовать решительно.

Генералу Молчанову доложили, что красные успели у Меньшикова укрепиться, вырыть окопы, у них отличный обстрел. Атака головного отряда была отбита сильным ружейным и пулеметным огнем. Подступы к деревне были совершенно открыты на полторы-две версты, и только к северу от деревни в полуверсте находился небольшой лесок. У попавших в окружение частей был большой обоз с ранеными и семьями офицеров, сковывавший быстрое движение.

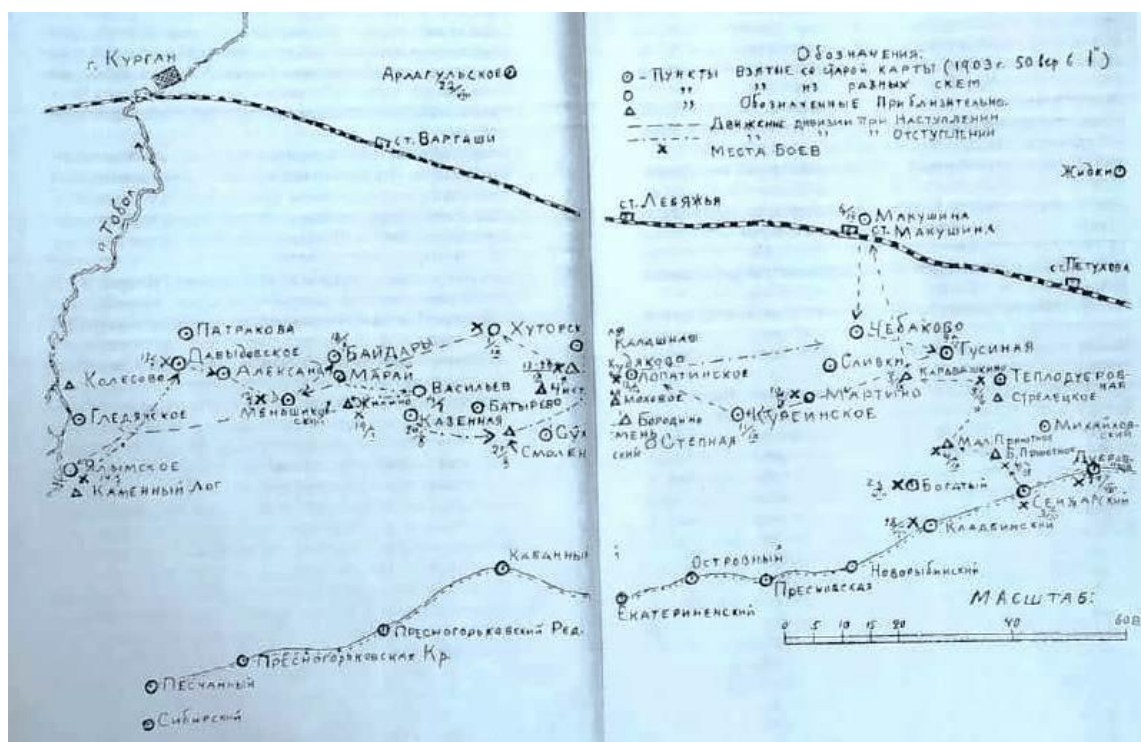

Схема наступления и отхода Ижевской дивизии совместно со 2-й Оренбургской бригадой .

Южнее, по тракту отступали остальные части Партизанской группы и 5-я Сибирская казачья дивизия

Генерал Молчанов решил обойти деревню с севера, где по сведениям проводников была полевая дорога на деревни Ново-Байдарская и Марайская. Дорога проходила в 2-3 верстах от Меньшикова, среди небольших лесных групп, но часть ее была видна от занятой красными деревни.

Ефимов пишет: «3-му Ижевскому и 42-му Уральскому полкам приказано оставаться перед деревней Меньшиково и поисками разведчиков привлекать внимание противника. Остальная колонна свернула на полевую дорогу. Красные зорко следили за нами и наши разведчики донесли, что

эскадроны противника начинают выстраиваться и выслали разьезды в небольшой лесок к северу от деревни. Было очевидно, что красная кавалерия собирается преградить нам путь по северной дороге.

Надо было не только отбросить конного врага, но и по возможности уничтожить его, чтобы он не мог в дальнейшем мешать движению. Генерал Молчанов наметил план действий, сообщил генералу Панову и выразил сожаление, что этот план невыполним. Это был своего рода маневр. Генерал Панов не был подчинен генералу Молчанову, а характер имел упрямый, любил спорить и настаивать на своём, чтобы все делалось так, как хочет он. Чтобы не терять много времени на уговоры надо было дать почувствовать генералу Панову, что решение зависит от него, что он план одобряет и будет его выполнять. На сомнение о выполнимости плана Панов сразу же возразил: «Почему это нельзя сделать? Конечно, это выполнимо и я сделаю».

Молчанов Викторин Михайлович

Немедленно были даны распоряжения. Движение полков было приостановлено в лесу. Казаки собрались в лесу. Не выходя на восточную опушку. Перед ними обширное поле. По полевой дороге потянулись обозы, выходя на открытое место. Первым двигался обоз штаба дивизии, и на передней повозке сидела жена начальника дивизии Наталия Константиновна Молчанова, показывая пример самообладания другим женам офицеров и солдат. Обозники были предупреждены, что на них предполагается нападение неприятельской кавалерии, которую казаки атакуют и отбросят прежде, чем они доскачут до обоза.

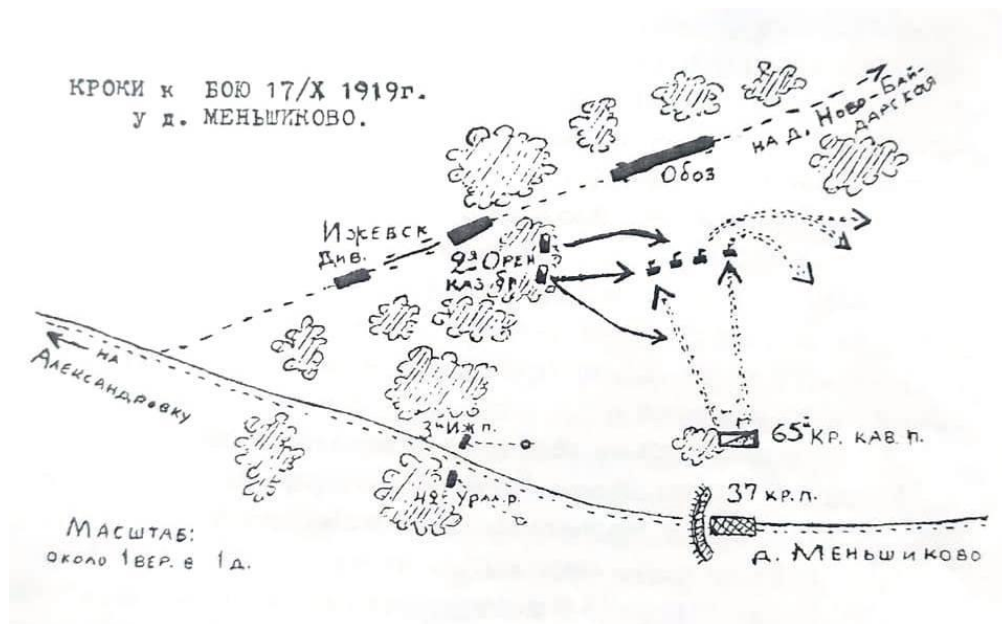
Когда обоз вытянулся на поляну, красные действительно соблазнились легкой добычей и двинулись в атаку. Послышались громкие выкрики команд, засверкали шашки, раздался торжествующий крик «ура!» и красная кавалерия бросилась на обозную колонну. Несмотря на предупреждение некоторые крестьянские подводчики и обозники не выдержали грозного зрелища несущейся на них кавалерии и бросились бежать. Большая часть колонны

продолжала движение, и можно себе представить, как чувствовали себя сидевшие на повозках обозные и семьи бойцов! Но не успели красные доскакать до обоза, как на них обрушились казаки. Отчаянная схватка продолжалась недолго. От неожиданности всадники противника смешались и бросились назад и в разные стороны. В то время как часть казаков рубила опешившего врага, другие бросились отрезать им путь отступления на Меньшиково. 65-й кавалерийский полк погиб на три четверти. Казаки понесли незначительные потери. Это было лихое кавалерийское дело. На поляне осталось много убитых красных всадников. Были взяты пленные, лошади, оружие.

37-й красный полк 5-й дивизии не вышел на помощь своей коннице и не пробовал беспокоить нас на марше. Захватив за этот долгий и тяжелый день более 200 пленных, мы спокойно продолжали путь по полевым дорогам, который указывал проводник.

Вечером умер тяжелораненый три дня тому назад командир 2-го Ижевского полка капитан Ляпунов»[5].

В мае 2011 года группа краеведов (Винокуров О.А., Виниченко С.Н., Дедов А.И.) побывала в этих местах. С помощью жителя села Александровки была отмечена братская могила в 3 километрах от села Меньшиково по дороге на Александровку. Захоронение представляет собой низкую, едва заметную насыпь, рядом с деляной.

В августе группа поисковиков из Кургана, Кустаная, Петропавловска, Пресновки под руководством О.А.Винокурова произвела раскопки у села Башкирского Половинного района Курганской области, в 30 км севернее Пресногорьковки. Целью группы был поиск братского захоронения, оставшегося после жестоких осенних боев 1919 года. По словам местных жителей, в течение трех суток они не покидали погребов, а когда стрельба прекратилась, то самые смелые пробрались на поле боя, где их глазам предстала страшная картина – поле было покрыто телами убитых. Белых и

красных башкирцы сложили в общую могилу в центре погоста, за его пределами оказалось еще одно захоронение, за которым никто не ухаживал. Время выровняло земельный холмик, а разросшееся кладбище постепенно поглотило его.

Виниченко, Винокуров, Дедов на месте прорыва Ижевской дивизии. 2011 год

О захоронении окончательно забыли. Первый найденный убитый лежал на спине под двумя березовыми бревнами. При жизни он был высоким молодым человеком, погибшим от сабельного удара, повредившего несколько ребер и лопатку. Под ним на левом боку лежал другой казак. Лицо его было когда-то изуродовано ударом приклада, разможжены обе челюсти, выбиты зубы. Руки сложены так, будто были связаны спереди. Найдены пуговица с орлом и оловянная пуговица с нижнего белья, непонятная медная трубочка и остатки странной кожаной обуви. Экспедиция на этом закончила поиск - стало ясно, что убитые сложены в два ряда, их более десятка. Прах был захоронен вторично, поставлен крест, сформирован могильный холмик, проведен молебен об убиенных.

Ранним утром 18 октября части вышли к Новобайдарской и Марайской, отдыхали до 16 часов и под сильным огнём красных отошли к Васильевке. Здесь располагались части Уральской группы, связь с которыми была потеряна 16 октября. Окружение было позади.

19 октября подошли части Сибирского казачьего корпуса, и 2-й Ижевский полк вместе с 4-й Сибирской казачьей дивизией атаковали деревню Жилино. Красные были выбиты и отступили. Но ижевцы потеряли 6 офицеров и 95 солдат. 20 октября, 38-й и 43-й красные полки (комполка В.И.Чуйков), после упорного боя с конными арьергардами белых, заняли деревню Васильевскую. Части Ижевской дивизии к этому времени уже отошли в деревню Казенное и далее – на хутор Смоленский. Деревни

Батырево и Чистая 20-го октября были оставлены соседями справа. Слева Степная группа продолжала откатываться и дивизия вновь попадала под угрозу окружения.. Выпал снег. Тяжелые недельные бои, отсутствие резервов и пополнений и большие потери вынудили армию к прекращению бесцельных операций и отходу за реку Ишим. 34-й Оренбургский казачий полк отходил на восток по тракту вместе с 5-й Сибирской казачьей дивизией (командир войсковой старшина П.П.Копейкин).

В конце октября на оперативных картах Партизанская группа генерала Доможирова обозначена на правой стороне реки Ишим против поселка Новоявленный в урочище Чубарья. Группа должна была быть включена в состав Оренбургской армии (командир генерал-лейтенант А.И.Дутов) и отходить через Центральный Казахстан в Китай.

Однако, все командиры участвовали в Сибирском Ледяном походе на восток и не ушли с Оренбургской армией. Видимо, Партизанская группа в составе Оренбургской армии не сохранилась как боевое подразделение. 16 ноября была упразднена Степная группа, ее остатки перешли Иртыш у Павлодара.

Л.Н.Доможиров числился в резерве чинов Восточного фронта (на 01.1920). Ехал в эшелоне дежурства штаба Восточного фронта. Добровольно сдался в плен РККА в районе Красноярска и поступил в распоряжение штаба 5-й Армии красных (01.1920). Расстрелян. Другие командиры оказались в эмиграции. А.Ганин пишет, что еще в марте 1919 года, выступая на казачьем сходе в станице Кизильской, Л.Н.Доможиров выразил сомнение в возможности успешной борьбы с большевиками (ВИЖ,2006 г.).

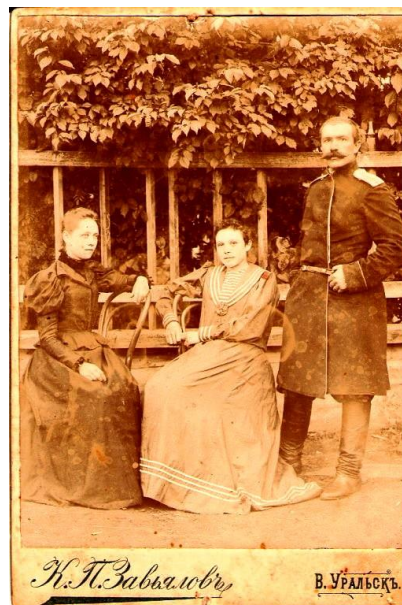
Генерал Доможиров Лев Николаевич (18.02.1868-1920) из обер-офицерских детей станицы Магнитной 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска.

После смерти жены во втором браке (не ранее 1910) с Софьей Аифаловной Светлосановой (?–1975). Дети: Дмитрий (1910?-1921), Лев (1911?-1921), Мария (1913, Варшава - 2003), Яков (1919-2006, род. в Троицке, военный врач, жил в Москве).

На месте раскопок. Башкирское. Август 2011 года. Фото автора.

Внук генерала Михаил писал: «Бабушка Софья Афаиловна рассказывала мне, что дедушку, по словам приехавшего к ней сослуживца, сначала отпустили, затем в дороге снова арестовали и расстреляли. Красные опасались мести за убийство командира Доможирова. Предательства среди казаков, как правило, не было)». Отец Михаила Тарасова Диодор был одним из разработчиков ядерного оружия в СССР.

Генерал Панов Виктор Михайлович (1875-1936) командовал в Приморье сводным казачьим дивизионом с 18 ноября 1920 года. Родился в станице Усть-Уйской. Из Приморья попал в порт Гензан (Корея). Затем переехал в Шанхай. Работал сторожем на табачной фабрике, исполнял обязанности церковного старосты в соборе. По убеждениям монархист. Материальное положение генерала Панова в эмиграции было очень тяжелым и отчасти явилось причиной его преждевременной смерти. «Покойный отличался редкой прямоотой характера, честностью, порядочностью и упорством и был весьма скуп на разговоры, отчего он, может быть, казался угрюмым и иногда даже дерзким». По мнению соратников, был хладнокровен и выдержан в боях.

Генерал Наумов Николай Матвеевич (1881-1953) с 29 января 1920 года служил помощником командира сводной казачьей бригады в составе 3 армии. В.А.Бородин в 1920 году командир 1-го Оренбургского казачьего полка отдельной Оренбургской казачьей бригады. Родился в станице Пречистенской Оренбургского уезда Оренбургской губернии). Похоронен в Сиднее (Австралия) на русском участке кладбища Руквуд (Rookwood).

Генерал Бородин Василий Аристархович(1883- до 1952, Шанхай). С 1922 г. в эмиграции в Китае, летом 1925 член Харбинского офицерского союза, на 24 марта 1926 г. и 1929 г. член Казачьего союза в Шанхае.

Полковник Воротовов Михаил Флегонтович (1894.01.04-не ранее 1937, Харбин) из ст.На-следницкой 2-го ВО ОКВ. Супруга Клавдия Васильевна Воротовова (1901). Сын Сергей (1927).Автор воспоминаний.

Генерал Молчанов Викторин Михайлович(1886 г.Чистополь-1975, Сан-Франциско) В 1928-1967 работал комендантом в здании «Саттер и Монтгомери» в Сан-Франциско, затем вышел на пенсию. Оставил устные воспоминания, записанные на магнитофонную плёнку в 1970 году в Сан-Франциско сотрудником Калифорнийского университета в Беркли Б. Раймондом. Первая жена – Наталья Константиновна (Скордули) (1892—1931). Вторая жена – Лидия (24.3.1899-20.9.1996).

Сын от первого брака – Михаил Викторович Молчанов (1921-2010), проживал в Виндзоре, округ Сонома, штат Калифорния, где и умер. Имел дочь Елену, трагически умершую, есть сын Михаил и дочь Анна. В Россию приезжала в 2005 году внучка М. В. Молчанова Стеси Молчанова.

Полковник Ефимов Авенир Геннадьевич(1888-1972, США), ижевец, автор воспоминаний. Командарм-5 Михаил Николаевич Тухачевский, комдив-35 Константин Августович Нейман, командир 232-го полка Арсений Николаевич Баткунов и многие их соратники по 5-й Красной армии были казнены в 1937-38 гг. Маршал Советского Союза Василий Николаевич Чуйков (1900-1982, г. Москва) был похоронен на Мамаевом кургане в городе Волгограде. Участники боев в Зауралье Василий Данилович Соколовский(1897-1968) и Константин Константинович Рокоссовский(1896-1968) станут маршалами Советского Союза.

2 батарея. 14 октября 1919 г. батарея занимала позицию на левой стороне Тобола, между дер. Белой и Березовской. Противник занимал позицию на правой стороне р. Тобола у дер. Боровушки. В 4 часа батарея открыла огонь очередями по противнику. Противник отвечал беглым огнем по цепям пехоты. Бой длился до шести часов; после чего противник начал отступать на дер. Нижнюю Елабугу. Батарея, перейдя р. Тобол за 307 полком, перешла в наступление. Пройдя 3 версты, была замечена неприятельская батарея, по которой был открыт беглый огонь, после которого батарея противника была сбита. Пройдя еще 3 версты походным порядком, замечен неприятельский обоз, по которому также был открыт огонь очередями, после чего обоз неприятеля в панике отступил.

Находки на местах боёв. Виниченко В.Н.

Командир батареи Крупеников, оставил записи о форсировании Тобола 307-м полком 35-й стрелковой дивизии и наступлении к Ишиму.

Не дойдя до дер. Нижней Алабуги 3 версты, наша пехота была встречена ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника. Батарея встала на позицию левее дороги около отрогов и открыла огонь очередями по кавалерии противника, которая находилась в версте от деревни. После боя деревня нами была занята, где батарея расположилась на ночлег. 15 утром, в 9 часов, батарея, согласно приказу командира 307 полка, выступила на дер. Орловскую. Не дойдя до дер. Орловской, противник встретил батарею артиллерийским огнем.

Батарея заняла позицию левее шоссе и открыла беглый огонь. В деревне Орловской батарея ночевала. 16 октября, в 5 часов, по приказу командира 309-го полка, батарея выступила на деревню Воскресенскую. Не дойдя до дер. Воскресенской, артиллерия противника встретила батарею беглым огнем. Наша батарея немедленно открыла огонь по дер. Воскресенской, сбита наблюдательный пункт и обстреляла батарею противника, после чего противник отошел. В дер. Воскресенской батарея остановилась на ночлег.

17 октября батарея выступила на дер. Филипповку. Пройдя 13 верст, был замечен отряд кавалерии противника. Батарея, быстро снявшись с передков, начала обстрел прямой наводкой по отряду кавалерии, который был сбит и в панике отступил на дер. Филипповку, после чего батарея снялась с

позиции. Пройдя 4 версты, передовые цепи 309 полка наткнулись на цепи противника. Противник обстрелял цепи 309 полка ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем.

Штыки в музее Пресногорьковской СШ

Батарея заняла удобную позицию около леска, начала' обстрел цепей противника. Противник после обстрела отступил в дер. Филипповку и оттуда продолжал вести сильный огонь. Не снимаясь с позиции, батарея начала обстрел противника, который начал отвечать артиллерийским огнем. При усилении огня противник принужден был отступить. Когда батарея вошла в дер. Филипповку, противник, отступивший 5 верст, начал обстреливать ее артиллерийским огнем. Батарея, выбрав позицию в дер. Филипповке, начала обстрел по батарее противника. Под натиском цепей 309 полка и усиленным огнем батареи противник отступил. После боя батарея, заняв дер. Успенскую, расположилась в ней на ночлег.

20 октября, в 9 час. вечера, батарея, заняв позицию около дер. Моховое, открыла беглый огонь по противнику, который занимал позицию в дер. Покровской. Под натиском наших передовых цепей и под сильным пулеметным и артиллерийским огнем противник принужден был в панике отступить.

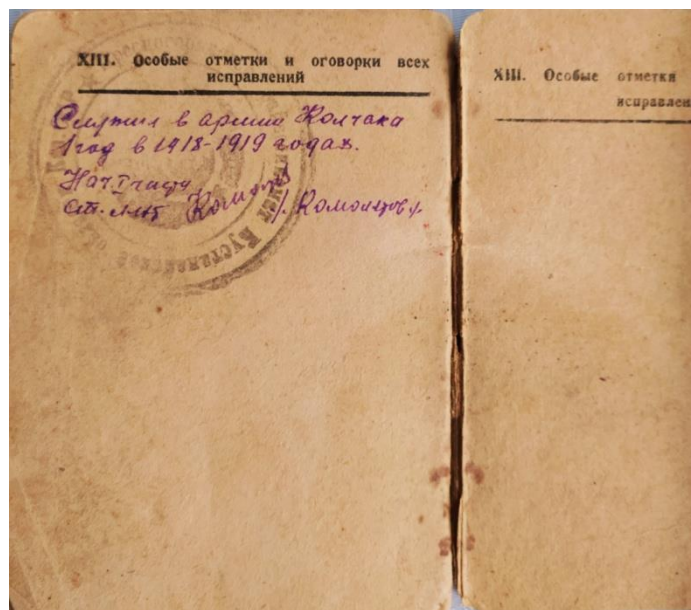
23 октября, в 5 часов, батарея из дер. Приютное выступила в дер. Михайловскую, у которой завязался сильный бой наших передовых цепей с цепями противника. Ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь продолжался около 2-х часов, после которого противник не выдержал натиск наших цепей, спешно отступил по направлению к дер. Михайловской. Пройдя далее 3 версты, батарея принуждена была опять встать на позицию, так как противник, укрепившись в дер. Михайловской, открыл беглый огонь по нашим цепям. После довольно продолжительного боя противник отступил, и батарея, войдя в дер. Михайловскую, остановилась на ночлег.

25 октября батарея выступила на станицу Становую, где повела сильный огонь по противнику, который, укрепившись в станице Становой, начал обстреливать цепи с батареи очередями. Сильный ружейный и артиллерийский бой продолжался 2 часа, после которого противник был принужден отойти, будучи обстрелян с фланга конной разведкой и стрелками.

26 октября батарея выступила в дер. Благовещенское. Не дойдя до деревни 3 версты, противник начал обстрел батареи учащенным огнем. Позиция противника находилась в пос. Михайловском. Выбрав удобную позицию около небольшого леса, батарея начала обстрел дер. Михайловской. Наши передовые части обошли противника, обстреляв его сильным ружейным и пулеметным огнем, заставили его в панике отступить. Преследуя противника, пройдя еще 12 верст, батарея вторично была обстреляна огнем противника. После непродолжительного боя противник был сбит с занимаемой им позиции, после чего наша батарея остановилась на дневку в хут. Чумак.

29 октября 1919 г., согласно приказанию, батарея перешла из 307 полка в распоряжение 308 полка и выступила по дороге на Петропавловск. Верстах в 4-х западнее Петропавловска батарея встала на позицию около озера и начала обстреливать город.

После недолгого боя г. Петропавловск был занят. Переночевав на позиции, батарея утром 30 октября, переменив позицию, перешла в распоряжение 307 пехотного полка. Позиция была у кожевенного завода, сильно обстреливаемая броневиком противника. Батарея, несмотря на сильный артиллерийский огонь бронепоезда, вела все время с ним ожесточенную борьбу. Вечером того же дня батарея, заняв позицию в самом г. Петропавловске, открыла огонь по противнику, ведущему наступление. Под натиском наших цепей и сильным огнем батареи противник принужден был остановиться и отступить

Военный билет уроженца Крутоярской Тупицына, награжденного в 1945 году двумя медалями «За отвагу» за взятие Берлина. Все, служившие в белой армии, были под контролем «СМЕРШа».

1 ноября батарея выступила из Петропавловска по дороге на хутор (без названия). По дороге прямой наводкой батарея обстреливала отступающие обозы противника 188... ЦГАСА, ф. 1372. оп. 2, д. 920, лл. 10-11. Заверенная копия.

Источники

1. Ганин А. «Лошадей наших ветром качало...». <https://cyberleninka.ru/article/n/>
2. Винокуров О.А. Установление советской власти в Курганской области в августе 1919 года, – Шадринск, 2018.
3. Винокуров О.Г. 1919 год на Горькой линии. – Электронная книга, 2012.
4. Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. – М., 1939.
5. Ефимов А. Ижевцы и воткинцы. // Вестник первопоходника, 1967 №67-70.
6. Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея, – М.: Наука. 1969.
7. Погодин И. Перешли в наступление // Борьба за Урал и Сибирь, – М., Ленинград, 1926
8. Полозов И. Курганская операция // Военный журнал Сибири, №4. 1/8. 1920. Омск.
9. Сахаров К. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923.
10. Тарасов М.Д. История семьи из закрытого города. – Саров. 2020
11. Тухачевский М. Курган-Омск // Подвиг Пятой красной. – Новосибирск, 1984.
12. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. – М., 2004, в 2 т.
13. Церахто Ф.Н. Две эпохи. – Рукопись, 1968.
14. Чуйков В.И. Закалялась молодость в боях. – М., 1968

Против трёх империй

Первой мировой войне суждено было оставаться в забвении долгие десятилетия. Случилось так, что две последующие революции заслонили трагедию народа, начавшуюся 1 августа 1914 года. Историки называли войну «Великой» вплоть до следующей, сравнимой с ней по масштабам людских потерь, а после прошедшей Второй мировой войны и вовсе оставили без внимания. Пришла пора сделать попытку восстановления исторической справедливости как дань памяти солдатам забытой войны. 2-го августа 1914 года началась мобилизация казаков трёх военных отделов Сибирского казачьего войска в действующую армию. Дух того времени хорошо передан писателями, ставшими маленькими очевидцами начавшейся войны. Свидетель так описывает проводы на Великую войну в станице Пресногорьковской 1-го военного отдела СКВ: «У каждого дома толпился народ. Всюду слышны были песни и плач. По улицам то и дело скакали всадники, в одиночку и группами. Из каждого дома один или двое уходили на войну. Собирались у станичного правления, строились в шеренги. Протрубили полный сбор, атаман Шешминцев и офицеры проверили снаряжение, осмотрели коней, обмундирование. Началось прощание с родными, Это была душераздирающая картина. Площадь гудела от рыданий, женщины падали в обморок, рвали на себе волосы, хватались за стремя. Около тридцати подвод с провожающими выехали до места лагерного сбора в станице Пресновской. Долго стояли люди, махая вслед фуражками, пока всадники не скрылись за березовым лесом» [1, с.256].

Другой очевидец проводов на войну в посёлке Екатерининском Пресновской станицы Петропавловского уезда, известный писатель Сабит Муканов вспоминал: «На станичной площади заканчивалось молебствие по случаю проводов казаков на фронт. Вся просторная площадь была битком забита народом. Молодые казаки в форменных гимнастёрках, с красными погонами на плечах стояли в конном строю перед церковью. Жаркий ветер слегка колыхал их пышные, лихо зачёсанные чубы... священник пошёл вдоль стоящих в конном строю казаков, широко размахивая крестом и кропилком...Когда поп покончил с водосвятием и вновь поднялся на церковную паперть, на колокольне забили во все колокола, и прозвучала певучая команда казачьего есаула. Седой, в белом кителе с серебряными погонами есаул, привстав на стременах, крикнул: «Справа по три, за мной шагом марш!». И всадники, мгновенно перестроившись, тронулись под колокольный звон и плач следовавшей за ними толпы вдоль по улице...Далеко за станицу проводили мы казачий эшелон. А вечером, помню, меня поразила необыкновенная, гнетущая тишина и безлюдие пустынных станичных улиц. Станица словно вымерла... Только теперь мы поняли и почувствовали, что то, что называли войной, было большой народной бедой»[2,с.98].

Наш земляк, писатель-горьколинеец Иван Петрович Шухов оставил описание отправки казаков на фронт из станицы Пресновской: «Через минуты в голове эшелона, учетверив тройные ряды, выстроились по двенадцати всадников в ряд, шестьдесят прославленных в линейных станицах молодых певцов. Выскочивший вперёд строя на шустром саврасом жеребчике лихой на осанку запевала из Пресногорьковской станицы, строго оглянувшись на товарищей, занёс над головой собранную в руку плетть. Подав условный знак внимания, он закрыл глаз и завёл необыкновенно высоким, рыдающим голосом:

Ре-вела буря. Дождь шу-уме-л.

Во мр-аке молнии блиста-али...

... Войска уходили, объятые пылью, бушующей песней и плачем покидаемых матерей. Полковое знамя гулко гудело над эшелоном, полощась на могучем встречном ветру»[3, с.154].

Сибирские дивизии стали надежной опорой действующей армии. Второочередные четвёртый и седьмой полки, призванные из станиц Горькой линии и Кокчетавских станиц, сражались на Германском фронте, столкнувшись с противником в разное время. 4-ый и 5-ый полки направились на фронт уже в августе, 7-ой и 8-ой формировали до декабря 1914 года и повезли на фронт из Петропавловска. Их личный состав использовали в качестве корпусной конницы Северо-Западного фронта, в составе Сибирских армейских корпусов, занимающих позиции на реках Равке и Бзур, западнее Жирардова. В начале февраля 1915 года Сибирские армейские корпуса были переброшены по железной дороге и форсированным маршем достигли района Прасныша и Остроленки. После тяжелых пятидневных наступательных боев Прасныш был взят. Казаки 7-го и 8-го полков были единственной конницей в составе корпусов. Им приходилось заниматься разведкой, поддерживать связь

между соединениями, атаковать противника в конном строю. Полки отличились в боях у деревни Черняки, в которой были полностью разгромлены два эскадрона конно-гренадерского короля шведского полка и взят в плен командир дивизиона. Казаки седьмого полка, первой сотней в котором командовал есаул Николай Кубрин, взяли в плен несколько сот германцев.

В станице Пресновской на лагерных сборах в мирное время.

Архив автора.Ф.1

Четвёртый Сибирский казачий полк входил в состав 20-го корпуса Десятой армии. 1-я бригада Сибирской казачьей дивизии принимала участие в обороне крепости Осовец, известной своей неприступностью и «атакой мертвецов» 6-го августа 1915 года, во время которой немцы применили газ. В этой атаке выжил казак посёлка Песчаный Пресногорьковской станицы Николай Алевцев (1887-1939) [4,с.251].

В феврале 1915 года части корпуса, действовавшие в Восточной Пруссии в районе Пинских болот, были отрезаны германской армией от основных частей. Случилось это во время отступления на Гродно. Немцы перебросили из Франции шесть корпусов, которые были использованы для подавления трёх русских корпусов. Им удалось отеснить полки генерала Епанчина и выйти на Вильковишки, замыкая кольцо вокруг 20-го корпуса, обозы которого растянулись от Сувалок до Сейны. Под Сейнами командирам стало ясно, что полки попали в окружение. Двигаясь назад на Сувалки, корпус повернул на узкую дорогу, ведущую в малопроезжимые Августовские леса. Около деревни Махарцы тянулся бой – одна бригада под командой

полковника Белолипецкого дралась с целой немецкой дивизией. Бригада взяла в плен всех офицеров, свыше полутора тысяч солдат и батарею. Пленных привели в сарай Липин и здесь немцы говорили: «Это не с французами драться, а с русскими». С наступлением сумерек штаб корпуса начал устраиваться на ночлег, но противник обстрелял окружённых. Знамя 4-го полка было зарыто в лесу по приказу командира Власова. У мельницы на речке Волокуше у фольварка Млынек собрались пять конных сотен – сибирские и донские казаки. Им было приказано прикрывать отход и «идти за последним колесом последнего орудия».

Пленные австрийцы в Петропавловском уезде (архив Г.Федосеевой).Ф.2

Командир полка, войсковой старшина Власов, отдал приказ личному составу отдохнуть до утра. Солдаты, измотанные девятидневными боями, голодные и продрогшие, спали прямо на конях и на мёрзлой земле. Утром 8-го февраля бои возобновились. Командир 20-го корпуса и его начштаба находились в окопах вместе с солдатами. Инспектор артиллерии генерал-лейтенант Шрейдер командовал мортирной батареей из шести пушек, которые вели огонь в противоположных направлениях.

Командир 1-ой бригады Сибирской казачьей дивизии генерал-майор А.Я.Усачёв (1860-1943, Харбин) выехал для осмотра местности и был спасён от пули казаком-ординарцем. Усачёв вспоминал: «Началась агония: артиллеристы стреляли лошадей, выбрасывали замки с орудий, немецкие цепи со страшной стрельбой б донских казаков и у них заводная лошадь. Казаки с сожалением отнеслись ко мне, они завязали мне башлыком ногу. При переходе через болото по нам с двух сторон из пулемётов была открыта стрельба, лошадь по самое брюхо тонула в болоте. Я приказал казакам

рассыпаться, дабы не терпеть потерь от огня. казаки начали разъезжаться, едва выбиваясь из грязи, а я, бросивши утонувшую в грязи лошадь, дошел до лесистого островка. Я совершенно выбился из сил и весь вспотевший упал прямо на снег, упершись головой в толстое дерево. Стрельба в мою сторону скоро прекратилась. Было около четырёх часов. Подо мной снег растаял, и образовалась лужа воды. Дождавшись сумерек, я встал около седьмого часа вечера, и, услышавши лай собак, пошел на этот лай, думая найти жилое помещение с тем, чтобы там укрыться и пройти в Гродно»[5,с.27]. Уже в темноте генерал Усачев был взят в плен немцами и приведен в дом, где он «увидел сидевших на лавках командира корпуса и восемь генералов. Все они, истомлённые и грустные сидели молча и не обратили на меня внимания, здесь же были и наши охватили части корпуса. Я вывел пять сотен рысью на левый фланг неприятельского расположения и здесь, на возвышенной местности, оказалось болото. Моя лошадь была ранена, зашаталась и упала, придавив мне правую ногу. Я стал извлекать из-под лошади ногу, но сапог остался в стремени. Сотни ушли...»[5,с.27]. Генерал вскочил на лошадь скакавшего мимо донского казака и поскакал к лесу, где ветками с него сорвало папаху и кобуру револьвера. На опушке леса Усачёв организовал атаку пехоты на немецкие позиции. Немцы схитрили, выбросив белый флаг, и, подпустив солдат на двести шагов, открыли огонь. «Выскочивши на поляну, я увидел группу наших солдат, они знаками манили меня к себе, я доверчиво скакал на эти знаки, но, увидевши в этой группе немецкие каски, повернул коня и поскакал в близлежащий лес. Впереди было болото, я бросил коня и перебрался через него, стремясь в большой сосновый лес. Здесь мне попались сибирские офицеры»[5,с.28].

Казаки 7-го Сибирского казачьего полка. Архив автора.Ф.3

Пленных отправили в лагерь на остров Денгольм близ города Стральзунда.

Сибирцы попали в болото и под огнём противника частью погибли, частью были пленены. Командир полка войсковой старшина Г.А. Власов был ранен и скончался в деревне Курьянка. Об этой атаке вспоминает генерал-лейтенант И.А.Хольмсен (1865-1941): «Войска, расстреляв все патроны, дорого продавали свою жизнь. Собравшиеся остатки второочередного полка №4 Сибирских казаков в числе около полуторных сотен, к коим пристроились ещё некоторые артиллеристы, решили под команду своего командира, 64-х летнего войскового старшины Власова, прорваться конною атакою. Казаки попали в болото и понесли огромные потери от ружейного огня. Вторичная атака была для них губельна уже под действием пулеметного огня. Почти все полегли. Все ближе и ближе подходили немецкие цепи... Потери убитыми и ранеными были колоссальны и не поддаются учету. Эта заключительная драма под Млынеком проходила после полудня»[6,с.154].

Корреспондент газеты «Биржевые ведомости», командированный в феврале на фронт Михаил Пришвин, побывал в Августовских лесах и участвовал в спасении санитарного конно-автомобильного отряда. «Нашему отряду удалось из-под огня спасти около четырёхсот людей, обречённых на смерть. Три дня я видел как врачи без сил и пищи перевязывали раненых, изумлялся, откуда у них такие силы. Потом Августовскими лесами мы спасались от неприятеля под страхом попасть в плен или вовсе погибнуть от разезда врага, шли при страшном морозе – и опять принимались за работу, откуда, я спрашивал себя, бралась такая сила?». На всю жизнь знаменитому писателю запомнились эти дни отступления. Он писал в дневнике: «Мне снилось, будто я стою возле Августовских лесов и слышу, как близкий мне человек зовет на помощь, он тонет в окнище непроходимых болот, он тонет — я тону, и вот уже не его это голова виднеется над окнищем, а моя собственная, это я сам тону и зову, запрокидываю голову назад, чтобы последний раздохнуть воздух милого света, в последний раз позвать своего друга на помощь...» [7, с.12].

Казак-артиллерист 4-го СКП А.Канахин. Архив автора.Ф.5

Прибалтийская газета «Рижская жизнь» писала тогда об этих событиях: «Когда отдельные личности совершают геройские подвиги, это приводит в восхищение всех. Что же сказать о сорока тысячах русских богатырей, в течение девяти дней совершивших непрерывный массовый подвиг? 20-й корпус совершил всё возможное, всё доступное человеческим силам. Много богатырей полегло костями, защищая каждую пядь родной земли, умерев смертью славных»[5,с.30].

Казачи 4-го Сибирского казачьего полка. Слева – Константин Степанов. Фото с фронта. Архив автора.Ф.4

Доктор исторических наук Николай Яковлев дал следующую оценку действиям корпуса: «20-й корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля бросились в последнюю атаку с голыми руками, на узком участке прорыва волна солдат сбила пехоту противника. Корпус нашёл гибель в Августовских лесах...»[8, с.81].

Однако не все казаки полка полегли в болотах Пруссии. В воспоминаниях атамана Б.В. Анненкова читаем: «Я прибыл в 4-й Сибирский полк, который вел тяжёлые бои в районе Пинских болот...В одном из сражений полк был полностью разбит. С остатком полка мне удалось добраться до Гродно, откуда затем началось общее наступление»[9,с.18]. Отряд особого назначения под командованием подьесаула Анненкова длительное время действовал в этих местах. Он состоял из 156 казаков, имел на вооружении два пулемёта «кольт»[10,л.384]. Начальник 28-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Лашкевич представил Анненкова к награждению георгиевским оружием за действия в тылу противника. Отряд сотника был

придан Камскому пехотному полку и каждую ночь проводил разведку на передовых позициях полка, принудив немецких разведчиков отказаться от ведения разведки. Отряд сжёг несколько домов в полосе обороны и ликвидировал пост из 9 человек на острове Кирзайтен. 29 января сотня была спешно выслана на левый фланг дивизии и в течении трёх дней сдерживала натиск превосходящих сил противника, чем давала спокойно отойти пехотным частям. 2 февраля во время разведки у деревни Хацкотента у дороги на Сувалки Анненков изрубил сильный германский разъезд и привел в штаб шестерых пленных. Во время боя «лично принимал участие, работал шашкой наравне с казаками»[10,л.386].

Казачи Пресногорьковской станицы в Галиции. Архив автора.Ф.6

Ещё три сотни полка избежали гибели и плена, в их числе сотня есаула Н.А.Петрова, охранявшая дворец кайзера Вильгельма в Роминтенской Пуще и взвод урядника Ф.Л.Глебова, пробившегося в Сейны. Он был награжден Георгиевским крестом IV ст.(77711) . В течение года Глебов получил два креста III, II ст.(2760,747) – «за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения против неприятеля в боях». 29 сентября 1915 года великий князь Георгий Михайлович за отличие в боях у Минска и Борисова прикрепил к его груди крест I степени(6727)[28,с.784]. Полный Георгиевский кавалер Фаддей Львович Глебов (1887-1945, Шанхай), уроженец казачьего посёлка Казанский Пресновской станицы, в период гражданской войны стал генерал-лейтенантом, командиром Сибирской казачьей бригады[29,с.57-75]

В плен попали войсковой старшина П.П.Волосников, командир сотни есаул В. Безобразов, хорунжие Катанаев, Нарбут, Сергеев. Количество погибших и пленённых в Августовских лесах сибирских казаков составило около 300 человек[16,23л].

Остатки корпуса оказались в Гродно и его окрестностях. «Весь город как-то задавлен войной, вы берете извозчика в гостиницу и не верите, что он доберется. Вокруг везде серые фигуры военных, все эти дни бывших в жарком сражении, с виду они, кто не знает, суровые и недоступные, но стоит вот подойти к любому из них и спросить о решительном моменте встречи его с неприятелем, как на лице его появляется какая-то детская улыбка... Вот это самое, этот свет какого-то детского вопроса тайной нитью соединяет все эти грубые фигуры людей, наполнивших город»[7,с.13].

В середине 70-х годов прошлого века автору не раз приходилось слышать от стариков рассказы об этой катастрофе. Она не забылась даже через шесть десятилетий лихолетья.

Казаки 1-го Ермака Тимофеевича и 2-го полков, проходившие срочную службу на китайской границе, были переброшены на русско-турецкий фронт, на Сарыкамышское направление. 1-й Сибирский казачий имени Ермака Тимофеева полк выступил из Джаркента 21 августа 1914 года в составе штаб-офицера, 13 обер-офицеров и 631 казака. До 4 февраля 1914 года полком командовал полковник Радац, впоследствии командир Сибирской казачьей бригадой. На взятие Ардагана была послана Сибирская казачья бригада генерала Калитина с конно-пулемётной командой и казачьей батареей.

С 17 по 20 декабря полк в составе бригады форсированным маршем прошёл 250 верст от Боржома до Ардагана. 21 декабря полк зашёл в тыл пятитысячному турецкому гарнизону Ардагана. На другой день 1-ый полк под командованием полковника Э.Ф.Раддаца настиг и разбил колонну турок за Ардаганом, уничтожив в бою несколько сотен солдат Энвер-паши. Полковник М. Е. Сменов, тогда хорунжий 3-го Екатеринодарского полка, участник этого боя, рассказывал:

«Сибирская казачья бригада, словно вынырнув из-под земли, сомкнутым строем, с пиками наперевес, широким наметом, почти карьером так неожиданно и резко атаковала турок, что они не успели защититься. Это было что-то особенное и даже страшное, когда мы смотрели со стороны и восхищались ими, сибирскими казаками. Покололи пиками, потоптали конями турок, а остальных забрали в плен. Никто не ушел из них...»[11, с.88]

Е. В. Масловский подтверждает: «...Казаки же Сибирской бригады, произведя обход, нанесли быстрый удар с северо-западной стороны и конной атакой овладели Ардаганом. Турки в беспорядке бежали через Яланузгамский перевал, оставив сибирякам много пленных и два орудия»... На рассвете морозного туманного дня 1-й Сибирский казачий полк, шедший в авангарде бригады, своими дозорами усмотрел цепи турецкой пехоты на неприступных, обледенелых, покрытых снегом горах. Впереди лежали стрелковые цепи, за ними стояла батарея, еще дальше был батальон резерва, стоявший в густой колонне. При нем было знамя. Полк построился поэшелонно для атаки, в голове полка шла 4-я сотня есаула Волкова. Ураганом по кручам понеслась ермаковская атака. В этом бою сотней было захвачено знамя 8-го турецкого пехотного Константинопольского полка.

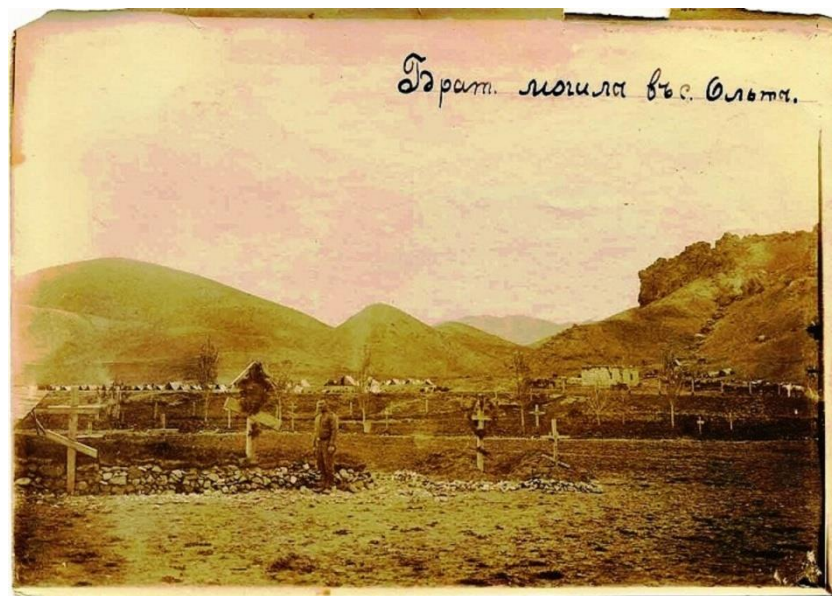
Пехота сложила оружие. 6 января полк, изрубив около тысячи турецких солдат, первым вышел к Эрзеруму. За эту операцию полки были представлены

к Георгиевским знаменам. Полковник Раддац, командир полка, был награжден за эту атаку орденом Св. Георгия 4-й степени. Генерал Калитин вручил Георгиевский крест командиру 4-й сотни есаулу Волкову, который тот особенно бережно хранил. Этот крест принадлежал когда-то Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, снявшему его с груди и вручившему Петру Калитину за Ахал-Текинскую экспедицию 1880 года [12, с.104].

Полковник Левандовский В.А. (1873-1946, Санта-Фе, США) пишет о действиях офицеров полка: «Помощник командира полка по строевой части полковник Шмонин в бою второго января 1915 года у деревни Еникей атаковал противника в конном строю под перекрестным пулеметным огнем, довел атаку до удара холодным оружием. Дивизион изрубил до 300 турок и захватил два пулемета. Награжден Георгиевским оружием. (Приказ главнокомандующего Кавказской армией №589). Шмонин был контужен 2 февраля 1916 года. Поля боя не покинул, продолжая командовать казаками [13, л.26].

Командир 4-й сотни есаул Волков Вячеслав Иванович (1877–1920) 21 декабря по собственной инициативе атаковал и изрубил турецкую роту, захватив при этом знамя 8-го Константинопольского полка. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. (Приказ главнокомандующего Кавказской армией №560).

2 января 1915 года у деревни Еникей на Ольгинском направлении, во главе своей 4-й сотни, преследуя отступающих турок, под сильным фланговым ружейным и пулеметным огнем, атаковал стоящие перед ним части, изрубил и захватил пленных и два пулемета. Награжден георгиевским оружием. (Приказ главнокомандующего Кавказской армией №589) [13, л.27].

Братские могилы у селения Ольты.Ф.7

3 января 1915 года 3-я сотня под командованием сотника Красильникова настигла близ селения Сами-каре отступающих турок, вступила с ними в схватку и часть пленила. Сотник Красильников и хорунжий Псарёв с шестью

казаками отделились от сотни и выскочили на перевал. Здесь они нарвались на колонну турок, поднимавшейся на перевал с юга. Красильников спешился и открыл огонь из револьвера, казаки поддержали его винтовочным огнем. Турки ринулись назад и залегли за камнями, открыв ответный огонь. Минут через 10-15 подошла сотня, но и турки попытались охватить казаков с флангов.

Бой продолжался несколько часов, пока не пришел приказ к отходу. Казаки по одному отходили к коноводам, пока не собрались все. Красильников отвел сотню под ружейным огнем на 400 шагов к хребту, где был поддержан 4-й сотней. Красильников был легко ранен в голову, но из боя не вышел. Награжден орденом Св.Станислава III-й степени.

2 марта 1916 года подъесаул Красильников получил тяжелое ранение во время атаки у села Тират. После оказания первой медицинской помощи возвратился в полк [13,л.28] .

21-го декабря совершил свой первый подвиг хорунжий Берников. Турецкая пехота с пулеметами занимала окопы на опушке Ардагана. Около часа дня из города начали выходить курдские сотни и, приблизившись к полку, спешились и открыли огонь. Их атаковал 2-й дивизион полка в конном строю. Курды беспорядочно бежали. Казаки некоторое время преследовали их, но попали под фланговый огонь и повернули назад. Берников в горячке боя не заметил этого и продолжал с 15 казаками 5-й сотни преследовать неприятеля. Они достигли турецких окопов и перескочив через них ворвались в город. Здесь, окруженный со всех сторон, и обстреливаемый из-за заборов, крыш и из окон он спешился и отстреливался. Оставшись в одиночестве, Берников вышел из окружения и вынес с собою 8 раненых казаков. Награжден орденом Св.Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».(Приказ №133).

2 января Берников первым прошёл с четырьмя пулеметами теснину, обстреливаемую турками, под сильным пулеметным огнем приблизился к ним на 350 шагов и занял позицию в окопах. Несмотря на выбывших из строя раненых 50 казаков, с остатками сотни выбил турок из окопов и преследовал их. Он воевал ещё год и сложил голову в пешей атаке у селения Кара-Арзу 4 февраля 1916 года[13,л.28].

Вот как очевидец описал картину вручения боевых наград казакам 1-го полка за Сарыкамьшскую операцию:«...Из-за угла строем по шести, показались сотни ермаковцев. Красные погоны, красные лампасы, громадные стройные богатыри. Из-под лихо заломленных папах, чубатые загорелые лица, дышащие отвагой, мужеством, решимостью. На правом фланге – рослый офицер с окладистой русой бородой... Они вышли на плац. Я видел, как впился в них глазами штаб генерала Пржевальского, да и он сам. «Это, ребята, Царская служилая рать, потомки казацкой вольницы, что покорила Сибирь», – произнес я с гордостью за своих земляков...»[14 с.56].

До 30 декабря казаки полка ведут параллельное преследование турок от Ардагана до Ольты, пройдя по трудно доступным снежным горам 113 верст. Турки оказывают упорное сопротивление у Соляных копей, Пертуса и Ольты.

В первые недели наступившего 1915 года полк подошёл к г.Ида, где вынужден был прикрывать отход передового отряда, отбивающегося на 25-верстном фронте от двух пехотных турецких дивизий. До 18 апреля полк действовал посотенно в исключительно труднодоступной местности в глубоких снегах и без корма для лошадей. В гористой местности широко применялась пешая разведка.

Атаман Семиреченского казачьего войска генерал-майор А.М.Ионов вспоминал об одном из бесстрашных разведчиков: «Доложили – пришёл Бурков, казак, разведчик, не раз прокрадывающийся в турецкий тыл и доставлявший ценные сведения. Теперь он пропал неделю и мы считали его погибшим. Он ходит не переодетый, с винтовкой и шашкой. Вошел небольшого роста, коренастый казак, без шинели, но при этом его шея почему-то завязана была шарфом. Подойдя к столу, он попросил карту и стал объяснять турецкое расположение. «Здесь, по гребню, сторожат аскеры 53-го алая...здесь их кухни...Здесь по склону балки – четыре орудия, а за углом катера (вьючные мулы) с ящиками. Здесь кавалерийская застава, а здесь все курды, тут их целая орда». «А как ты отличил курдов от остальной кавалерии? – задали вопрос Буркову. Он вместо ответа полез в карман, вынул что-то завернутое в платок, разостлал его на столе и разложил на нем оторванные куски турецкой шинели, погоны, клочки бумаги, записные книжки»[15,с.55-56].

На обороте подписано: Баженов. Герой, павший в бою. 1915 год.
Архив автора.Ф.8

В середине 70-х годов, будучи школьниками, мы с интересом, тайком от взрослых, рассматривали георгиевский крест, хранимый потомками Петра

Буркова на дне старинного, обитого железом, сундука. Он был получен за то, что 30-го января 1915 года, вызвался охотником один идти в тыл турок в своей казачьей форме к селению Ида. Четыре дня он производил свои наблюдения, передвигаясь только ночью, убил турецкого разведчика и на пятый день возвратился, добыв ценные сведения о расположении противника. 15 февраля 1915 года, он опять вызвался охотником и отлично выполнил свою работу, добыв точные сведения о противнике[28, 654].

С 19 апреля по 6 мая полк в составе 4 сотен, поддержанный ротой пехоты и двумя орудиями, выдвинулся по Севричайскому направлению для действий на фланге и в тылу противника, занимавшего сильные горные позиции у Ардоста. Здесь турки накопили достаточно сил для наступления и четверо суток атаковали позиции полка у подножия хребтов Тевро-дага и Сиври-даг. 10 мая полк был снят с позиций и отведен на отдых в резерв корпуса. С 19 по 25 августа казаки участвовали в наступлении 5-й стрелковой дивизии с последующим удержанием позиций.

О редких часах отдыха пишет очевидец: «Наш полк в Хасан-Кале. Ему дана дневка. На другой день сюда подошла Сибирская отдельная казачья бригада. Такая приятная встреча... На санитарном пункте устроен бал. Как не пойти туда? Как не потанцевать, помяться с сестрами милосердия?! Вся наша молодежь там. Офицеры-сибирцы держатся скромно и отдельно. Крупные, кряжистые, в красных лампасах на бриджах – они чувствуют себя здесь гостями из далёкой Сибири, с берегов Иртыша, почему и держались скромно...[11,с.112].

За период с декабря 1914 по сентябрь 1915 года георгиевскими крестами был награждён 191 казак 1-го полка. Ещё 124 казака получили медали. Были ликвидированы: 10 турецких офицеров, 412 нижних чинов, захвачено знамя, три пулемёта, около 900 винтовок.

Потери полка: убито 40 казаков, ранено 122 казака, пропали без вести 11 человек. Умерло от болезней 27 человек.[17,л.94].

Великий князь Николай Николаевич Романов назвал Отдельную Сибирскую казачью бригаду, в которой воевали ермаковцы, «железной» после жестоких боев под Ардаганом, Эрзерумом и Гассан-Калой. Командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н.Юденич писал в 1932 году во Франции: «Сибирская казачья бригада весь свой путь проделывает по тылам турок. Сибирские казаки – наши гости здесь, на Кавказе, и они отлично применились к боевой обстановке ранее им неведомых мест...Жалею, что в Кавказской армии было мало сибирских казаков»[19,с.18].

Многие казаки вернулись в станицы и казачьи посёлки Горькой линии, имея на груди целый ряд боевых наград. Старший урядник из поселка Камышловский Пресногорьковской станицы Николай Сухов в конце декабря 1915 года находясь в дозоре заметил у стоявшей возле дороги избушки часового. Сухов выстрелил в него и стремительно вбежал в землянку. Там оказалось пятнадцать человек. Выстрелив оставшиеся в обойме четыре патрона, Сухов подхватил с земляного пола турецкую пехотную лопатку и стал рубить ею проснувшихся турок. Они жались в углы и кричали. Когда в живых осталось пятеро Сухову на помощь пришли другие казаки.

Старший урядник поселка Камышловский Пресногорьковской станицы Николай Сухов. Ф.9

Приказный 4-й сотни, уроженец станицы Пресногорьковской, Михаил Успенъев во время атаки на селение Сурик под ураганным огнем турецкого пулемета пробрался противнику во фланг и обратил турок в бегство. Михаил Степанович погиб под селением Еникей [18].

Казаки станицы Пресногорьковской на турецком фронте. В чёрной гимнастерке приказный Михаил Успенъев. Архив автора.Ф.10

Старший урядник 2-й сотни 7-го Сибирского казачьего полка Григорий Степанов получил Георгиевский крест за то, что в ночь на 7.01.1917, будучи в

разведке с хорунжим Пучкиным, вызвался охотником подробно осмотреть и точно выяснить расположение неприятельских окопов и пулеметов. Подошел вплотную к проволочному заграждению противника, несмотря на то, что был обнаружен часовым противника и обстрелян, с явной опасностью для жизни, снял кроки неприятельских окопов с обозначением пулеметного блиндажа и наблюдательного пункта, успешно выполнил задачу и вернулся в часть[18].

Степанов Григорий Васильевич. Архив автора.Ф.11

Лишь в 1918 году стал понятен чудовищный итог кровавой жатвы - одна Пресногорьковская станица с казачьими посёлками навсегда потеряла 67 кормильцев.

В ноябре 1915 года 4,5,7,8-ой полки были сведены в Сибирскую казачью дивизию. Вместе с Уральской и Туркестанской дивизиями она вошла в Сводный казачий корпус. До конца весны 1917 года сибиряки воевали под Гродно и Вильно, затем были разбросаны по Минскому и Московскому военным округам. Две сотни 7-го казачьего полка совместно с юнкерами и добровольцами приняли участие в обороне Кремля в октябре 1917 года. Всего за время Великой войны погибли и пропали без вести 790 человек, призванных из сибирских станиц. В декабре 1918 года находились в плену казаки станиц: Пресногорьковской 19, Починной 5, Пресногорьковский редут 10, Крутоярской 8, Песчанской 13, Сибирской 7, Богоявленской 5, Камышловской 10, Кабаньей 11, Пресновской 10 человек. На начало 1919 года в станицах насчитывалось семей, оставшихся без кормильцев: в Пресногорьковской 24, Камышловской 5, Пресноредутской 16, Крутоярской 8, Песчанской 14 [С.М.Андреев].

Станицы Горькой линии дали войску многих известных людей – офицеров, писателей, поэтов и учёных. Два земляка, два генерала, вышедшие из разных социальных групп, геройски воевали на фронтах Первой мировой войны и навсегда оставили в истории Сибирского казачьего войска незабываемый след.

Николай Павлович Кубрин родился 8 мая 1876 года в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда в семье войскового старшины, дворянина Акмолинской области Павла Иннокентьевича Кубрина, «природного» сибирского казака[20,с.]. После окончания Омского кадетского корпуса Николай Кубрин в числе лучших выпускников отправился в Санкт-Петербург и в 1895 году по 1-ому разряду закончил Николаевское кавалерийское училище, был «произведен по экзаменам из портупей-юнкеров в 1 Сибирский казачий полк» и направлен служить в Семиречье.

В 1904 году «неожиданно вспыхнула достопамятная и злосчастная для России война с Японией»[21,с.60]. На войну Николай Кубрин пошёл подьесаулом в 7-ом казачьем полку. Принимал участие в боях под Вафангоу и кровопролитном бою под Ходцзяпудза, в котором погиб командир 7-го полка войсковой старшина Старков. Казаки полка блестяще показали себя на реке Шахэ и в многодневном сражении под Мукденом, прикрывая отходящие корпуса русской армии.

Есаул Николай Павлович Кубрин. Из семейного архива.Ф.12

Николай Кубрин получил ранение в ногу ниже колена, был награжден за воинскую доблесть орденом Святой Анны 4-й степени, с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и звание есаула. Ранение, после которого он всю жизнь прихрамывал, имеет свою историю. 24 февраля 1905 года подьесаул Кубрин должен был доставить пакет в штаб 4-го корпуса, находящегося неподалеку от города Фу-шуна. Во время бешеной скачки неожиданно наскочил на позиции японцев. Сопровождавшие его, казак 5-й сотни 7-го полка вестовой Линник и казак, присланный для сопровождения подьесаулом Пелымским, сумели проскочить. «С первых же выстрелов подо мной была ранена лошадь, – писал позже Николай в рапорте, – перевернувшись через голову, придавила меня. Высвободившись из-под лошади и отстегнув от седла свою офицерскую сумку с пакетами, я побежал, но тотчас же был ранен навывлет в верхнюю часть берцовой кости правой ноги.

От места ранения я в состоянии был пробежать совсем немного... Выбившись из сил от боли раны, ушиба при падении с лошади и бега и убедившись, что нет никакой возможности доставить своевременно по назначению бывших при мне срочных бумаг и не желал дальше подвергать их опасности достаться в руки врага, я остановился в одном из оврагов для уничтожения их и перевязки раны, где и был схвачен японцами, но уже по уничтожении пакета и карт во время перевязки»[22,с.2]. Через два часа раненый подьесаул был вызволен из плена подоспевшими казаками.

Перед Первой мировой войной Николай Павлович служил помощником атамана 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска. В мирное время был награжден орденами Св.Анны 3-й ст.(1909 г) и Св.Станислава 2-й ст.(1912 г)[23,с.18].

Н.П.Кубрин (в центре) с семьёй. 1912 год. Архив автора.Ф.13

В начале Великой войны Кубрин оставляет в Омске жену, сына и четырёх дочерей и отправляется на Германский фронт командиром 1-й сотни 7-го Сибирского казачьего полка. С полком он брал Прасныш и участвовал во всех боевых операциях, в которых была задействована конница.

2 июля 1916 года Кубрину присвоили звание «войсковой старшина». В одном из боев Николай получает ранение в голову. В этот период командование награждает его орденами Святой Анны 2-й ст., Святого Владимира 4-й ст., последний давали за два подвига [23,л.8]. Война для Кубрина закончилась в должности помощника командира 4-го казачьего полка.

Армия развалилась в результате большевистской агитации. Фронт был открыт вражеским дивизиям. Казачьи полки возвращались домой с

Германского и Кавказского фронтов. После чехословацкого переворота в конце мая 1918 года начался последний трагический период жизни Николая Павловича Кубрина.

21 июня 1918 года боевой офицер был вызван в Омск из Пресногорьковской и назначен начальником Сибирской казачьей дивизии. Дивизия приняла участие в боях за Уфу в мае 1919 года. В дивизии было около 2000 пашек, 6 орудий, 18 пулемётов. Под станцией Чишма Сибирская казачья дивизия сражалась против 25-й стрелковой дивизии В.И.Чапаева и каширинцев – красных оренбургских казаков. 9 июня сибирские казаки участвовали в атаке, которую показали как «психическую» братья Васильевы в фильме «Чапаев». Бои были очень тяжелыми – Чапаевская дивизия лишилась половины личного состава[24, с.205].

В августе 1919 года 5-я Красная армия под командованием М.Н.Тухачевского начала наступление на Петропавловск. Родная станица Кубрина, Пресногорьковская, несколько раз переходила из рук в руки. 19 сентября адмирал А.В.Колчак, будучи на фронте в Конной группе 2-й армии за отличие в боях на Тоболе произвёл Кубрина в чин генерал-майора.

К концу сентября Красная армия была отброшена за реку Тобол, но 14 октября вновь началось наступление 35-й стрелковой дивизии под командованием К.А.Неймана по казачьему тракту. Началось отступление белых на восток. 30 октября пал уездный город Петропавловск.

6 января 1920 года штаб дивизии вместе с командиром был пленён красными у деревни Монино под Красноярском. Генерала этапировали на Север, в Архангельские лагеря смерти. Вряд ли семья знала о судьбе Николая Павловича – по словам С.М.Мельгунова: «Из длинного списка офицеров, по официальным сведениям отправленных на Север, никогда нельзя было найти местопребывания ни одного из них»[25,с.26]. В марте-апреле 1921 года Архангельский губисполком принял решение о расстреле 540 офицеров. Первую группу расстреляли 14 марта. В решении заседания было записано «принимая во внимание неисправимость означенных кровавых белогвардейцев, ярую ненависть к рабоче-крестьянской власти, усиленную их агитацию за выступление среди заключенных в связи с Кронштадскими событиями – всех расстрелять»[26, с.9].

Так закончился жизненный путь русского офицера, потомственного дворянина Николая Павловича Кубрина, прекрасного семьянина, крестившегося в православной вере. Своей присяге он остался верен до конца. Генерал был реабилитирован в 1996 году Омской областной прокуратурой[27,с,84].

Сибирские казаки 1-го военного отдела, находясь в составе трёх полков, геройски сражались с силами трёх империй – Германской, Австро-Венгерской и Османской. Все они, от простых казаков до офицеров высшего командного состава, выполнили свой долг до конца, защищая Родину.

В июле 2010 года в церковной ограде храма в Пресногорьковке (Узункольский район, Костанайская область, Республика Казахстан) был установлен и освящен крест в память погибших казаков, призванных в 1-ом военном отделе Сибирского казачьего войска (Фото 14).

Поклонный крест. 2024 год. Ф.14 Фото автора

Литература

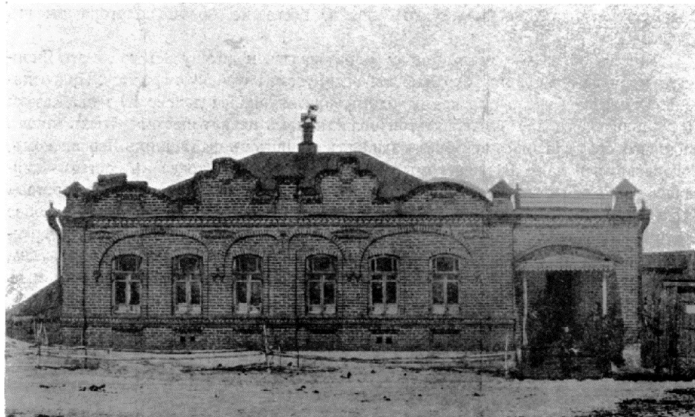
1. Церахто Ф.Н. Две эпохи (рукопись). – Жданов, 1967. – 563 с.
2. Муқанов С.М. Школа жизни. Повесть о детстве. Кн.1. – Алма-Ата: Жазушы, 1957. – 326 с.
3. Шухов И.П. Собрание сочинений. В 5 т.Т.4. Действующая армия / И.П.Шухов. – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – 236 с.
4. Крейтер Э.В. Редут Песчаный. Вехи истории. – Куртамыш: Куртамышская типография, 2016. – 606 с.
5. Усачёв А.Я. Из воспоминаний о Великой войне // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582-1932 г.г. – Харбин, 1941. – 342 с.
6. Хольмсен И.А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимой 1915 года. Воспоминания и мысли. – Париж: Типография В.Бейлинсона, 1935. – 328 с.
7. Пришвин М.М. В Августовских лесах (отзвуки войны) // «Биржевые ведомости». – СПб., 4 апреля 1915 г.
8. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. – Москва: Молодая гвардия, 1974. – 238 с.
9. Заика Д.М., Бобренёв В.А. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. – Москва, 1990. – №10.96 с.
10. Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф.2048. Оп.7. Д.3. ЛЛ.384-386.
11. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914-1917. – М., 2001.
12. Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте. 1914—1917. – Париж: Возрождение, 1933. 504 с.
13. РГВИА. Ф.2007. Оп.1. Д.63. ЛЛ.89-94.

14. Ионов А.М. Сибирскому казаку (К 350-летию Сибирского казачьего войска//Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582-1932 гг. – Харбин,1941. – 342 с.
15. Там же, С.106.
16. РГВИА.Ф.16196.Оп.1.Д.1040.23л. Списки потерь 4 СКП в Августовских лесах.
17. РГВИА.Ф.2007.Оп.1.Д.63.ЛЛ 89-94. Сведения 1 СКП с начала войны по 1 января 1917 года.
18. Фабрика Ю.А. Коллективные Георгиевские награды Сибирского казачьего войска, Сибирских казачьих полков и сотен: URL://<https://orthedu.ru/kraeved/6709-13.html>
19. Юденич Н.Н. Председателю Войскового Правления Сибирского казачьего войска // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582-1932 гг. – Харбин,1941. – 342 с.
20. Виниченко С.Н. Жизнь и судьба генерала Кубрина // Казачество на страже рубежей Отечества: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию генерал-лейтенанта Я.П.Бакланова (Новочеркасск,6-7июня 2024г.). – Москва, 2024. – 608 с.
21. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. – Спб.: Изд-во В.Березовского, 1908. – 67с.
22. Рапорт Н.П.Кубрина (из архива потомков генерала).
23. РГВИА.Ф.2007.Оп.1.Д.63.ЛЛ.4-35.Список по старшинству в чинах штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 1-го Сибирского Ермака Тимофеева полка.
24. Фурманов Д.А. Дневники. Литературные записи // Собрание сочинений в 4 т., т.4. – Москва: ГИХЛ,1960–1961. – 528 с.
25. Мельгунов С.М. Красный террор в России. – М.,СП TUICOTRS, 1990. – 152 с.
26. Дойков Ю.Памятная книжка. Красный террор в Советской Арктике (документальные материалы) 1920–1923. – Архангельск, 2011. – 212
27. Книга памяти Омской области. Забвению не подлежит. Т.4: URL://<https://bessmertnybarak.ru/books/person/811610/>
28. Патрикеев С.Б.Сводные списки кавалеров Георгиевского креста.1914-1922 гг. – М.: Духовная нива, 2015. – 1012с.
29. Виниченко С.Н. В поисках минувшего времени. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2020. – 226 с.

Дом на Казачьей площади

Дом из красного кирпича был построен не ранее 1885 года казаком Василием Кладеновым на крутом косогоре. Северная стена обращена к Горькому озеру, южная выходит окнами на Казачью площадь станицы.

О личности владельца дома известно, что он стал богатым купцом, выбившись из нужды, занимаясь кожевенным производством. Его предок, Иван Тимофеев сын Кладенов 56 лет отмечен в ревизской скаске от 8 марта 1782 года по крепости Пресногорьковской. Жена Авдотья Иванова дочь 50 лет, данный на пропитание сын Игнатий 22 лет, его жена Василиса Васильева дочь 22 лет, отставная унтер-офицерская дочь, у них сын Андрей"(ТФ ГАТО,ф.156).

Каменный домъ вь станицѣ Прѣсногорьковской, Якимолинской области, вь которомъ останавливался Государь Императоръ Николай II во время путешествія по Сибири.

Неподалеку от северо-западного берега Горького озера Кладенов построил кожевенный заводик, дававший ему стабильный и высокий доход. В год выдывалось 1500 кож на сумму 6000 рублей (из ведомости за 1875 год). Сырьё приобреталось на субботних торжках у русских и казахов. Выделанные кожи продавались в Кургане и Шадринске. Шкуры животных обрабатывались в горько - солёной воде рядом лежащего озера.

Василий Кладенов был одним из богатейших людей Петропавловского уезда. Деньги дали ему возможность выстроить дом, который был выбран властями и руководством Сибирского казачьего войска для ночлега цесаревича в июле 1891 года. Изначально ночлег планировался в Пресновской, в доме купца Боярского, сохранившегося до наших дней. Но сын Боярского заболел дифтеритом и место остановки перенесли на 90 верст западнее по казачьему тракту. Вероятно, хозяин дома скончался в конце 90-х годов, так как в ведомостях этого периода говорится о купчихе Кладеновой, заправляющей всем бизнесом. В 1909 году в Пресногорьковской было три кожевенных завода – Л.И.Богданова, Кладеновой и Карпова. На заводе казачки Кладеновой выдывалось в год 500 кож и заготавливалось 40 пудов шерсти. Уменьшение количества обработанного сырья, видимо, связано с падением производительности из-за отсутствия хозяина.

Последний владелец дома, Яков Васильевич Кладенов (род. в 1885 году) был арестован в Кургане 7 июля 1930 года «за подготовку вооруженного восстания». Работал на железнодорожной станции путевым обходчиком. Приговорён 4 ноября по ст.58/10 к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1957 году. Семья обозначенного в подворных списках за январь 1930 года кулака Якова Кладенова выслана, судьба её неизвестна.

Я запомнил дом таким, каким он был в 1970-е годы. В этот период в нём располагалась районная поликлиника. Помню узкий длинный коридор с большими нишами в стене. Из стены торчали железные крюки. В нишах располагались деревянные скамьи для пациентов. В угловой комнате северной части здания располагался рентгенкабинет, а в южной угловой – проводили процедуры. Помню, что в углу стоял аппарат УВЧ, мне грели горло и я сидел целый час, задрав голову к потолку. Он был сделан как-то ступенчато, это меня удивляло. В одной из ниш коридора у купца был замурован сейф. Надо отметить, что впервые услышал, о ночевке цесаревича лишь в 1991 году, от старой казачки А.Томской (Зенепрецово́й). Она рассказала, что хлеб-соль цесаревичу у стен дома вручали георгиевские кавалеры Никита Успеньев и её отец - урядник Матвей Авксентьевич Зенепрецов. Ещё интересная деталь. У Якова Кладенова была единственная дочь и для того, чтобы уберечь её от ухажёров отец сделал ставни изнутри спальни и сам закрывал их на ночь.

Мой поиск доказательств пребывания последнего императора начался с книги М.К.Касвинова «Двадцать три ступени вниз», - Москва, 1979. В списке источников я нашел отсылку на фонд 601-й. Центрального архива Октябрьской революции (Москва). В нем находятся материалы и документы царской семьи. Я сделал туда запрос и получил ответ, что дневники царя и членов его семьи находятся в «спецхране». Но два листа дневника о пребывании в Пресногорьковке мне всё же выслали. Цесаревич писал 21 июля 1891 года: «Остановился в хорошем каменном доме одного казака...», но он не написал фамилию. Её написал в своих воспоминаниях атаман 1-ого военного отдела Николай Алексеевич Симонов, находящийся в свите цесаревича (Очерк истории службы 1-го Ермака Тимофеева полка. Спб, 1901). Существуют две фотографии, сделанные сотником Н.Г.Катанаевым в 1909 году. Они были размещены в альбоме «Типы казаков. Сибирские казаки на службе и дома". Альбом демонстрировался на Западно-Сибирской выставке в Омске в 1911 году. Крыша на фото была совершенно другой, и я вдруг узнал дом Кладенова. Поначалу смущало количество окон. На фото их было на одно меньше. Но при сопоставлении современной и старой фотографии оказалось, что правое окно было когда-то дверью, через которую входил цесаревич. Дверь заложили и превратили в окно. Над ним отсутствует декоративная изогнутая кирпичная арка. В верхнем углу, на месте, которое я рассматривал часами, сидя под УВЧ, на старом фото висит большая икона.

С правой стороны дома была сделана деревянная часть, по размерам соответствующая кирпичной. Из рассказов старожилов стало ясно, что дом был конфискован после ноября 1919 года, и стал волостным исполкомом. На площади была установлена трибуна и проводились митинги. После ликвидации Пресногорьковского района в 1963 году в здании расположилась поликлиника. В дальнейшем здание стало столяркой и пимокаткой. Внутренний интерьер был уничтожен. В таком качестве оно сгорело 9 ноября 2006 года от неосторожного обращения с печкой. Деревянные части здания сгорели дотла (поздняя пристройка, крыша, пол, оконные рамы). Подвалы были завалены рухнувшим потолком и остатками пола. Из-за отсутствия средств пожаротушения, в т.ч. пожарной машины, дом спасти не удалось.

Сразу после пожара я сделал несколько фотографий и обмерил здание. За прошедшие два десятилетия оно продолжало разрушаться под воздействием дождя, ветра и людей, которым глубоко всё равно на историю.

Баки, стоявшие внутри здания, были варварски вырваны тросами через окна северной стены. Были вырваны и сданы на железо все металлические части. В остатках рамы одного из окон западной стены найдена сплюснутая пуля 7.62 мм. Видимо, стрелок использовал винтовку Мосина или её обрез для выстрела по окнам волисполкома.

За несколько лет здание заросло кленом и перестало быть видимым на картах Гугл.

С 2022 года здание при содействии Сергея Михайловича Жалыбина было оформлено и перешло к РПЦ (о. Никон Костин). Был создан проект для восстановления исторического облика здания.

В течении трёх лет (2022-2024 г.г.) у стен здания в ночь с 16 на 17 июля проводится крестный ход и молебен в память о расстреле царской семьи.

В ночь с 24 на 25 июля цесаревич ночевал в доме управляющего Тургайским конезаводом Ивана Семеновича Елгаштина в городе Орске Оренбургской губернии. Иван Семенович – родной сын уроженца крепости Пресногорьковской, героя походов в среднюю Азию Семена Алексеевича Елгаштина(1829-1885). О доме я написал в книге «Время собирать камни».

В церковной ограде

Во многих крупных сёлах и станицах в бывшей Российской империи были построены деревянные и каменные храмы. Некоторые из них являли собой настоящие памятники архитектурного зодчества и по сей день удивляют наших современников своими формами. У них, как и у людей, их посещавших, оказалась разная судьба – большая часть их была подчистую снесена, стены других церквей добивают ветер и дождь, и лишь единицы попали под реставрацию, радуя прихожан своими куполами. Так или иначе, у стен всех церквей с момента их освящения располагались погосты – церковные кладбища. От них не осталось ничего, но они имеют свою собственную историю и исследовательская работа в этом направлении очень интересна. Предлагаю читателю погрузиться в собственный увлекательный поиск, используя мой опыт.

Ответ на вопрос, когда было положено начало формированию церковного погоста у стен храма во имя Казанской Божией Матери в Пресногорьковке, я начал заниматься в конце 80-х годов прошлого века. За прошедшие десятилетия мне удалось найти совсем немного сведений по проблеме. В идеале требовалось получить полный список людей, похороненных в церковной ограде с 1805-го по 1920-е годы. Если бы к списку удалось приложить найденные фотографии, то задачу можно было бы считать решённой.

До постройки храма, всю вторую половину XVIII века от начала основания крепости Пресногорьковской (13 июля ст. стилия 1752 года), службы

на походном антиминсе проводились полковыми священниками (Азовский драгунский полк – Николай Одинцов, Герасим Родионов). Построенная на восточном валу четырехугольной крепости (1752-1765 гг. Располагалась на месте нынешнего цеха по разливу питьевой воды) небольшая часовня в полной мере не отвечала духовным запросам поселенцев, поэтому в начале 70-х годов была раскатана и на её месте возникла деревянная церквушка, вокруг которой, в «степной стороне», проводились захоронения. Так, на этом погосте в 1772 году упокоился комендант крепости Михайла Зайцов. После перестройки крепости в 1765-85 годах, в восточной её части стала активно формироваться слобода. Кладбище было заброшено. Хоронить стали в отведённом у озера Горького месте и у храма, выстроенного в центре нового земляного крепостного восьмиугольника. Таких крепостей по линии было возведено семь и по указу генерала Ивана фон Шпрингера в центре каждой планировалось построить храм.

Северная сторона. Фото с деревянной оградой до 1912 года

Изученные метрические книги (1805, 1829, 1830-31, 1835, 1881-1903, 1913 гг. Раздел «Умершие») дали много интересного, но не ответили на вопрос – когда появились первые захоронения у каменной церкви и кто «имел право» быть похороненным именно здесь. В 1805 году храм был освящен и священник Василий Серебряников писал в графе «с покаянием или без оного» – «со отпеванием погребена». Только в этом году «в полковом приходе померло мужеска пола 38, женскаго 37, обоего 75 человек».

В последующие годы священники писали: «на приходском кладбище», «на отведенном кладбище», а в 1913 году о. Василий Преображенский отмечал – «на местных кладбищах».

Приход был велик до тех времён, пока в соседних сёлах не были построены церкви и молитвенные дома. В метрических книгах XIX века встречаются названия станиц и переселенческих сёл Петропавловского уезда:

Кабанья, Камышловская, Починная, Песчаная, Крутоярская, Пресноредутская, Богоявленская, Алабужская, Башкирское, Воскресенское, Хлупово, Пищальное, Половинное, Чащевитая, Макарьевское, Казанское, Евгеньевка, Пилкино.

Так, в МК от 1901 года 3 ноября отмечено отпевание моей прабабушки Екатерины Васильевны, умершей от воспаления лёгких в возрасте 46 лет. Прадед Руф Григорьевич Винниченко похоронил её в Макарьевке, за полста верст от места отпевания.

Список болезней, от которых тогда уходили «долиной смертной тени» (Пс.22:4) был недлинным, диагнозы были короткими: от худобы, поноса, родимца, оспы, чахотки и тифа, от опухоли, удушья, горячки, слабости, рвоты, коклюша, родов и старости. Последний диагноз ставился после достижения шестидесяти лет, встречались и дожившие до 80-90 летнего возраста. Очень высокой была детская смертность.

По воспоминаниям старожилов (Ульянов Г.М., Ермолаев Ю.Ф., Демченко М.Я.) в конце сороковых годов церковное кладбище было окружено кованой оградой на невысокой кирпичной кладке. Могилы накрыты чугунными плитами Каслинского литья разных размеров. Стояли три памятника. Как выглядели и кому были поставлены памятники – мне установить не удалось. Разбитые после погрома церкви чугунные плиты долгое время валялись по огородам и использовались в быту. Сам погост был утрачен – по нему пролегла дорога.

Одна из плит, расколота надвое, в 1972 году была передана в Кустанайский областной краеведческий музей ветераном войны Трофимом Ефимовичем Чирковым (1916-1975). Под ней был захоронен генерал де Сент-Лоран.

О передаче плиты свидетельствует документ – письмо директора музея Чиркову. Плитой и личностью похороненного заинтересовался доктор исторических наук М.О.Абсеметов (Астана). В декабре 2020 года работники музея по его просьбе перерыли все фонды, но плиту так и не обнаружили. Возможно, она была утеряна во время нескольких переездов музея из одного здания в другие, либо утрачена с обычной формулировкой: «не представляет исторической ценности». В лучшем случае плита пылится где-то в тёмных запасниках музея, а в худшем – сдана на металл.

Личность де Сент-Лорана, прах которого до сего времени покоится в церковной ограде, весьма примечательна.

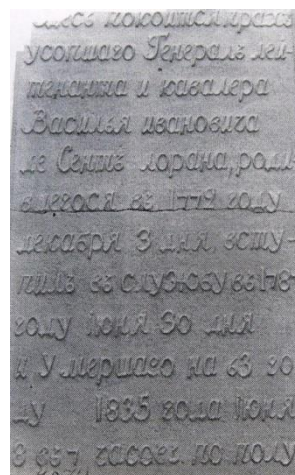
Он служил начальником Омского областного управления и был дивизионным командиром. На плите хорошо читался текст «здесь покоится прах усопшаго генерал – лейтенанта и кавалера Василья Ивановича де Сент –

Лорана, родившегося в 1772 году декабря 3 дня, вступил в службу в 1787 году июня 30 дня и умершаго на 63 году 1835 года июня 8 в 7 часов пополуночи». Странно, что запись об отпевании и погребении в метрической книге Богородице-Казанской церкви за 1835 год отсутствует. Ближайших храмов, кроме церкви станицы Пресновской, не было и в помине. Даже если его отпели в дороге, запись о смерти должна существовать. Вряд ли тот, кто изготовил плиту, перепутал год смерти генерала, хотя кто знает?

Просмотрел метрики ближайших к дате лет. И ничего...

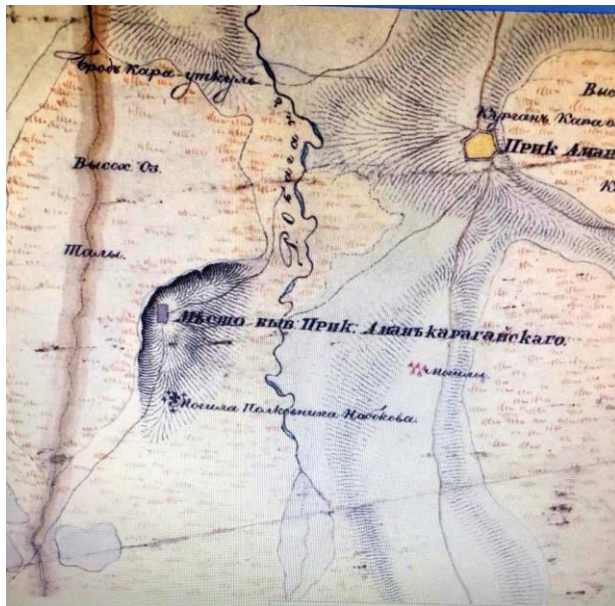
Автор - слева. Справа – М.О.Абсеметов (2020 год)

Плита на месте упокоения Василия Ивановича де Сент-Лорана

О генерале известно, что в 1815-16 годах он служил командиром Пензенского пехотного полка. 4 января 1827 года вступил в должность начальника огромной Омской области. При назначении, будучи старым

войкой суворовской выучки, он заявил императору, что « в делах административных и гражданских не сведущ». Однако назначение все же состоялось. В Омске, тогдашней столице Сибири, генерал стремился приблизить к себе опытных чиновников, в том числе ссыльного декабриста С.М.Семенова. Де Сент-Лорану, плохо знающему степные обычаи и традиции казахского народа, приходилось часто бывать во внешних округах, устанавливать личные доверительные связи с богатыми султанами. Его стараниями 9 марта 1833 года по решению Сибирского комитета были открыты два внешних округа: Баян-Аульский и Уч-Булакский, а 29 мая 1834 года – Аман-Карагайский. Эти действия вызвали сопротивление казахских родов – на де Сент-Лорана пришла бумага в Петербург, что престарелый генерал не справляется с делами и неплохо бы вместо него назначить председателя областного правления И.Д.Талызина. Во время «обозрения внешних округов» В.И. де Сент-Лоран простудился и умер. Семья после его кончины оказалась «в сильно стесненных обстоятельствах». Декабрист Розен, отбывавший ссылку в Кургане, пишет о встрече с дочерью и вдовой умершего генерала, и характеризует их превосходно.

Фрагмент карты Кушмурунского округа с пикетом Аманкарагайским

Существует по крайней мере два источника, свидетельствующие о нахождении могилы генерала именно в станице Пресногорьковской: об этом сказано в Путеводителе по Пресно-Горькой линии (1891 год) и в 18 томе под редакцией П.Семенова-Тян-Шанского «Россия. Полное собрание нашего Отечества. Киргизский край», изданном в Петербурге в 1903 году. В путеводителе о храме сказано: «Одна из лучших церквей во всём войске, как по изяществу архитектуры иконостасов, так и по богатству риз. Средствами общества в церкви водружена икона работы Хлебникова в память чудесного события 17 октября 1888 года» (речь идёт о спасении императорской семьи во время крушения поезда – прим. С.В).

Отдельно стоит сказать о командире 1-го полка, атамане Сибирского войска Федоре Карповиче Набокове. По его инициативе в 1813 году было открыто войсковое училище в Омске, ставшее впоследствии Сибирским кадетским корпусом. Первоначально в нём обучалось 25 воспитанников.

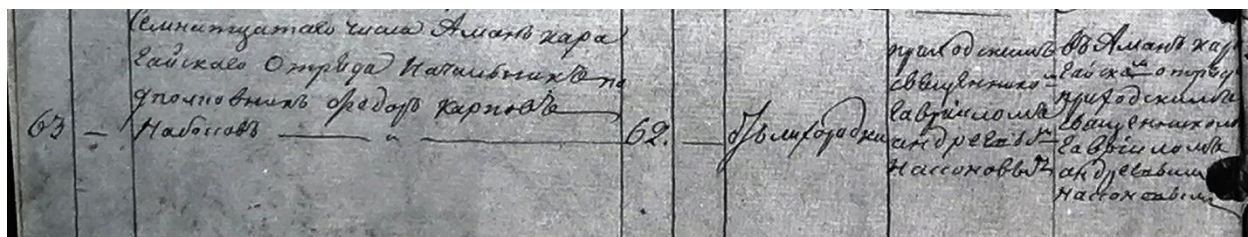
В метрической книге Пресногорьковской церкви за 1831 год я прочёл: «17 августа Аманкарагайского отряда начальник, подполковник Федор Карпов Набоков, умер от лихорадки, 62 года, исповедан, причащен и погребен священником приходским в Аман-карагайском отряде Гавриилом Андреевичем Нассоновым».

Эта запись заставила меня по иному рассмотреть версию захоронения атамана в Пресногорьковской крепости, которую я изложил в книге «Живая старина Пресногорьковской линии». Долгое время я полагал, что тело подполковника было привезено из Аманкарагайского приказа казаками в Пресногорьковскую крепость по тракту вдоль правого берега реки Убаган, через пикеты Таволжанский, Ершовский, Улукульский, Сибирский и предано земле у стен церкви сразу после кончины Набокова. Небольшое расстояние - около ста километров на юг по Убаганскому тракту – подтверждало мой вывод. Была и запись в одном из документов Омского архива, согласно которой эта версия подтверждалась.

Первое сомнение появилось, когда мне попала карта летних кочёвок, выполненная Чоканом Валихановым в 1852 году – на его акварели обозначена могила Набокова.

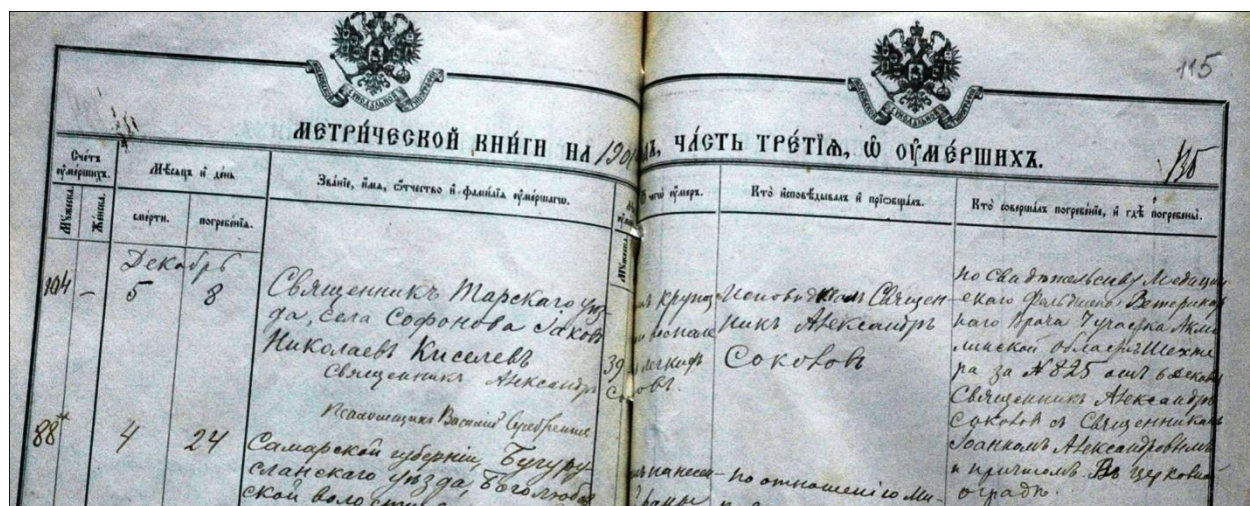
Находка записи в МК и акварель заставили меня задуматься о другом месте захоронения. В описании реки Убагана от 1892 года автор пишет: «На среднем из этих холмов, обрывисто подмытом с северо-западной стороны, теперь уже сухого, озера Талы, находился пикет Аманкарагайский. В расстоянии 450 саженьей от этого места расположено русское кладбище, между могилами которого виднеется памятник полковника Набокова, бывшего начальника того казачьего отряда, который в числе 200 человек при полевом оружии был послан в 1807 году...».

Вскоре удалось отыскать карту Кушмурунской волости 1912 года - на ней между двумя озёрами обозначен крест и подписано «Могила Набокова». Последним доводом в пользу версии захоронения подполковника служит то, что в августе в храме служил Алексей Дмитриевич Пономарев, а Гавриил Андреевич Нассонов находился в Аманкарагайском пикете, где совершил обряд отпевания и присутствовал при погребении. 18 августа он уже служил в Пресногорьковской.

Запись о погребении Набокова в метрической книге Пресногорьковской церкви.

В 1993 году бабушка Зенепрецова рассказала мне историю о том, как её отец Василий Томский копал могилу для священника. Оказалось, что в церковной ограде был похоронен Яков Николаевич Киселёв (1864-1901), уроженец поселка Новоникольский Петропавловского уезда. В 1885 году он окончил Тобольскую духовную семинарию. 24 августа 1886 года Яков венчался с учительницей Бронниковского сельского училища Александрой Александровной Тюшевой в Введенской церкви г. Тобольска. Через три недели, 14 сентября, его рукоположил в сан священника епископ Тобольский и Сибирский Авраамий. С 30 декабря 1891 года, до своей кончины, он служил священником в храме станицы Пресногорьковской. «За усердную и полезную службу» был награжден правом ношения фиолетовой скуфьи. В метрической книге церкви читаем запись: 5 декабря 1901 года, священник Тарского уезда Яков Николаев сын Киселев скончался в возрасте 39 лет от крупозного воспаления легких, исповедал священник Александр Соколов, освидетельствовал медфельдшер ветеринарный врач 7 участка А.П.Шехтер, похоронен в церковной ограде».

Запись о погребении священника Якова Киселева

«Омские епархиальные ведомости» писали, что в октябре 1914 года умер священник на диаконовской вакансии Пресногорьковской Богородице-Казанской церкви Симеон Игнатьевич Коледа, 55 лет, от рака. Вероятно, он был похоронен у храма.

В некрологе Омского войскового еженедельника «Иртыш» за апрель 1919 года сказано, что генерал Иван Яковлевич Нарбут умер 7 апреля и похоронен в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда.

Родился 4 мая 1851 года в Витебской губернии, в семье потомственного дворянина. После окончания Павловского военного училища в 1870 году получил первое офицерское звание. В составе Туркестанской армии воевал в среднеазиатских ханствах. С 1895 по 1908 год служил командиром 2-го

Сибирского казачьего полка, дислоцированного на границе с Китаем. После отставки проживал в станице Пресногорьковской. В 1916 году вернулся в Джаркент (ныне г. Пржевальск), где был почётным мировым судьей. Есть сведения о том, что перед революцией Нарбут служил начальником Асхабадского гарнизона. Будучи в белых войсках Восточного фронта и в апреле 1919 года оказался в Пресногорьковской. О его службе и судьбе я написал очерк «Тайна старого генерала»(Петропавловск. ньюс).

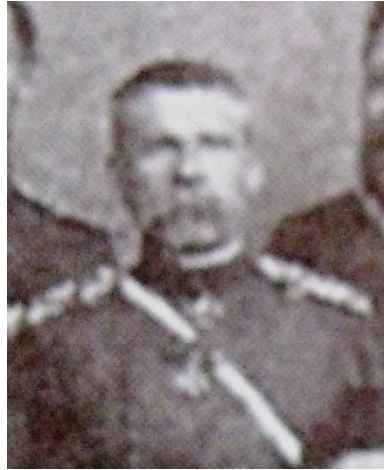

Фото Ивана Яковлевича Нарбута перед отставкой, 1908 год

На одной из чугунных плит обозначена надпись « ...Почившего младенца дочери дворянина Нины Борисовны Бедриной, умершей 6 января 1907 года, прожившей на сём свете 4 года. Господи, прими дух ёя с миром»

Её дед, Фёдор Бедрин получил дворянство в 1843 году за подавление крестьянских выступлений в Курганском уезде, направленных против реформ П.Д. Киселева. Сотня Бедрина навела порядок в центре волновавшихся селений – селе Чернавском и по всему правобережью Тобола, вплоть до Кургана. Его сын Борис оставил о себе плохую память в годы крестьянского восстания 1921 года – лютовал против «своего же рода-племени» (так написала мне свидетельница), командовал сотней в отряде Дмитрия Ковалёва. Уехал подальше от Пресногорьковки, работал начальником почты под Петропавловском. Был арестован и расстрелян в 1937 году.

Плита Нине Бедриной

Ещё одна расколотая плита, найденная несколько лет тому назад Владимиром Виниченко во время строительства врачебной амбулатории, свидетельствует о том, что под ней покоился человек, оплативший или выковавший железную ограду церкви. В нижней половине плиты: «Феодора... умершего 1914(?) прожившего на сём свете 75 лет 5 месяцев. Он же построил сию церковную ограду на собственные средства 1911 года».

Плита неизвестному лицу, сделавшему кованую ограду вокруг храма

До 1912 года храм и кладбище было обнесено ветхим деревянным забором, на столбах которого покоились тяжелые железные шары. Пролёты забора кочевали по всему селу – часть их была сдана в металлолом, несколько пролётов долгое время окружали райком партии (детсад «Ёлочка»), стояли на улице Береговой у дома Шороховой. Несколько из них сейчас отреставрированы и находятся у почты и у частных домов.

К сожалению, фамилии этого спонсора выяснить не удалось.

Часть ограды у детсада «Ёлочка». Снесено в 2024 году

Было ещё несколько находок на старом кладбище у северной стены церкви. Последнее захоронение, случайно поднятое нами в алтаре ещё в 90-м году, принадлежит особо почитаемому прихожанину – жертвователю или настоятелю. В зимней части храма. В двух метрах от современного входа, во время сооружения смотровой ямы для пожарной машины, также было найдено захоронение неизвестного. Новая ограда, поставленная в 2005 году, довольно точно повторяет контуры старой. Полагаю лишь, что забор с северной стороны храма располагался на десяток метров ближе к современному зданию школы

Реставрированная ограда у частного дома

Таким образом, удалось документально подтвердить, что на церковном кладбище хоронили исключительно священников, генералов, дворян и их детей. Впрочем, погребения у стен церкви строго регламентировались уставами.

«...При церквях, находящихся в селениях, но не в самих церквях, дозволяется погребать тела местных протоиереев и священников, честно и беспорочно проходивших своё служение и христиански скончавшись» (Указ священного Синода от 12 апреля 1833 года). Указ допускал погребение прочих лиц «сколько можно реже и не иначе как по особому распоряжению архиерея и по самым уважительным причинам», например « в благодарность создавшему храм своим иждивением или обеспечившему содержание притча и притом имевшему житие благозаконное и кончину непостыдную» (Определение Священного Синода от 25 августа 1882 года). В законе от 8 декабря 1903 года говорится: «на каждый случай погребения в церковной ограде, как мирян, так и священнослужителей надлежит обязательно испрашивать разрешение местной гражданской власти и Епархиального начальства» (ист.: Оренбургские Епархиальные ведомости от 19 июля 1912 года №28-29).

Надеюсь, что у каждого забытого церковного погоста найдется свой историк, сохранивший память о некогда живших здесь людях.

«Ищите, и найдёте. Стучите и отворят вам...»(Мф.7:7).

Ненаписанные «Пресновские страницы»

В 1906 году в станице Пресновской Петропавловского уезда родился Иван Петрович Шухов, будущий известный писатель и публицист, лауреат литературных премий, редактор журнала «Простор». Впечатления детства и юности легли в основу романов и повестей, статей и докладов о жителях Горькой линии. В 1969 году в плане «Пресновских страниц» писатель поставил перед собой задачу – создать широкое эпическое полотно, повествующее о жизни сибирского казачества. В журнале «Простор» были опубликованы автобиографические повести «Колокол», «Трава в чистом поле», «Отмерцавшие марева». В 1975 году их включили в книгу под общим названием «Пресновские страницы», удостоенную Государственной премии Казахской ССР.

Шухов Иван Петрович(1906-1977)

Но выход книги был лишь каплей в нереализованном плане писателя. Нехватка времени и идеологические установки не позволили ему создать сибирский «Тихий Дон».

Возьму на себя смелость, используя заметки писателя из плана «Пресновских страниц»*, приоткрыть дверь в документальное прошлое, которое намеревался описать для читателей Иван Петрович Шухов в художественном произведении.

Пояснение: после фразы И.П.Шухова следует мой исторический комментарий к ней и ссылка на мою статью на сайте с подробным погружением в тему.

«Поездка в Казихин Монастырь».

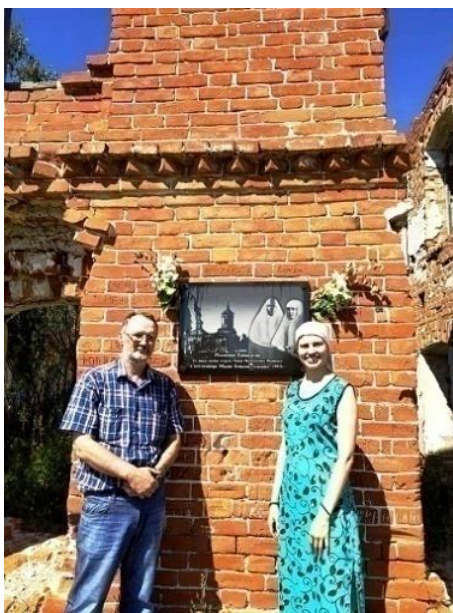
В последние годы об Архистратиго-Михайловском женском третьеклассном общежительном монастыре, расположенном в пятидесяти верстах к западу от Пресновки, пишут много. Его историей, начиная с конца 80-х годов занимался я, собирал материалы петропавловский исследователь православных приходов Сергей Федорович Шатилов, написал книгу писатель Александр Иванович Дедов.

Сегодня Архистратиго-Михайловский монастырь официально признан сакральным местом Северного Казахстана и взят под охрану государства.

Монастырь, созданный волей Божьей и усилиями Анны Васильевны Казиной в 1896 году, вначале существовал в качестве женской православной общины. Новая власть закрыла монастырь весной 1921 года после расстрела игуменьи и двух монахинь. Благословение на открытие общины дал пресновский священник о.Никанор Попов. Следует отметить то обстоятельство, что поиски документальных свидетельств о мученической кончине игуменьи и сестер пока не увенчались успехом. Расстрельные команды не спешили доверить бумаге свои преступления, совершая издевательства и убийства без приговоров и записанных допросов. Устного приказа командира было вполне достаточно, чтобы «отправить к Духонину» (*расстрелять – прим. С.В.*) любого любимого в народе человека, будь он писателем, генералом или священником. Авторитет игуменьи Евпраксии не помешал палачам расстрельной команды исполнить революционный приговор.

Подвижнический вклад игуменьи Евпраксии в развитии основ православного христианства в нашем крае трудно переоценить. До сих пор на Пресногорьковской линии пожилые люди вспоминают много хорошего о монастыре и его настоятельнице.

Об истории монастыря здесь: <https://pkzsk.info/rasstrelyany-i-zabyty-istoriya-arkhistratigo-mikhajjlovskogo-monastyrya/>.

Автор у памятной доски на стене монастырской школы. 2022 год

«Казачьи поселки. Островка, Казанка, Лопушки, Железное, Усердное, Богатое».

В 1846 году по указу императора Николая I жители казенного поселения Казанское(322 человека), выходцы из Воронежской области, были поверстаны в 4-й Сибирский казачий полк. Бывшие крестьяне, в одночасье ставшие казаками, стали верой и правдой служить царю. К концу XIX века в поселке

проживало более 1200 жителей, в основном занимавшихся разведением лошадей и крупного рогатого скота. «Казаничи жили великорусским укладом – большесемейностью, зная, что «семья воюет, а один горюет». У них старший брат был головой – распорядителем, и младшие, нередко уже семейные, считали большака за вожака-атамана их общей семьи. Жители этого поселка, к чести их, были усердные хлеборобы и радетельные хозяева, и жены их были домовитые хозяйки, мастерицы-пряльи и ткальи, по пословице: «могли и золотом шить, могли и молотом бить», поэтому бедноты в поселке было мало, а больше было середняков, у которых запас хлеба был года на два – на три, скотинки голов 10-15 и на черный день имелся грошик, нажитый честным трудом», – писал в эмиграции протоиерей Григорий Яковлев. В январе 1904 года на японскую войну поселок сумел выставить полную строевую сотню во главе с есаулом Самсоновым.

В 1846 году императорским повелением были включены в состав Сибирского казачьего войска деревни Усердная(137жителей), Лапушки(104), Богатая(156)Железная(98). В редуте Островном проживало 243 человека (основан не позднее 1802 года).

«Пресновские ярмарки. Никольская. Афанасьевская».

К 80-90 годам XIX века главной формой организации торговли стали ярмарки и торжки. Первая ярмарка в Сибирском казачьем войске была учреждена в 1849 году в станице Николаевской. В последующие годы были открыты еще три ярмарки в степных поселениях: в Кокчетавской и две в Акмолинской, последние первенствовали своими оборотами над всеми ярмарками. Первое место в торговом обороте занимал Петропавловский уезд, в котором кроме десяти ярмарок происходили еженедельные торжки: в ст. Пресновской, Пресногорьковской, Новорыбинской и Екатериненской.

Из внутренних губерний России везли продавать в пределы Сибирского войска: зерновой хлеб, муку, крупу, овес, сельские ремесленные изделия и мануфактурные товары. Вывозные предметы торговли на сибирских и российских рынках – лошади, рогатый скот, овцы, и полученные от них продукты: кожи, сало, шерсть, рыба, икра, рыбий жир, соль, огородные овощи, мед, воск, бревна, жерди, дрова. Казаки выменивали у казахов скот, кожи, овчины, муку, сено, материю, глиняную и деревянную посуду. В станицах продавали самодельное вино и табак-самосад.

«Тут благоприятствует близость к горькой казачьей линии многочисленного и значительного крестьянского населения Ишимского, Курганского и Ялуторовского округов. Главную массу стекающегося на ярмарки народа составляют казахи, казаки и крестьяне из соседних внутренних округов. Купцы и приказчики приезжают не только из ближайших, но и из отдаленных городов Тобольской и Томской губерний, а также из Оренбургской и Пермской губерний. Из торгующего населения больше всего бывают татары» – писали российские газеты.

Для помещения товаров в казачьих поселениях построили ярмарочные балаганы, за которые взималась плата в станичный доход. В ряде станиц были устроены гостиные дворы из деревянных лавок. В Пресновской построено лавок 51.

Семья зажиточного казака Моисеева. 1908 год

В Пресновской «бывают две большие ярмарки, главный продукт торговли – скот, одна». Декабрьская приносила доход да двухсот тысяч рублей, январская – до ста тридцати тысяч рублей. В 1895 году общий денежный и меновой оборот этих станиц доходил до миллиона рублей. Станица Новорыбинская славилась лучшими казахскими лошадьми, их охотно скупали российские купцы. В 1891 году во время посещения Сибирского казачьего войска цесаревичем Николаем, подросток Петр Бородавкин проскакал рядом с его каретой 110 верст до Пресногорьковской и далее, до границ с Оренбургской губернией, удивив последнего императора России и конвой отличными качествами своего коня.

Местные ярмарки были связаны с Ирбитской и Нижегородской. К примеру, на Пресновской Афанасьевской ярмарке 1891 года из опрошенных купцов 16 человек привезли мануфактуру с Ирбитской ярмарки. Купец из станицы Звериноголовской привез с Крестовской ярмарки 150 пудов мануфактуры на пять тысяч рублей. Четверо приехали из Звериноголовской, трое из Петропавловска, четверо из Кургана, двое местные, по одному из Кустаная и Ишима. Курганские купцы Харламовы привезли с Нижегородской ярмарки в Пресновку чай, сахар, табак, фарфоровую посуду. Василий Харламов привез из Москвы скобяные и москательные товары, посуду, самовары, чай, сахар, лампы, всего 250 пудов на 2500 рублей. С остатками товаров он планировал отправиться на ярмарку в село Моршихинское Курганского уезда. Курганский купец Петр Савостьянов привез из Нижнего Новгорода и Ирбита фарфоровой посуды 200 пудов на 1000 рублей. Купец из ближнего села Теплодубровного привез из Ирбита мануфактуры на 5000 рублей (Щеглова Т.К.). Гурты купленного скота гнали по Казачьему тракту на Троицк и далее - в Казань и Нижний Новгород.

Подробнее о торгово-экономических отношениях на Горькой линии:
<https://pkzsk.info/razvitie-torgovo-ehkonomicheskikh-otnoshenijj-na-presnogorkovskojj-linii-v-xviii-xx-vekakh/>

«Год 1914-й

Казачий бунт в Кокчетаве.

Убийство казаками есаула Бородихина.

Военно-полевой суд. Репрессии. Расстрелы».

Из документа о казачьем бунте:

Акмолинский губернатор сообщал 20 августа 1914 года в Омский департамент полиции:

«31-го июля сего 1914 года, в 5 часов вечера, в кокчетавском сборном пункте мобилизованные казаки 4 и 7 полков произвели военное восстание, сожгли офицерский барак с имуществом и убили офицера подъесаула Бородихина. Обстоятельства этого дела таковы:

Молодой казак Данилов заторговал на сборном пункте у одного казаха для себя лошадь и куда-то на время отлучился. Узнав по возвращении на пункт, что заторгованную им лошадь продавец уже продал подороже другому лицу, казак Данилов начал упрекать его в недобросовестности и пытался отобрать лошадь силой, но тот не давал ему, долго отбивался и ударил Данилова ногой с такой силой, что она моментально распухла. Казак Данилов просил старшего по лагерю офицера подъесаула Бородихина наказать продавца лошади за нанесение ему оскорбления, но последний ему отказал, разъяснив, что наказывать частных лиц за такие поступки он не имеет права и при этом в шутовском тоне высказался: «Какой же ты после этого казак, когда тебя побили, вместо жалоб насшибал бы ему хорошенько, да и делу конец».

Данилов продолжал настаивать на своем и привел обидчика к офицерскому бараку, стараясь ударить его. За казаха вступился Бородихин, разняв их и ударив при этом Данилова. Тот закричал на весь лагерь, что его ни за что бьет офицер, тут же сбежалась полупьяная толпа в несколько сот человек и, крича об избиении казака, бросилась на террасу, где сидел Бородихин. В подъесаула полетели камни, палки и все, что попало под руки. «Сначала офицер Бородихин, защищаясь от озверевшей толпы, отстреливался из револьвера», но увидев, что толпа подошла к его бараку, бросился к речке Чаглинке, был настигнут на берегу и убит. «Находившиеся в тот момент в лагерях младшие офицеры Аников (*Анненков?* – прим. С.В.) Шевелев и Бородихин, младший брат убитого, не принимали никаких мер к прекращению беспорядков и ограждению товарища от насилия, спокойно стояли и смотрели на происходившее».

После убийства казаки 4-го и 7-го полков упрашивали их остаться в лагерях и уверяли, что их не тронут, но они ускакали в Кокчетав, где заявили атаману отдела о случившемся.

Военно-полевой суд приговорил восемь казаков из станиц Лобановской, Сандыктавской и Акан-Бурлукской к расстрелу.

Полная версия этого происшествия изложена здесь (<https://pkzsk.info/tri-versii-odnogo-sobytiya/>)

«Первая мировая война. Проводы казаков в полк».

Очевидец так описывает проводы на Великую войну в станице Пресногорьковской: «У каждого дома толпился народ. Всюду слышны были песни и плач. По улицам то и дело скакали всадники, в одиночку и группами. Из каждого дома один или двое уходили на войну. Собирались у станичного правления, строились в шеренги. Протрубили полный сбор, атаман Шешминцев и офицеры проверили снаряжение, осмотрели коней, обмундирование. Началось прощание с родными, Это была душераздирающая картина. Площадь гудела от рыданий, женщины падали в обморок, рвали на себе волосы. Хватались за стремя. Около 30 подвод с провожающими выехали до Половинного и далее до станции Лебяжье. Долго стояли люди, махая вслед фуражками, пока всадники не скрылись за березовым лесом».

Сабит Муканов был свидетелем проводов на фронт в соседней Екатериновке. Молебен на площади уже заканчивался, когда ребятня залезла на церковную ограду и с любопытством смотрела на происходящее. «Вся просторная площадь была забита народом. Молодые казаки в форменных гимнастерках, с красными погонами на плечах стояли в конном строю перед церковью, жаркий ветер слегка колыхал из пышные, лихо зачесанные чубы...Далеко за станицу проводили мы казачий эшелон...Все дальше и дальше уходили казаки. Все глуше звучала их песня. Но вот уже заглохла песня, а станичные женщины и девчата все стояли, смотрели вдаль и заливаясь горькими слезами. Грустно было на душе. У меня было такое ощущение, словно и я вместе с жителями станицы проводил в эту невеселую дорогу кого-то из близких и родных...».

Проводы на службу казака Степанова, ст.Пресногорьковская
(архив автора).

«Разгром в Августовских лесах 4-го Сибирского казачьего корпуса».

В феврале 1915 года 20-й корпус 10-й армии, действовавший в Восточной Пруссии в районе Пинских болот, был отрезан германской армией

от основных частей. Случилось это во время отступления корпуса на Гродно. Немцы перебросили из Франции шесть корпусов, которые были использованы для подавления трех русских корпусов. Им удалось оттеснить корпус генерала Епанчина и выйти на Вильковишки, замыкая кольцо вокруг 20 корпуса, обозы которого растянулись от Сувалок до Сейны. Под Сейнами командирам стало ясно, что полки попали в окружение. Двигаясь назад на Сувалки корпус повернул на узкую дорогу, ведущую в малопроезжимые Августовские леса.

Сибирцы попали в болото и под огнем противника частью погибли, частью были пленены. Командир полка войсковой старшина Г.А. Власов был ранен и скончался в деревне Курьянка. Об этой атаке вспоминает генерал – лейтенант Хольмсен: «войска, расстреляв все патроны, дорого продавали свою жизнь. Собравшиеся остатки второочередного полка №4 Сибирских казаков в числе около полуторных сотен, к коим пристроились еще некоторые артиллеристы, решили под командою своего командира, 64-х летнего войскового старшины Власова, прорваться конною атакою. Казаки попали в болото и понесли огромные потери от ружейного огня. Вторичная атака была для них губительна уже под действием пулеметного огня. Почти все полегли. Все ближе и ближе подходили немецкие цепи... Потери убитыми и ранеными были колоссальны и не поддаются учету. Эта заключительная драма под Млынеком проходила после полудня».

Доктор исторических наук Н.Яковлев пишет: «20-й корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля бросились в последнюю атаку с голыми руками, на узком участке прорыва волна солдат сбила пехоту противника. Корпус нашел гибель в Августовских лесах...».

В середине 70-х годов прошлого века автору не раз приходилось слышать от стариков рассказы об этой катастрофе. Она не забылась даже через шесть десятилетий лихолетья.

О событиях Великой войны подробно здесь: <https://pkzsk.info/po-kom-zvenel-kolokol-velikaya-i-zabytaya/>

«Пленение немцами казаков нашей станицы».

В воспоминаниях атамана (тогда сотника) Б.В. Анненкова читаем: «Я прибыл в 4-й Сибирский полк, который вел тяжелые бои в районе Пинских болот...В одном из сражений полк был полностью разбит. С остатком полка мне удалось добраться до Гродно, откуда затем началось общее наступление». В плен попали войсковой старшина П.П.Волосников, командир сотни есаул В. Безобразов, хорунжие Катанаев, Нарбут, Сергеев. Количество погибших и плененных в Августовских лесах сибирских казаков составило около 300 человек.

В декабре 1918 года находились в плену казаки станиц: Пресногорьковской 19, Починной 5, Пресногорьковский редут 10, Крутоярской 8, Песчанской 13, Сибирской 7, Богоявленской 5, Камышловской 10, Кабаньей 11, Пресновской 10 человек.

Семён Селезнёв (слева) в 4-м казачьем полку(архив автора)

«Приход красных. Пятая армия. Дивизия Стеньки Разина».

Командующий 5-й армией Михаил Николаевич Тухачевский.

Пролетарский кавалерийский полк имени Степана Разина в составе 35-й стрелковой дивизии, командир Карташов Александр Ермолаевич. В июне 1918 года был сформирован в Троицке как 1-й Оренбургский казачье-социалистический полк имени Степан Разина из казаков Троицкого округа.

«Пресновская битва».

Обстоятельства боя на улицах Пресновской станицы 9 сентября 1919 года описаны в трудах О.А.Винокурова и В.А.Шулдякова. Приведу лишь один документ об этой трагедии, свидетелем которой, будучи подростком, был Ваня Шухов.

«Вернувшись из дивизии и найдя полк в жалком состоянии, я начал спрашивать: как, почему, когда и где что произошло. Красноармейцы и командный состав рассказывали мне о случившемся, говорили, что такого боя, как под Пресновской, в эту войну мы еще не видели. Снаряды рвались везде и всюду, жужжание пуль было вроде пролетающего роя пчел, казаки везде и всюду появлялись группами с обнаженными шашками, ярко сверкающими на солнце. Роты красных бойцов совместно с командиром т. Ряпиным (сочувствующий) и находящимися в них партийными работниками бросались на казаков в яростные атаки и контратаки. Жертв было масса с обеих сторон. Только маленькое количество бойцов поддавалось панике. Приходилось видеть, как некоторые товарищи поднимают руки вверх (говорю вообще о бойцах всех полков) и как подскакавшими казаками отрубались руки трусов. Казаки работали направо и налево. Командир 4 роты т. Черников (коммунист), занимавший временно должность комбата, с 4 ротой бросался в яростные атаки и схватки с казаками, ни одного партийного работника из названной роты не вернулось, все погибли славную смертью.

Погибли, как надо умирать только искренним сынам Советской республики, товарищи Мошалкин (пом. комполка), кандидат в члены РКП (б),

Ржавин (политком батальона), Раевский (военком полка), Васильев, Земтур, Мещерский, Паластинин, Дружнов и много других славных работников. Ржавин и Раевский, видя, что им приходится плохо в кругу казаков, сами застрелились. Пресновский бой совсем опустошил ряды наших коммунаров: из 100-120 членов и сочувствующих найдется 40-50»(из доклада информатора 35-й стрелковой дивизии политотделу дивизии от 4 октября 1919 года. Ст. Звериноголовская).

«Колчак. Атаманы Анненков и Дутов».

За конной атакой Сибирского казачьего корпуса у поселка Островка по свидетельству Г.К.Гинса, наблюдал сам адмирал Колчак. Он прибыл в 3-ю армии на автомобиле, чтобы быть свидетелем решающего сражения и воодушевлять войска. С ним были глава Британской миссии в Сибири генерал А.Нокс и походный атаман казачьих войск и инспектор кавалерии А.И.Дутов. Тракт в те годы проходил через Пресновку и конвой адмирала не мог миновать её при следовании к Островке. Кроме того, в станице адмирал провел смотр уральским стрелкам и сибирским казакам.

«Белый генерал Фаддей Глебов».

Полный георгиевский кавалер Фаддей Львович Глебов(1887-1945, Шанхай) ушел на Великую войну из поселка Казанского Пресновской станицы простым казаком. Через шесть лет, будучи генералом, во время Великого Сибирского Ледяного похода командовал 10-м казачьим полком. После ухода белых из Приморья возглавил в Китае русскую эмиграцию.

Подробнее о судьбе генерала: <https://pkzsk.info/shankhajjskijj-bars-iz-petropavlovskogo-uezda/>

Ф.Л.Глебов

«Кулацко - эсеровский мятеж в Приишимье».

В начале февраля 1921 года в Сибири и Северном Казахстане вспыхнуло Западно - Сибирское восстание. Движущими силами восстания стали остатки колчаковцев, эсеровский крестьянский союз, недовольное подразверсткой крестьянство и казачество. Основными лозунгами восставших были «Долой подразверстку!», «Советы без коммунистов». Возникло несколько повстанческих очагов движения.

На юге Курганского уезда и в западной части казачьей линии действовала "Первая народная армия". Штаб ее находился в станице Кабаньей. Начштаба "армии" был некто Дутов – по мнению чекистов, "самозванец, назвавшийся Дутовым, с целью вызвать энтузиазм повстанцев". Среди командиров чекисты называли бывших генералов Анненкова, Лебедева и Церетели, скрывавшихся в Казинском женском монастыре под видом богомольцев, и белых офицеров Ольгинского и Морозова. Фамилии генералов были на слуху с периода боев 1919 года и в этих местах в это время их быть не могло, а «первой армией» на самом деле командовал уроженец станицы Кабаньей старший урядник Иван Дурнев. Вооружены повстанцы были плохо. В Пресногорьковском районе "народная армия" насчитывала до 1500 казаков, вооруженных на треть личного состава, большинство – самодельными пиками, топорами и вилами. В каждой деревне и станице организовали кузницы, где изготовляли пики из железных вилок. «Первый освободительный полк» насчитывал полтысячи человек, из них две сотни всадников. Вооружены винтовками только пятьдесят, все остальные – пиками, изготовленными в Лопушках. «Второй» полк, состоящий из 1250 человек, был хорошо вооружён на одну треть. Пики, топоры и вилы были на вооружении отряда Мальцева.

В Приишимье действовала повстанческая 1-я Сибирская казачья дивизия под командованием подхорунжего Токарева. Уроженец станицы Екатерининской, георгиевский кавалер, Семён Георгиевич Токарев воевал в Первую мировую войну в 1-м Сибирском казачьем полку. После падения Омска в ноябре 1919 года, он сдался в плен к красным. Но последующие события заставили его воевать на стороне восставших. Дивизию составляли казачьи полки под командованием вахмистра О.Зубкова.

Подробнее о восстании: <https://proza.ru/2022/06/05/830>

«Банда Ковалева. Лозунг: «За базары без коммунистов!».

Ковалёв Д.А.

Документ: записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов: «...из юго - восточного сектора уезда, где оперирует отряд Ковалёва по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не

подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к госстрою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. Ковалёва с точки зрения политической этики терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком прошу Вас принять соответствующие меры к укрощению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказаться от услуг т. Ковалёва, как бы ценны они не были».

«Вторжение повстанцев в Пресновку».

Трагедия крестьянско-казацкого восстания 1921 года не обошла стороной семью Ивана Петровича Шухова. В коротких, словно рубленых фразах – весь трагизм и леденящий ужас гражданской войны:

«Брат на брата. Иван – с мятежниками. Дмитрий вместе с сестрой Паней – с коммунистами.. Я – ЧОНОВЕЦ. Несу караул в ночи у штаба ЧОНа. Мой арест повстанцами. Казнь мятежниками Виктора Воропаева. Расстрел Нины Садчиковой и Нины Размановой. Гибель старшего моего брата Ивана. Отец откапывает в братской могиле труп Ивана. Привозит его убитого на салагах, укрытого рогожей к нам домой. Иван на скамье – в кухне нашего дома. Отгаивает. Кровь сочится в подставленные под скамью тазы и ведра. И в эти же дни – смерть молодой жены Ивана – Нины. И тут же смерть и их новорожденного сына».

Эпилог

В очерке я сделал попытку при помощи документов прокомментировать лишь небольшую часть плана «Пресновских страниц». Большое количество фамилий и событий, обозначенных в нём Шуховым, говорит об огромном желании основательно рассказать о жизни на Линии и сохранить память для потомков.

Трагические события начала прошлого века, к которым историк может прикоснуться лишь посредством изучения документов, Иван Петрович видел своими глазами. Бог ведает, какие замечательные сюжеты ожидали читателей таланта писателя на страницах полной версии «Пресновских страниц», воплотил он свои планы в жизнь.

*Шухов И. План «Пресновских страниц»,- в кн: Собрание сочинений, т 5. Алма-Ата, 1983. с.564-568.

Осколки ушедшей эпохи

К столетию со дня рождения вождя пролетарской революции Владимира Ильича Ленина, в 1970-м году, по всему Советскому Союзу создавались ленинские комнаты, открывались музеи, ставились бюсты и памятники. В Пресногорьковской школе музейную комнату открыли после поездки группы школьников на экскурсию в город Ульяновск. Руководил туристами мой отец, преподаватель трудового обучения. Помню свою детскую комнату после его возвращения, заполненную до самого потолка связками книг, газет и плакатов. Здесь же ожидали своего места в музее и различные сувениры. Значки и марки по ленинской тематике хранились в коробках и альбомах. Вскоре в школе нашлась классная комната, где на уроках труда быстро оформили музейные стенды.

Среди поисковых материалов того времени есть переписка Совета музея с архивами и частными лицами. В папках хранятся пожелтевшие листы, отпечатанные на машинке и письма с выцветшими строчками, написанные ветеранами гражданской войны в конце прошлого века.

Вот ветхие листы воспоминаний часового поста №1 Арсения Владимировича Кашкина, присланные пресногорьковским школьникам в 1974 году.

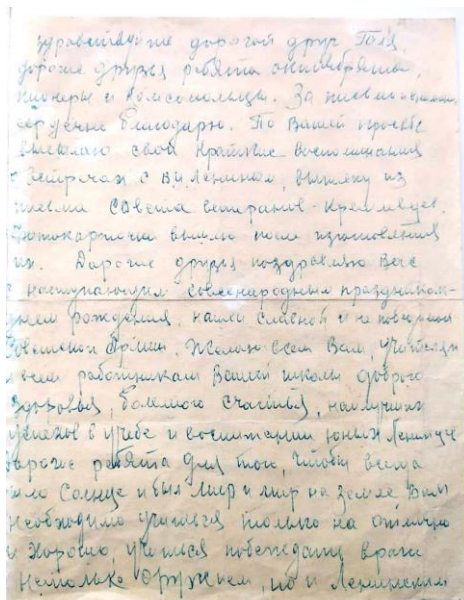

часовой поста №1
Кашкин Арсений Владимирович
1921-1941 г.
Арсений

«На протяжении 1921 – 24 годов, будучи курсантом объединенной командной школы имени ВЦИК Советов, мне приходилось многократно видеть Владимира Ильича и слышать его вдохновенные речи. В начале ноября 1921 года я присутствовал на торжественном собрании рабочих Трёхгорной мануфактуры в честь четырёхлетней годовщины Великого Октября. Люди стояли везде, даже на подоконниках столовой фабрики. Когда неожиданно появился Ленин, дружное громкое «ура» потрясло стены. Мне никогда раньше не приходилось видеть и чувствовать ничего подобного, а овации всё разрастались. Ленин поднял руку, пытаясь приостановить рукоплескания, но они ещё долго не стихали. Я стоял в нескольких шагах от Ильича. Одет он был просто и аккуратно. Невысокая, но крепкая, коренастая фигура, глубоко

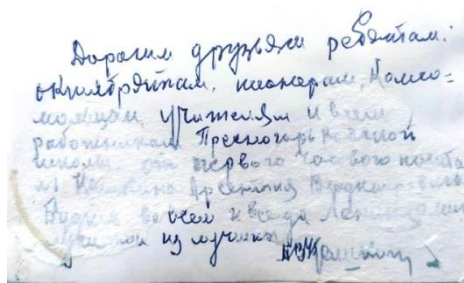
сидящие под большим лбом живые смеющиеся глаза, свободные и естественные жесты. Наконец, сбылась моя мечта увидеть создателя партии и советского государства. Ленин заговорил, речь его была простой и понятной... Он призывал работниц фабрики путем НЭПа начать восстановление народного хозяйства, проявить максимальную бдительность и упорство в борьбе с врагами революции. Его слушали затаив дыхание, стараясь не пропустить ни единого слова...

Я много раз стоял на постах у квартиры и кабинета, охраняя жизнь вождя революции. К часовой он относился с исключительной сердечностью и вниманием, приветливо здоровался с каждым, обязательно спрашивал – откуда ты, кто родные, получаешь ли письма из дома, что пишут. Часовому не полагалось разговаривать, но правило нарушалось. В конце 1921 года я стоял на посту №27 у квартиры Ильича. Идя на работу, Ленин поздоровался со мной и спросил, что пишут из дома. Я ответил – из Донской области родные сообщают, что за невыполнение продразверстки у казаков нашей станицы отобрали весь скот, и, если его не вернут, то он погибнет от бескормицы и не на чем будет сеять весной...

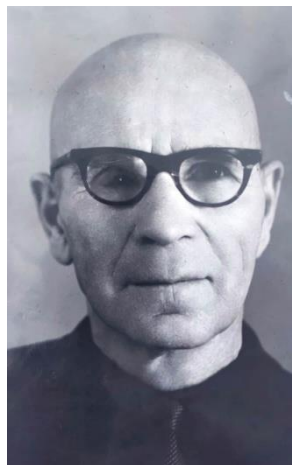
Письмо А.В.Кашкина

Он тут же направил меня к всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинину. Тот выслушал меня, вызвал секретаря и велел послать телеграмму вёшенским властям с предложением немедленно возвратить крестьянам весь рабочий скот. Будучи в отпуске, весной 1922 года, я узнал, что перегиб местных администраторов был тут же исправлен. Несколько раз я встречал Ленина на прогулках в Кремле в окружении родных: сестры Марии Ильиничны и Надежды Константиновны Крупской. Ильич был жизнерадостным и временами заразительно смеялся. Однажды в Тайницком саду Ленин подошел к группе курсантов, играющих в городки и играл с ними целый час. Своей ловкостью в игре удивил всех курсантов, так как ни одна брошенная палка не проходила впустую, и вышибались все фигуры.

Для Владимира Ильича была характерна черта: полное отсутствие надменности, кичливости, высокомерия. Часто крестьяне – ходоки выходили из его кабинета со словами: «До чего прост, до чего добр!» ...Ленин довольствовался скромным, подчас голодным пайком. Он объявил строгий выговор управделами Совнаркома товарищу Бонч-Бруевичу за то, что тот повысил ему зарплату на триста рублей. Личный шофер рассказывал, что Ленин часто подвергается в поездках опасности, но отказался от охраны. Как-то в кремлёвской парикмахерской Ильичу предложили побриться вне очереди, но он категорически отказался, говоря, что мы должны соблюдать очередь, раз сами установили её...».

О похоронах Владимира Ильича А.В.Кашкин вспоминал: « В 20 часов 21 января 1924 года курсанты школы имени ВЦИК были собраны на площади около здания правительства, где нам сообщили тяжелую весть. Многие курсанты плакали и спрашивали, что будем делать без Ленина. С 23 по 26 января вместе с кавалеристами 1-го эскадрона мы стояли в почетном карауле у гроба с телом Ленина в Колонном зале. За трое суток мимо гроба прошло множество людей, некоторые падали в обморок.

А.В.Кашкин, 1969 год

26 января в большом театре состоялось траурное заседание II Всесоюзного съезда Советов. На нем выступили М.И.Калинин, Н.К.Крупская, К.Цеткин. В 24 часа доступ народа в Колонный зал был прекращен. Курсантам объявили, что вынос гроба из Дома Союзов состоится в 9 часов, погребение – в 16 часов 27 января. В 8 часов утра наш почетный караул прибыл в Колонный зал для сопровождения гроба с телом Ленина на Красную площадь. Я и курсант Г.П.Коблов являемся первыми часовыми первого почетного караула у

первого мавзолея В.И.Ленина. Нам приказали сопровождать гроб до входа в мавзолей, встать и никого больше не пропускать. Имея такой приказ охранять навеки уснувшего вождя до смены нас другими часовыми, мы сопровождали траурную процессию до мавзолея. Идти было трудно. Народ напирал со всех сторон. Слышались возгласы: «Куда Ленина понесли? Дайте нам возможность проститься с Лениным!». Слышались стоны и рыдания. Двухшереножный эскорт по бокам процессии с трудом сдерживал людей. Наконец, дошли до мавзолея и мы с Григорием заняли свой пост, но народ продолжал напирать. Помню, что руководители партии и правительства с постамента обращались к народу с просьбой успокоиться, ибо доступ к телу Ильича будет через несколько дней продолжен».

Г.П.Коблов

Григорий Петрович Коблов писал в своих воспоминаниях: «В 16 часов под первые дальние гудки разводящий Янош Мейсарош поставил меня и Арсентия Кашкина на пост у гроба Ильича, установленного на деревянном помосте на Красной площади. Руководители партии и правительства подняли гроб и медленно понесли в мавзолей. Я шёл слева, Арсентий Кашкин – справа. Гул заводских гудков рос и крепчал. Затем глухо ударили орудия. Дойдя до дверей мавзолея я и Кашкин приставили ногу, повернулись лицом друг к другу и замерли с винтовками у входа. Мимо нас бережно пронесли красный гроб, в глубокой скорби прошли родственники Ильича, его боевые соратники».

По-разному сложились судьбы двух красноармейцев. А.В.Кашкин (1901-1979 г.г.) воевал с басмачами в кавалерийском полку. В 1930 году пуля лишила его левого глаза. Он был комиссован из армии, работал председателем совхоза в Киргизии, был арестован по доносу, но вскоре реабилитирован. Совхозы, которыми руководил А.В.Кашкин, добивались высоких производственных показателей. До 1963 года трудился во Фрунзенском издательстве «Мектеп», похоронен в столице Киргизии городе Фрунзе (ныне Бишкек).

Григорий Коблов(1898-1988 г.г.) командовал полком, окончил военную академию, в 1937 году был военным советником в Китае. Участник сражений за Москву и Сталинград, со своей дивизией генерал-майор Коблов брал

Берлин. Награждён орденом Ленина и пятью орденами Красного Знамени. Похоронен в Москве.

В письме Арсентий Кашкин пишет нашим пионерам: «Не думал я, молодой батрак, сын крестьянина-бедняка с хутора Калмыкова Усть-Медведицкой станицы на Дону, что мне придется охранять вождя революции. До этого воевал с Деникиным и Махно, и оказался курсантом... Я прожил удивительную жизнь...».

Одна из папок – осколков советского периода нашей истории – содержит материалы с воспоминаниями ветерана Леонида Дмитриевича Сахарова, присланные из Краснодара в марте 1970 года. Он был делегатом III съезда комсомола в 1920 году, видел выступление В.И.Ленина и слышал его речь.

Курсант Л.Д.Сахаров, 1920 год

Он писал школьникам: «Молодым 20-ти летним командиром я был избран делегатом от Тульской губернской комсомольской организации. 2-го октября делегаты собрались в доме №6 по Малой Дмитровке, ныне в нём помещается театр Ленинского комсомола по улице Чехова. Шум, споры, рассказы. Боевая комсомольская песня вместе с юностью заполнили это большое здание. Президиум приглашает делегатов занять места в зале заседаний. Можно бы начать работу, но кого-то ждут. Совершенно неожиданно для всех из двери с левой стороны сцены стремительно появляется Владимир Ильич Ленин. Он в чёрном пальто с узким бархатным воротником. Неожиданность появления Владимира Ильича заставила всех замереть... Мы забыли даже о том, что нужно дышать. Наступила абсолютнейшая тишина, если не считать учащенного биения шестисот молодых сердец. Но тишина длилась одно мгновение... Потом зал взорвался: «Ленин! Да здравствует Ленин!». А Ильич, снимая свое пальто и осторожно кладя его на спинку стула президиума, ласково смотрит на приветствующую его молодежь».

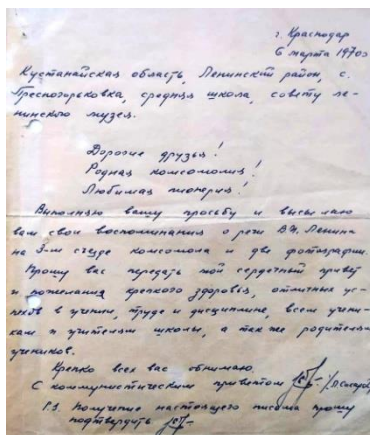
В своих дальнейших записках Сахаров комментирует речь Ленина, вошедшую во все издания под названием «Задачи Союзов молодежи» и в конце отмечает интересную деталь, не вошедшую в стенограммы, но запомнившуюся делегатам на всю жизнь. «Последние слова Ильича были покрыты громом аплодисментов, а он уже идёт к столу, присаживается на краешек стула, берёт у председателя чистый лист бумаги и начинает разбирать

массу записок, поданных ему в ходе выступления. Вдруг Ленин встает со стула, поднимает его, осматривает пол, наклоняется.

Полковник Л.Д. Сахаров, 1970 год

Становится на одно колено, приподнимает скатерть и заглядывает под стол. Присутствующие в недоумении восклицают: «Владимир Ильич, что вы потеряли? Что вы ищите?». Делегаты в первом ряду привстали и даже приблизились к сцене. «Да вот одну хорошую записку потерял», – отвечает Ильич. Несмотря на то, что нагибаться ему было трудно, так как отравленная пуля эсерки Каплан продолжала находиться в позвоночнике, Ленин ищет на глазах всего зала потерянную записку... В этом весь Ильич...».

Из переписки со школьниками, 1973 год

В музейной картонной папке с тесёмками, с грозной надписью «Дело», хранятся газеты конца 80-х годов. Открываю и вспоминаю, как студенты исторического факультета Кустанайского пединститута затевали бесконечный спор по поводу местонахождения тела Ленина во время Великой Отечественной войны. Многие городские старожилы, в числе которых ветеран войны Михаил Макарович Жалыбин, считали, что саркофаг, возможно, хранился в Кустанае – в уютном старинном особнячке за нынешней гостиницей «Целинная». После войны там располагалась дежурная аптека, а

ныне – городское казначейство. Особняк охраняли, что породило различные слухи. Мы несколько лет ходили мимо таинственного здания, представляя в своем воображении картину доставки тела Ленина, но никаких весомых доказательств в пользу этой версии не было.

Бывшая городская аптека г. Кустаная (совр. фото)

Лишь в 1988 году появились в печати материалы о саркофаге и его хранителях. Видимо, было решено открыть эти засекреченные факты, как тогда говорили, для «широкой общественности». На протяжении всей войны пост у мавзолея не убирали. Стояли часовые и во время сурового парада в ноябре 1941 года, когда бойцы, прошагав по брусчатке Красной площади, пешком отправлялись на передовую, чтобы уйти в бессмертие.

«Ленин с нами!», – этот посыл был доказательнее всех других лозунгов. С июля 1941 по весну 1945 года тело Ленина находилось в здании Тюменского сельскохозяйственного института. Это был особо засекреченный «объект Збарского», названный так по имени хранителя тела Бориса Ильича Збарского. Профессор был зачислен в штат 25-й школы и работал там учителем. Руководил охраной объекта С.П.Козов. Здание было историческим, в нем учились Л.Красин, М.Пришвин и знаменитый разведчик Николай Кузнецов.

В здании нынешнего костанайского городского казначейства во время войны хранилась часть коллекции Московского государственного исторического музея, поэтому его охраняли.

Тюменский СХИ, 1989 год

Из Тюмени в 1989 году на наш запрос прислали фотографии, в числе которых и читальный зал кафедры марксистско-ленинской философии, в котором стоял саркофаг.

Здесь стоял саркофаг(1941-1945 гг.)

Когда наш школьный музей стал краеведческим многие экспонаты советской поры были утрачены после ремонтов и переездов, но это наша история, и некоторые её осколки мы сохранили... Наверное и для того тоже, чтобы познакомить с ними читателей в год столетия смерти создателя Советского государства Владимира Ильича Ленина.

Бюст разведчику Николаю Кузнецову у входа в СХИ

Борис Ильич Збарский в центре с учениками 25-й школы, 1943 год

Макет «Авроры» выполнен кружковцами трудовика Виниченко Н.Д. в 1971 году

Сохранённые знамена школьной пионерской организации, фото 2023 года.
Масакбаева Тамирис, Жакупова Алина, Кимбель Мария

Уходя, оставьте свет

У каждого человека бывают в жизни встречи с теми, кто одним своим присутствием делает его духовный мир богаче и чище, а пространство вокруг – светлее и ярче. В жизни таких встреч не бывает много, но их достаточно, чтобы всегда с любовью и радостью вспоминать о посланных тебе судьбою людях. Мне исключительно повезло на такие встречи. Об одной из них я расскажу читателям.

Уроки географии в нашем классе проводила Зоя Павловна Сигуева, стройная, миловидная и энергичная женщина. Она умела так искусно преподнести изучаемый материал, вкладывая в рассказ столько эмоций и чувств, что школьники невольно заражались силою сказанных слов. В те времена в качестве дополнительных средств учитель использовал только висящую на стене выдающую виды карту и проломленный в районе Америки картонный глобус. Но Зоя Павловна с успехом довольствовалась и этим скромным антуражем. После её уроков я запоем прочёл «Магеллана» Стефана Цвейга, записки Христофора Колумба, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, каверинских «Двух капитанов» и десятки книг о путешествиях и открытии новых земель.

Летом, исследуя местность на велосипедах, проезжая до полусотни километров, мы наносили на самодельные карты маршруты своих передвижений. Бывало, нашим взорам открывалось очередное неведомое озеро с таинственно синеющими березовыми колками на обрывистых берегах, или сумрачный реликтовый бор, засыпанный хвоей и сосновыми шишками. Для нас, мальчишек, эти открытия были не менее важными и нужными, чем, скажем, высадка Джеймса Кука на берег Австралии.

Наши детские фантазии умело будили и направляли учитель географии и прочитанные книги.

Студентка. 1962 год

Работая заместителем директора по воспитательной работе, Зоя Павловна широко использовала возможности школьного музея В.И.Ленина, одним из организаторов которого она была. Совет музея, в состав которого за три десятилетия входили лучшие ученики школы, совершил много славных дел. Встречи с ветеранами войны и труда, переписка со сверстниками из социалистических стран, поиск пропавших без вести солдат – всеми делами руководила неутомимый организатор. Ей писали первые часовые мавзолея вождя мирового пролетариата, участники съездов, видевшие Ленина, генералы и чиновники, писатели и поэты. Объем работы, проделанный Зоей Павловной Сигуевой без помощи интернета был колоссальным.

Я вернулся в школу уже в качестве учителя. Позади вуз, служба в армии и три года работы в совхозе «Пресногорьковский». Зоя Павловна имела к этому времени несравненно больший опыт. Вот, что она писала в 1982 году в автобиографии: «Я, Сигуева (Мишечкина) З.П., родилась 20 апреля 1942 года в с.Гренадерка. Закончив 7 классов Первомайской школы, поступила в 8-й класс Пресногорьковской средней школы. Затем поступила в Боровское педучилище, где посещала кружки художественной самодеятельности и гимнастический. После окончания училища в 1962 году поступила на заочное отделение Кустанайского педагогического института. Работала учителем начальных классов, пения и пионервожатой в Первомайской восьмилетке.

Вуз по специальности «география» закончила в Челябинске в 1968 году. Далее работала учителем биологии и географии в Пресногорьковском интернате. С 1973 года работаю по сей день в Пресногорьковской средней школе».

Несмотря на мой определенный жизненный опыт, все последующие полтора десятка лет работы рука об руку с Зоей Павловной я по-прежнему чувствовал себя её учеником. Теперь я остро нуждался в ее педагогическом опыте, умении общаться с родителями, детьми, коллегами и методистами РОНО.

-Ты думаешь, я всегда была такой уверенной в своих поступках и действиях? – как-то пустилась в воспоминания Зоя Павловна, – так слушай. Молоденькой практиканткой я пришла на свой первый в жизни урок в самый «неуправляемый» класс в городской школе. От волнения меня всю трясло.

Картина, которую я увидела в классе, меня огорошила – все ученики стояли на стульях и наблюдали за моей реакцией. Я, как ни в чем не бывало, влезла на учительский стул и начала урок. Они ожидали от меня чего угодно – крика, истерики. Их озадачило мое странное поведение. Минут через пять мои школьники устали стоять и присели за парты.

Как ты думаешь, каково было их отношение ко мне. Правильно - уважительное».

Экскурсия в музее

В школьном музее.1987 год

Наш кабинет завучей был всегда полон народа. В те годы не было в школьном штате психологов и социальных педагогов, их функции по работе с трудновоспитуемыми успешно выполнялись администрацией. Поэтому мы по несколько часов в день разбирали конфликты и споры, воспитывая не только школьников, но и их родителей. Меня всегда удивлял природный такт Зои Павловны, её интуиция и умение сглаживать острые углы конфликтов. Большую часть жизни после трагической гибели мужа она прожила одна, воспитывая сына. По-матерински переживала за него всегда – и во время службы в армии, и в период работы на Севере. Она и здесь преуспела – сын

стал настоящим мужчиной, профессионалом своего дела. Он унаследовал лучшие качества своего деда – Павла Мишечкина, пришедшего с фронта орденосцем. Однажды я спросил Зою Павловну, знает ли она, за что именно отца наградили орденом Красной Звезды.

-Нет, не знаю, – последовал ответ, – отец никогда об этом не рассказывал. Тогда я вручил Зое Павловне наградной лист, из которого следовало, что рядовой Мишечкин десятью выстрелами из винтовки Токарева сбил немецкий самолет-разведчик «Хеншель-126», который бойцы называли «костыльём». Я хотел доставить ей радость и у меня получилось!

Зоя Павловна была выдержанным человеком, хотя бывали моменты, когда эмоции выплескивались через край. Лишь однажды я увидел испуг на ее лице. После раскопок в моем столе ненадолго оказался череп, который я намеревался описать, перед тем как снова предать земле. Он неожиданно выпал из ящика в момент, когда Зоя Павловна хотела взять оттуда какие-то папки. Я долго извинялся и обещал, что подобное не повторится.

В 2000 году отличник просвещения Казахской ССР Зоя Павловна Сигуева ушла на заслуженный отдых, но часто бывала в школе, приносила учителям свои вкуснейшие домашние заготовки, пела вместе со всеми душевные песни о деревне и природе. Голос у нее был замечательный.

Во всей округе учительница пользовалась огромным уважением и имела непререкаемый авторитет – десятки праздников были спланированы и проведены ею на площади села и стадионе.

Она всегда искренне радовалась выходу в свет очередной моей книги и публикации газетных статей. И я доподлинно знаю, что радость эта исходила из самой глубины её большого, доброго, но уже давно нездорового сердца.

Она ушла из жизни теплой сентябрьской ночью 2018 года, когда станичные тополя только начали ронять листву. Мне запомнился её шелест под ногами огромной толпы народа, провожающей любимого Учителя в последний путь.

В толпе скорбящих мне вспомнилась строфа из стихотворения Николая Некрасова: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени...». Уходя, оставьте свет.

С автором в учительской. 2010 год

Филипп Емельянов: Обратной дороги нет...

У самой кромки лесостепи, на границе Казахстана и России, раскинула свои неширокие улочки деревенька Воскресенское. Основал её Петр Михайлович Емельянов, в конце XVIII века переселившийся в Сибирь из центральной губернии России. К началу XX века Воскресенское стало крепким селом со своим храмом, на торговом тракте, связавшим станицу Пресногорьковскую с Зауральем. В нём проживало уже несколько семей, потомков основателя, с фамилией Емельяновы. У Егора Емельянова в ноябре 1903 года родился сын Филипп, с малых лет ставший для отца помощником в нелёгком крестьянском труде.

В 1925 году Филипп, получивший начальное образование, отслужил срочную службу в Красной Армии. Началась коллективизация. Шла она тяжело. Уменьшилось население Воскресенки после организации колхозов - крепкие хозяева были выселены с семьями на север, часть жителей в поисках лучшей доли уехали в Казахстан и Среднюю Азию. Из двух тысяч жителей к началу тридцатых годов едва насчитывалась четвертая часть.

Емельяновы остались на родине. Филипп работал бригадиром в колхозе «Свобода». Как грамотного, знающего дело, его утвердили на должность секретаря сельского совета. В соседней Пресногорьковке, ставшей районным центром, была школа-десятилетка. Филипп Егорович переехал в станицу, чтобы дать образование детям в трагическом 1937 году. Хорошо разбиравшийся в коневодстве, он работал заготовителем в местной конторе.

Филиппа призвали в ряды Красной Армии в январе 1942 года и направили в Тюмень, где формировалась новая стрелковая дивизия.

4 марта 1942 года 175-я дивизия была отправлена на Юго-Западный фронт, и в составе 28-й армии наступала на город Харьков. Советское командование планировало срезать «барвенковский» выступ, окружить и разгромить группировку противника, овладеть Харьковом и продолжить освобождение Украины. Армия была смешанного состава – из старых и новых соединений. Ядром стала гвардейская дивизия генерал-майора Александра Родимцева. Состав сформированных соединений был довольно пёстрым. Тюменская дивизия почти полностью состояла из сибиряков 1900-1910 годов рождения.

Здание, в котором формировалась дивизия. Тюмень

Движение северной ударной группировки Юго-Западного фронта началось 12 мая. Прорвав оборону противника, 28-я армия достигла рубежа реки Муром и нависла с северо-запада над Харьковом, однако без поддержки других армий прекратила наступление. В районе Краматорска скрытно сосредоточилась группа фон Клейста с большим количеством танков. 15 мая Клейст нанес мощный удар по флангу наступления 9-й армии соседнего Южного фронта, не располагавшего оперативными резервами. Через несколько дней его танки форсировали Северный Донец и соединились с войсками Паулюса. В окружение попали пятнадцать стрелковых, шесть кавалерийских дивизий, два танковых корпуса, пять отдельных танковых бригад, артиллерийские, инженерные части и различные вспомогательные подразделения. Пробились к своим в ночь на 29 мая немногие. Погибли или попали в плен более 270 тысяч бойцов и командиров, в их числе и дед автора Дмитрий Руфович. Тем временем 28-я армия занимала плацдарм между селами Муром и Старица, вдавленный в ходе майских боёв оборону 6-й армии Паулюса. Ударами по сходящимся направлениям к северу и югу немецкое командование хотело окружить и уничтожить, наступавшее в обход Харькова, соединение. По воспоминаниям лейтенанта Алексея Копейкина «немцы повели массированное наступление рано утром 10 июня, когда наша 175-я стрелковая дивизия занимала оборону между селами Муром и Старица Харьковской области. Мой взвод окопался в лесу у проселочной дороги с задачей не дать возможности немцам прорваться в тыл дивизии. Первую атаку в лоб мы отбили. Тогда немцы прорвались на флангах, и мы оказались в окружении... После минометно-артиллерийского обстрела был частично разрушен мой ДЗОТ. Когда я переносил пулемет на другое место, немцы атаковали нас с тыла. Меня ударили прикладом по голове, и я потерял сознание. Очнулся уже в хате села Старица. Всех попавших в плен на нашем участке обороны немцы направили пешком под конвоем в Харьков. Пять дней мы ничего не ели и не пили. Охраняли нас добровольцы-украинцы, которые жестоко относились к нам и никому из местного населения не давали принести пленным пищи и воды. Только на станции Дергачи нам дали по стакану гречневой крупы и подсолнечных семечек, что мы съели в сыром виде. А потом кормили два раза в день сырыми отрубями, разведенными в воде, примерно пол-литра на один раз».

Из окружения под Харьковом в расположение частей образованного 12 июля 1942 года Сталинградского фронта вышла горстка из 353-х военнослужащих 175-й стрелковой дивизии, насчитывавшей к началу наступления на Харьковском направлении более одиннадцати тысяч бойцов, командиров и политработников.

В немецких источниках писали: «13-го числа хорваты поймали охотничью удачу. Находящаяся на привале в Киричной 11-я рота 369-го полка взяла после короткой перестрелки семь русских офицеров, шестьдесят рядовых и одну сестру милосердия. Один из офицеров оказался командиром 175-й стрелковой дивизии, генерал-майором Кулешовым».

Александр Демьянович Кулешов погиб от побоев и истощения в концлагере Флоссенбург в 1944 году, отвергнув предложение власовцев о сотрудничестве.

Медсестра Зоя Васильевна Рыбкина (Устюжанина) вспоминала: «Перед войной я окончила медицинское училище. Медсанбат 175-й дивизии формировался в Тюмени в здании старой типографии по улице Первомайской. В марте сорок второго года нас отправили на фронт под Харьков. Бои там шли упорные.

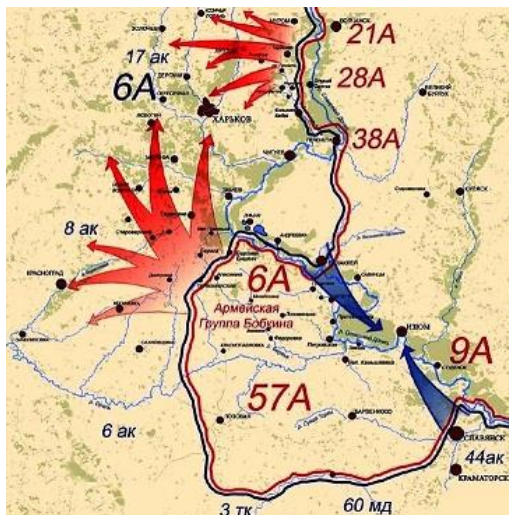

Схема действий армий. 1942 год

В силу сложившихся обстоятельств медсанбат, как и вся дивизия, попал в окружение. Кто уцелел и не попал в плен, отошел за Дон...». В 2006 году в память о тюменской дивизии, погибшей в мае 1942 года в окружении под Харьковом, была открыта мемориальная доска на здании по улице Челюскинцев в Тюмени.

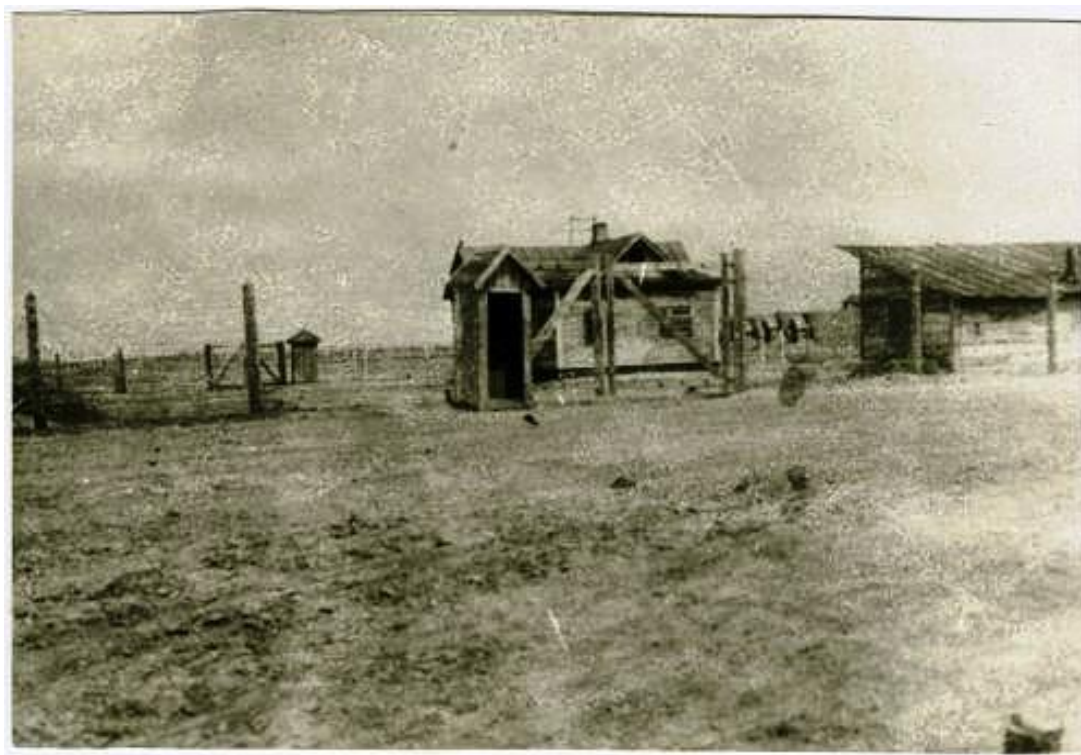

Памятная доска. Тюмень

Филипп Емельянов с несколькими товарищами пытался пробиться на восток. Отход оказался неудачным – пришлось несколько недель хорониться в лесах, сутками сидеть в болоте, дышать через камыш. Сложилось так, что Филипп в числе тысяч своих товарищей попал в плен. Он оказался в Яцевском концлагере под Черниговом, охраняли который полицаи из Волынского сичевого куреня и эсэсовцы. В этом лагере некоторое время был в заключении

будущий известный писатель Юрий Олиферович Збанацкий, которому удалось 2-го октября 1942-го года совершить побег.

В книге «Мы – не из легенды» он пишет: «На территории бывшего колхоза, в окрестностях Чернигова, оборудовали концлагерь, в тюрьме отобрали около тысячи молодых и физически сильных заключенных, бросили в сырые бараки за колючую проволоку с намерением: прежде чем уничтожить – использовать как даровую рабочую силу». Заключенных гоняли работать на уборку картошки, свеклы, на заготовку сена. Збанацкий работал с товарищами на ремонте бывших колхозных строений и оттуда бежал, используя хорошее знание местности – это были его родные места.

Ворота лагеря в Яцево

Лагерь был построен ещё в феврале 1942 года недалеко от урочища «Криволевщина» на территории пригородного села Яцево. Кроме советских военнопленных тут содержались те, кто уклонялся от трудовой повинности. Узники обрабатывали землю, откармливали скот для фашистского рейха. Концлагерь представлял собой четырёхсотметровый квадрат, обнесенный двумя рядами колючей проволоки четырехметровой высоты. По углам стояли сторожевые вышки. В первой половине лагеря метров за сто от входных ворот, недалеко от ограды, стояли домик для начальства, столярная, швейная и ремонтная мастерские, где работали интернированные. Вторая половина – восемь длинных барачков, на метр вросших в землю. В первой тысяче людей, привезенных из тюрьмы, были черниговцы. В бараках спали на голой промёрзшей земле. Было холодно и сыро. С потолков капало. Кормили, чем попало. Хлеба не давали. Известны случаи, когда узников расстреливали в очереди за едой. В так называемой «кухне» стояли большие казаны, в которых

варилась невытая и не очищенная свекла. На каждого приходилось по одному литру такой баланды в сутки. Смертность была очень высокой.

Особенной жестокостью по отношению к заключенным отличался заместитель начальника концлагеря Бакирс. Его прозвали «мастером смерти». Лагерь фактически стоял на крови и костях замученных узников. Прямыми виновниками злодеяний в тюрьме, в урочище «Криволевщина», Яцевском концлагере, стали кроме Бакирса начальник Черниговского СД Кристензен, комендант подсобного хозяйства СД в пригородном селе Бобровица Грунерт, его помощники Райхельт, Шонветтер, полицейские и солдаты лагеря.

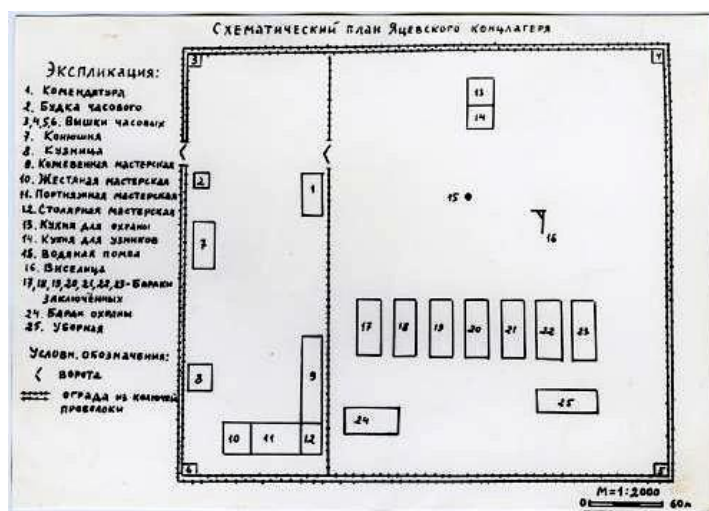

Схема лагеря в Яцево

Здесь Филипп познакомился с донским казаком Кочегуровым, который всячески помогал ему выжить в сложившейся обстановке. Ночами в лагерь приходили женщины из соседних сел и деревень, рискуя жизнью, приносили пленным продукты. Они кидали хлеб из-за колючей проволоки, стараясь попасть в окошки барачных.

Ю.О.Збанацкий (1913-1994 гг.)

В середине февраля 1943 года партизаны планировали освободить пленных. Командир бригады имени Щорса Збанацкий писал:

«Операция по освобождению Яцевского концлагеря приравнивалась по сложности с нападением на Чернигов и граничила с лихачеством. Сильнее всего меня беспокоил вопрос о подступах к лагерю со стороны Чернигова. Напасть – не составляет труда. Нашим союзником будет ночь. Но как после боя отойти в партизанский край с большой группой обессиленных, полуголодных людей, не способных не только к самообороне, но даже к активному передвижению? А идти предстояло полями, пересекая шоссе и железные дороги. У оккупантов было достаточно сил и техники, чтобы догнать нас и уничтожить».

Партизаны через местных жителей держали связь с лагерем и знали, что в нём существует мощная подпольная группа. Но они не успели осуществить свой план.

Восстание в лагере вспыхнуло 21 февраля 1943 года, во второй половине дня. Узников должны были расстрелять в связи с отступлением немецких войск. Пленным стало известно об этом от заключенного Шушпанова, неплохо знавшего немецкий язык. Он случайно услышал разговор о готовящейся ликвидации всех заключенных.

Но они не стали безропотно ждать своей участи и решили дать бой охране. Участник событий Василий Степин позже рассказал Збанацкому о восстании. В лагере по сигналу началась рукопашная. Заключенные бросились на украинских националистов с голыми руками и самодельными «остряками». Им удалось убить Бакирса и нескольких человек из администрации. С вышек открыли стрельбу, им ответили огнем завладевшие оружием пленные. Оставшиеся в живых через дыры в проволочном ограждении уходили по заснеженному полю. За их спиной поднимался чёрный дым – горели просмоленные бараки лагеря. Ранние зимние сумерки надежно спрятали от карателей тех счастливых, которым удалось сбежать. Не обошлось и без вмешательства «добрых людей», до сих пор неизвестно, кто вызвал из Чернигова карательный батальон, прибывший к месту событий на грузовых автомашинах. Часть полицейских бросилась вдогонку беглецам, а другие отправились в лагерь и начали делать своё кровавое дело.

Бараки

Владимир Сиротенко, отец которого находился в заключении, вспоминал:

«Когда мама прибежала в концлагерь, на него напали партизаны. Охрана концлагеря была не очень-то и многочисленной. Полицейские разбежались и попрятались, а эсэсовцев партизаны перестреляли. Партизаны освободили пленных и предложили им идти с собой. Часть ушла, а часть отказалась. Отказались те, кто имел родственников в Чернигове. В те времена немцы еще отпускали военнопленных на поруки близких. Когда партизаны с освобождёнными исчезли в лесу, со схронов повылазили уцелевшие сечевики. Они согнали всех, кто был – пленных, стариков, женщин, детей, на плац концлагеря и тут же расстреляли. Чтобы не было свидетелей их трусости. Через час после этого примчались гестаповцы и стали проводить следствие. Сечевиков арестовали и через неделю каждого пятого перед строем расстреляли на Красной площади Чернигова. Остальные повешены нашими в 1943-1948 гг.».

Каратели батальона под командованием оберштурмбанфюрера СС Кросса в течение двух дней расправлялись с селами Яцево и Бобровица, жители которых оказали помощь лагерным беглецам. Яцево сожгли полностью, Бобровицу – частично. Людей расстреливали и жгли живыми в собственных домах. Каратели, таким образом, уничтожили 712 жителей этих сел, а их имущество и скот – разграбили. На территории самого лагеря четыреста узников согнали в один из барачков и подожгли.

Всего же около трёх тысяч пленных красноармейцев были расстреляны.

Запретка

Ольга Федоровна Гвоздь, свидетель тех страшных событий, рассказывает, что раненых пулемётным огнем заключенных добивали, не тратя патронов, били наотмашь кованными сапогами по головам, приставляли дуло карабинов к разным частям тела и дико хохоча, нажимали на спуск ... далеко не все пленные могли бежать, значительная часть их была настолько истощена от голода и болезней, едва двигались. Беспомощные, они лежали на полу своих вырытых в земле барачков, напряженно прислушиваясь к выстрелам. Они приняли свою смерть, когда «борцы за волю» Украины и

эсэсовцы начали прочесывать территорию лагеря, убивая всех заключенных подряд. Один из бараков сожгли вместе с его беспомощными жильцами. Страшная участь ждала крестьян, проживавших неподалеку от концлагеря в селах Яцево и Юрков Хуторе. Вина их состояла в том, что некоторые из них помогли беглецам - кто одеждой, кто едой. Не знали они, что будут жестоко наказаны за своё милосердие. В нескольких домах на окраине Яцево каратели убили крестьян в тот же вечер. Убивали в домах так тихо, что в соседних домах люди ничего не слышали. Выходить ночью на улицу было нельзя, люди боялись нарушить комендантский час после событий в лагере. Лишь утром 22 февраля одна женщина заглянула в соседскую хату и, увидев окровавленные тела, подняла тревогу. Хватая маленьких детей, люди бросились в лес. Но успели не все – полицаи уже брали в кольцо обреченное на ужасную смерть село. Плотным кольцом они взяли также восточную часть большого пригородного села Бобровица и Юрков Хутор, расположенного в пойме Десны. Расстреливали всех подряд – от младенцев до стариков. Опьяненные от изрядной порции водки и крови своих жертв, убийцы дико хохотали, поднимая на штыки младенцев. Ограбив имущество, каратели поджигали здания. Село Яцево, основанное еще во времена Киевской Руси, перестало существовать. В Бобровице захваченных во время утренней облавы крестьян отводили в Юрков Хутор, который стоял на лугу в четырёхстах метров от села, загоняли в дома и хлева, клали на пол лицом вниз и расстреливали. Сверху на еще тёплые тела заставляли ложиться новую партию бобровичан и тоже расстреливали. Затем, спалив хутор, каратели отбыли машинами в Чернигов, где одних ждал вкусный обед с водкой, а другим предстояло продолжить кровавое дело. Тридцать эсэсовцев во главе с офицером подъехали к тюрьме по улице Пролетарской. К тому времени оттуда уже выпустили 18 подсаженных в камеры стукачей и 20 полицейских из украинской обслуги, которые отбывали там наказания за незначительные проступки по службе. Остальных – 283 заключенных начали расстреливать группами по десять человек в тюремном двореке. Обречённых на смерть выводили тюремные надзиратели во главе с начальником этого страшного учреждения, членом ОУН Александром Носенко. В пасмурное зимнее небо, затянутое низкими облаками, доносились из тесного дворека отчаянные вопли, плач и проклятия палачам. Совместная кровавая оргия украинских националистов и немцев закончилась лишь в конце дня. Всего в те страшные дни в Чернигове было уничтожено больше тысячи жителей, военнопленных и узников тюрьмы. Некоторых коллаборационистов потом отловили в бандах УПА, судили и расстреляли. Но многие сбежали на запад, эмигрировали в США и Канаду».

По мотивам изложенных событий в 1970-м году режиссером Григорием Липшицем был снят трёхсерийный художественный фильм «Обратной дороги нет». Премьера фильма на телевидении состоялась в день Победы в 1971 году. Село Яцево в 1947 году было переименовано в Новосёловку.

Филипп Егорович вступил в партизанский отряд – бригаду имени Щорса под командованием Збанацкого 3 марта 1943 -го года.

Первое задание, в котором он участвовал, была помощь казакам 121-го казачьего батальона, которых немцы планировали использовать против партизан. Донские казаки решили уйти к партизанам, но немцы арестовали часть из них. Филипп был связным между несколькими партизанскими группами. В результате этой операции Яновский гарнизон был ликвидирован. Из перешедших к партизанам казаков был создан отряд имени Будённого во главе с Павлом Константиновичем Лузаном.

Памятник узникам Яцевского лагеря

В то время, по воспоминаниям Збанацкого, самой популярной темой для партизан были планы взятия Чернигова и районного центра Остра. Но это были только мечты. «О Киеве мы помалкивали. Мечтали и о том, чтобы скорее вскрылись реки. Когда разольются Днепр и Десна, добраться до нас будет нелегко. О том, что сами окажемся в тисках, как-то не думалось». Будённовцы очищали от оккупантов южную часть Михайло-Коцюбинского района. В больших селах Сивки и Навозы стояли крупные вражеские гарнизоны. Рота будённовцев, в которой находился Филипп Емельянов, разгромила гарнизон в Сивках и преследовала ушедших в Навозы немцев. Здесь было уничтожено около сорока немецких солдат, взят пулемёт, сотня винтовок, пистолеты, продукты питания, одежда. Этого оружия хватило на вновь прибывших партизан. Бригада имени Щорса имела связь с партизанами Ковпака по обе стороны Днепра и Припяти.

Казаки в отряде Буденного показали себя настоящими патриотами, они предпочитали погибать в бою, но врагу не сдаваться. Внучка Филиппа Егоровича Елена Войтенко вспоминала рассказ деда: «Вели мы бой в одном из украинских селений. Был у меня лучший друг, с которым прошли всю войну, родом из здешних мест. Неподалеку жили его родные, семья. В минуты передышки набрал он в карман зелёных яблок. Собирался забежать к детишкам с гостинцами. Пуля сразила его наповал. Покатались яблоки по земле...».

Тяжелые боестолкновения с оккупантами начались в мае. Каратели пытались всеми силами уничтожить отряд, но командиры Леонтьев,

Мольченко и Лузан умело оборонялись у хуторов Тужар и Высокая печь. Немцам удалось загнать партизан в болото Выдра, простиравшегося от поймы Днепра до самой Десны. Збанацкий писал: «Нам пришлось волей-неволей лезть в непроходимое болото. Для этого были веские причины. Первая – невероятная усталость, истощение от недоедания и недосыпания, вторая – отсутствие необходимейшего боезапаса. Третья – нам некуда было деваться, или в Выдру, или под фашистские пули. Мы залегли в болоте. Противник обрушил на нас бесчётное количество снарядов, мин, пулемётных и автоматных разрывных пуль. В один миг мертвая трясина превратилась в крошечный ад. Пришлось погрузиться по шею в болото...».

Район действий партизан бригады имени Щорса
(весна-осень 1943 года)

Но вышли и из этой передрыги. Через многие испытания прошли партизаны бригады имени Щорса летом 1943 года. Один из таких боев под селением Максим особенно запомнился Филиппу Егоровичу – девять человек его отделения вели на улицах села неравный бой с фашистами, пока не подоспели основные силы бригады во главе с Юрием Збанацким.

В сентябре 1943 года партизанским соединением было занято несколько переправ на Днестре и Припяти для форсирования этих рек войсками Советской армии. Партизаны не дали фашистам взорвать переправы. Командир стрелковой дивизии полковник Гудзь докладывал командованию: «За время с 17 по 28 сентября 1943 года партизанские отряды имени Щорса, имени Коцюбинского, Перемога, имени Буденного и имени Ворошилова помогли дивизии форсировать Десну, Днепр и Припять. Переправы действовали днем и ночью».

В «Украинской Советской энциклопедии» читаем: «Значительную помощь оказали партизаны в битве за Днепр. Они захватили двадцать пять

переправ и держали их до подхода частей Красной Армии, построили несколько переправ и передали их войскам».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1944 года за умелое командование партизанским соединением, образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу немецко-фашистских войск и проявленные при этом героизм и мужество Збанацкому Григорию Олиферовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 2881).

Справа Филипп Емельянов. 1944 год

В первых числах октября соединение имени Щорса было расформировано. Но партизанам было не до отдыха. Часть из них влились в воинские соединения наступающей армии, другие занимались зачисткой лесов Украины и Белоруссии от изменников и диверсантов. Филипп Егорович демобилизовался в октябре победного 1945-го года и вернулся в Пресногорьковку. Со своими партизанскими командирами Юрием Олиферовичем Збанацким и Павлом Константиновичем Лузаном он встретился в Киеве в сентябре 1980-го года. Збанацкий стал известным советским писателем, автором ряда книг для взрослых и детей. Несколько подаренных книг увёз с собой в Казахстан Филипп Егорович.

Скончался Филипп Егорович Емельянов в 1989 году, оставив на белом свете семерых детей, среди которых педагоги, поэты и журналисты. Всю войну ждала его и сына Сашу жена и верный спутник по жизни Александра Алексеевна.

Такие люди, как Филипп Егорович Емельянов, шли по жизни только вперёд, обратной дороги для них не было...

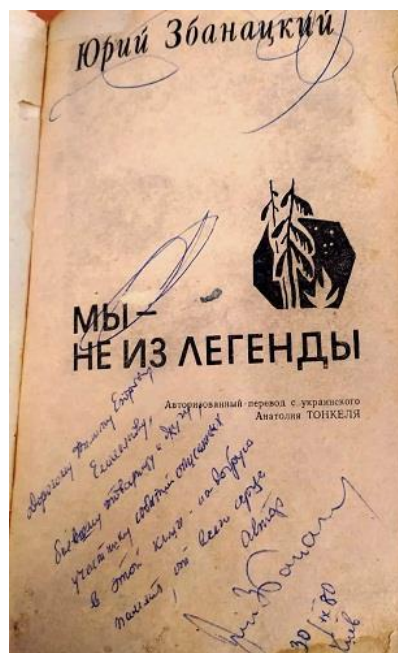
Примечание:

Численность отряда имени Щорса, основной список (октябрь 1943 года).

Всего: 472, из них мужчин 413, женщин 59

Потери отряда убитыми и пропавшими без вести за период боевых действий - 45 человек

ф. ЦГАВО Украины ф.1 оп.26.д 531

Книга с дарственной подписью автора. 1980 год. Киев.

Юрий Ермолаев: будь проклята война

Воскресный день 22 июня пресногорьковская детвора ожидала с большой радостью. В этот день в Татарском лесу должны были состояться районная спартакиада и народные гулянья. Утром ясного и солнечного дня сюда съехались представители трех десятков колхозов и поставили палатки. Юра Ермолаев со своими друзьями Павлом Дербиловым, Колей Ивановым, Мишей Канахиным, Колей Симоновым, искупавшись в озере, оказались в лесу. Здесь они побывали на волейболе, перетягивании каната, посмотрели на гиревиков, поиграли в лапту. Народ отдыхал и веселился. В лесу дымились кухни, в котлах варился бешбармак, люди пели песни. Денег у пацанов с собой не было, поэтому они решили сбегать домой и вернуться. У леса Лазаретника им встретила толпа людей с тревожными лицами. Они говорили о начавшейся войне с Германией.

Ребята, в отличии от взрослых, были уверены в скором разгроме фашистов. Через много лет Юрий Фёдорович вспоминал: «Ложась спать, мы думали, что завтра узнаем, что фашистов изгнали с нашей территории. Всю ночь мне снился сон, что Гитлер бежит, оглядываясь назад, а за ним скачут на конях красноармейцы с клинками и в будённовках, а мы, пресногорьковские мальчишки, стреляем ему вслед из рогаток».

Действительность оказалась суровой. Мужчины ушли воевать, все тяготы тяжелого крестьянского труда легли на плечи детей войны. В ноябре 1943-го года Юру призвали в армию и отправили в школу снайперов в Чебаркуль. Осенью 1944 года он оказался на Сандомирском плацдарме, на берегу реки Сан. В 3-й танковой армии маршала Рыбалко снайперов хватало,

поэтому Юру зачислили автоматчиком в 69-ю мотострелковую бригаду. Здесь вместо снайперской винтовки боец Ермолаев получил автомат ППШ и гранаты. Вновь началась учеба – учились быстро взбираться на броню танка, прыгать на ходу так, чтобы не попасть под гусеницы и быть готовы вести бой.

Рано утром 13 января 1945 года началась артподготовка. Километрах в трех от Юриного блиндажа разрасталось огромное зарево, туда летели десятки самолетов. В прорыв бросили танки. Бойцам десанта предстала жуткая картина – горы трупов немецких и наших солдат в первой линии обороны. В течении нескольких дней танки рвались на запад, углубляя плацдарм. Однажды Юра попал под бомбежку – с неба просыпались мелкие противопехотные бомбы. «Я упал в кювет, прижался к земле, было очень страшно, ведь это была моя первая бомбежка. Когда все стихло, мы стали подниматься. Но несколько темных точек остались лежать на снегу. Первые наши потери. Погиб и мой товарищ. Похоронив убитых, мы двинулись дальше – вперед, вперед». Враг, отчаянно сопротивляясь, отступал к Одеру. Как-то в небольшом лесу отделение наткнулось на пулеметный огонь, который вели из немецкого танка. В машине закончилось горючее, но экипаж продолжал сопротивляться. Ермолаев с земляком Жанатом заскочили на броню и гранатой уничтожили танкистов. 19 января колонна автомашин привезла пехотинцев к замерзшей реке. Танки отстали. Пришел приказ ворваться в городок на противоположном берегу, но пулеметный огонь уложил атакующих на лед. Юра лежал рядом с пулеметчиком Мишей Багиным. Юру послали в соседний взвод сообщить, что у моста стоит немецкая самоходка и ведет огонь по льду. «Когда я полз обратно мимо Миши, смотрю, а он лежит на боку у пулемета. «Ты ранен?». Он только поморгал глазами. Через несколько секунд умер». Юра сообщил своему другу по снайперской школе Коле о смерти Михаила. И в этот момент из леса выскочили «тридцатьчетверки» и пехота побежала за ними. Юра с криком «Ура!» выскочил на обрыв и увидел обугленный труп Николая. Только после взятия городка и пленения толпы власовцев Юра стал размышлять о том, отчего сгорел друг. Коля был сигнальщиком и пуля, попав в вещмешок с запасом ракет, взорвала их.

Бригада ворвалась на территорию Германии. Навстречу колоннами шли бывшие военнопленные и угнанные на запад. Немцы – старики, дети, женщины, кричали «Гитлер капут!».

Соппротивление фашистов на подступах к Силезскому угольному бассейну усиливалось. У Глейвица бригада попала под обстрел шестиствольных минометов и бойцы двое суток пролежали в снегу у железнодорожной насыпи. Лишь ночами удавалось немного согреться, встать и походить. 26 января пришел приказ – идти вперед без выстрелов, но немцы поняли уловку и открыли пулемётный и миномётный огонь. «Залегли. После очередного взрыва снаряда что-то шлёпнулось в снег рядом со мной. Посмотрел – нога в валенке. Они были только у нашего комвзвода. Меня в дрожь бросило. Это всё, что осталось от нашего командира». Приказали отойти за насыпь. Юре мешала фляжка со спиртом, и он допил её содержимое и выбросил. Потом встал в полный рост и пошел к насыпи под пулями – будь, что будет. Смерть миновала его.

Глейвиц был взят. Немцы не ввязывались в уличные бои и оставили его. Еще несколько Юриных товарищей остались навсегда в этом небольшом городке. В начале февраля бригада с ходу форсировала Одер в районе Бреслау и повернула на Берлин.

До середины апреля стояли в лесах юго-восточнее Берлина, прибывало пополнение, танки, артиллерия. Ночь на 16 апреля стояла тихая, теплая, и звездная. Но когда начали работать «Катюши» и тяжёлые гаубицы небо засияло от их снарядов. Впереди вели огонь средняя и легкая артиллерия и минометы. Более часа шла непрерывная артподготовка. Следом пошли самолеты... Бой начался на второй линии обороны. За этот апрельский день бригада продвинулась на пятнадцать километров. Кругом горели немецкие фольварки и небольшие города. Танки обстреливались фаустниками и артиллерией, но ничего не могло остановить движения на Берлин.

26 апреля во время движения танков по шоссе Юра получил ранение. « Слева из леса затрещал пулемет, острая боль пронзила мою левую руку. Я свалился с танка. Друзья побежали в сторону пулемета и танк развернулся к лесу, стреляя из пушки». В шею был ранен друг Дима Смолин. Снайпер попал в руку Юре лишь потому, что танк в момент выстрела рванулся вперед.

Юра Ермолаев лежал в госпитале города Зарау, когда раненные были разбужены страшным грохотом и стрельбой. Решили, что немцы прорвались, но всех успокоил замполит госпиталя. Он вошел в палату и закричал: «Победа, товарищи!».

Еще два месяца Юра лечился, служил до 1947 года в армии. После войны трудился в Пресногорьковке и Троебратном, уехал в Курган. Судьба подарила ему долгую, трудную, но счастливую жизнь, в которой было всё. Автор в материале «Горькие страницы Большого террора» (<https://pkzsk.info/gorkie-stranicy-bolshogo-terrora/>) писал об арестованном и убитом отце Юрия (октябрь 1937 года), о том, как перепутали фамилии и вначале расстреляли священника Ермилова (приговор – 5 лет), но потом исправили «ошибку». Казак Федор был репрессирован из-за службы в белой армии. «Орден меченосцев», как называл Сталин НКВД, калёным железом

выжег всех казаков Горькой линии, служивших в 1-й Сибирской казачьей дивизии. Семья Ермолаевых стала семьей изменника родины (ЧСИР), «врагами народа», со всеми вытекающими последствиями. Лишь в 90-е прокуратура Кустанайской области оповестила родственников о невинности отца.

В 1965 году в военкомате Юрию Федоровичу вручили медаль «За отвагу», высший знак солдатской доблести и мужества. Юрий Федорович считал, что получил её за подорванный немецкий танк, но лишь через много лет увидел свой наградной лист.

Привожу текст представления: «В боях за город Глейвиц товарищ Ермолаев показал себя смелым мужественным и стойким воином. Он одним из первых ворвался в город и огнем из автомата уничтожил 4 гитлеровцев. Был ранен, но не ушел с поля боя. Находясь в 16-й механизированной бригаде 4-й танковой армии, принимал участие в форсировании реки Шпрее и стойко отражал контратаки противника на занятом плацдарме. Участник танкового рейда в тыл противника, где метким автоматным огнем уничтожил 15 гитлеровцев».

На мой вопрос Юрию Федоровичу Ермолаеву (1926-2018 гг.), какое событие из военных будней запомнилось ему более всех, старый солдат ответил: « Я часто вспоминал, как мы едем колонной по бетонным дорогам Германии и жирные пятна от раздавленных трупов и клочки шинелей серо-мышинного цвета немецких солдат и серые от наших парней. Они не имеют даже могил, от них не осталось даже праха. Сколько матерей и жен ничего не знают об их судьбе. Будь проклята война...».

Два ордена за взятие Берлина

Михаил Кириллович Головченко появился на свет в небольшом переселенческом селе Евгеньевка Петропавловского уезда, расположенного в 25 верстах южнее райцентра Пресногорьковки в открытой степи. Стояла сухая осень 1925 года – время, когда крестьяне заканчивали работы по уборке урожая. Мать Михаила, Христина Мироновна, рано овдовев, осталась с тремя малолетними детьми на руках и вскоре вышла замуж за Ефима Корнеевича Твердохлеба. Миша, окончив начальную школу, пошел работать в колхоз, где рано познал тяжесть крестьянского труда – косил сено на берегах озера Сатай, следом поспевала очередь уборки зерновых, пас колхозный табун.

С нетерпением ждал Михаил повестки в ряды Красной армии, опасаясь, что война с врагом закончится без него. Непонятна ему была мамина печаль, когда доставала она украдкой из кованого сундука старинную иконку с ликом Пресвятой Богородицы, что-то шептала в тишине, да смахивала горькую слезу. Просила Христина Матушку о скором завершении страшной бойни, изгнании врага из отчей земли до Мишиного совершеннолетия.

Михаил попал в пехоту, да так и прошагал вместе с товарищами из 416-й стрелковой дивизии от степей Таврии до фольварков Польши и реки Шпрее. Много земли пришлось перекопать совсем молодому парню из Северного

Казахстана небольшой пехотной лопатой с царскими орлами, оставшейся еще с прошлой войны. Окопы, блиндажи, огневые точки рыли пехотинцы, памятуя слова комбата о том, что чем глубже зароешься в землю, тем больше шансов остаться в живых. Но более всего запомнил рядовой Головченко тяжёлую глину братских могил – они оставались за спиной дивизий и танковых армий небольшими насыпями у дорог, в лесах и болотах, у безымянных высот, не отмеченных на картах. Не раз тогда вспоминал Михаил склонённую над иконой маленькую фигурку матери и печаль её становилась понятна ему. Красноармеец Головченко, как и тысячи других бойцов, о которых молились дома, рвался на запад. Первый орден Славы ему вручил в феврале 1945 года командир 1368-го полка Василий Куркацишвили за подвиг на левом берегу Вислы, когда во время сильной контратаки врага Михаил сумел выбрать удобную позицию и уничтожить четырнадцать фашистов. Сам он вспоминал об этом эпизоде через много лет в интервью газете «Рудненский рабочий»:

"15 января 1945 года меня ранило близ местечка Буда-Августовская. Через несколько дней после того, как попал в госпиталь, немцы забросили в эту местность большой воздушный десант для уничтожения склада с боеприпасами.

- Кто может держать оружие – за мной! – скомандовал раненный в голову старший сержант и первым выбежал из госпиталя. За ним ринулись остальные: кто бегом, кто на одной ноге вприпрыжку, кто на костылях, а кто и ползком, с перевязанными руками и ногами. Оружие, которое фашистские десантники намеревались уничтожить, вмиг было роздано раненым бойцам, и они вместе с охранниками склада заняли круговую оборону. А десантники все продолжали приземляться и попадали под меткий огонь".

Следующее тяжелое ранение в плечо и орден Красной Звезды Головченко получил 8 марта при взятии города - крепости Кюстрин, настоящей цитадели с гарнизоном эсэсовцев, стоявшей у впадении реки Варта в Одер. На берегу Варты Михаил с группой бойцов пробрался в тыл

противника и автоматным огнем уничтожил десять немецких солдат. Одним из генералов, планировавших взятие этой индустриальной цитадели, был будущий комендант Берлина генерал Берзарин.

Впереди был штурм Берлина. О нём рядовой Головченко вспоминал сдержанно: « Эти уличные бои в Берлине были особенно жестокими. Здесь стреляло все: окна, двери, чердаки, крыши».

Для дальнейшего продвижения к рейхстагу необходим был плацдарм на другом берегу Шпрее. О боях за плацдарм пишет командир полка В.Е.Куркацишвили: «Под грохот орудий, трескотню пулеметов, почерневшие от пороха и дыма пожарищ продвигались мы все ближе к самому центру фашистского логова. В дыму и огне блеснула лента воды. Это Шпрее. Два передовых батальона останавливаются в нерешительности. Мост, перекинутый через реку, в полной исправности. Что это – не ловушка ли? Но вот четверо выходят из рядов и быстро перебегают мост. Это были старший сержант Кудашев, сержант Калота, ефрейтор Белаковский и красноармеец Абрамян. За ними тотчас же двинулись оба батальона и вскоре закрепились на том берегу, заняли гараж и дом. Теперь надо поскорее переправить туда технику, а затем и весь полк. Приказываю саперам обследовать мост. Под ураганным огнем противника саперам не удастся осмотреть его детально, внешние признаки минирования не были обнаружены. Сигнал – и к мосту подходят тяжелые танки. С волнением следим мы, как взбирается первый танк. Но только вступил танк на мост, раздался страшный грохот, и мост обрушился. Положение критическое. Плацдарм под угрозой, под угрозой наши батальоны...». Об этих днях рассказывает и журнал боевых действий полка, в котором служил Михаил:

«22.04.45 Противник оказывает упорное сопротивление наступающим подразделениям полка оружиено-пулемётным, артминомётным огнём и огнём «фаустов». Полк достиг к 9.00 юго-западной окраины Бисдорф ул. Новакштрассе, район ж/д моста.

23.04.45 Дивизия, выйдя в новую полосу наступления корпуса, наступает во втором эшелоне. К исходу дня полк достиг рубежа 200 м восточнее реки Шпрее. Противник яростно сопротивляется. Полк имеет потери убитыми – 8 человек. В том числе комбат 1сб капитан Теньковский, командир разведзвода л-т Семиренко. Ранен пулей немецкого снайпера капитан Хохлов, начштаба полка».

За рядового Головченко скажут скупые строки наградных листов. 25 апреля 1945 года пехотинец был награжден орденом Славы II степени за то, что трижды врывался в траншеи противника и ручными гранатами уничтожил три пулеметные точки, обеспечив продвижение роты вперед. А 30 апреля он был представлен к ордену Отечественной войны II степени: « В городе Берлине из фаустпатрона уничтожил две огневые точки и 11 солдат противника. В ожесточенном бою по очищению одного из кварталов Берлина 23 апреля был тяжело ранен». Его вынесли с поля боя и отправили в тыловой лазарет. Оставалось всего девять дней до капитуляции фашистской Германии и тяжелую боевую работу по ликвидации логова врага завершили товарищи Михаила.

Демобилизовавшись в 1950-м году Михаил Кириллович вернулся в родной колхоз двадцатипятилетним ветераном. Жил долгое время в Песчанке, отделении совхоза «Пресногорьковский», работал завскладом. Ему была вручена мирная награда – медаль «За освоение целинных земель». Позже бывший пехотинец уехал на Соколовско-Сарбайский рудник, в недавно отстроенный город Рудный. Работал на комбинате до своей кончины в январе 1988 года.

Недолгую, но славную жизнь прожил Михаил Кириллович, боец и скромный труженик с честью прошел свой путь по нашей вечной земле.

Содержание

Непридуманные рассказы

Русское поле	4-8
Лекция	8-9
Кухонный наряд	10-14
Звёздное лето	14-21
Самый лучший день	21-24
День рождения	24-29
После детства – целая жизнь	30-32
Время первых. Последний поклон	32-48
Повернувшие время. Правда о «застое»	48-75

Исторические очерки

Торгоутский побег 1771 года	76-85
Партизанская группа Доможирова в 1919 году	85-132
Против трёх империй	132-151
Дом на Казачьей площади	151-154
В церковной ограде	154-164
Ненаписанные «Пресновские страницы»	164-174
Осколки ушедшей эпохи	175-183
Уходя, оставьте свет	184-187
Филипп Емельянов: обратной дороги нет	188-199
Юрий Ермолаев: будь проклята война	199-202
Два ордена за Берлин	202-205

Виниченко Сергей Николаевич – автор нескольких книг, сборника стихов и более ста рассказов и исторических очерков. Печатался в альманахах «Тобольск и вся Сибирь» (2011), «Красная весна» (2021), в краеведческих сборниках музея Верхнего Приоболья «История родной земли» (Лисаковск - 2018,2019,2020), в материалах Тимоновских чтений (Костанай - 2022,2023,2024).

Соавтор книг «Услышать можно шёпот звёзд» (Костанай, 2020), «Храмы и монастыри Костанайской области» (2021). Печатался в журнале «Казачье братство» (Томск - № 5,6,7. Тема: Гражданская война 1918-1920 гг.).

Публикации стихов в сборнике «Половинские родники» (2024). Участник ряда международных конференций по теме Первой мировой войны. Полуфиналист международного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (Москва, 2017).

Лауреат премии «Казына» (2012). Награждён орденом Русской Православной Церкви Священноисповедника Николая, медалью «Ата», медалью «За труды и Отечество», Почётной Грамотой Президента Республики Казахстан (2023).

Автор в школьном краеведческом музее даёт интервью журналисту Марине Первухиной

Фото Сергея Миронова

Сергей Виниченко

В лабиринтах времени